МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. И. Н. УЛЬЯНОВА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Серия историческая

ТОМ XXI ВЫП. 5

Ульяновск,
1969

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. И. Н. УЛЬЯНОВА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Серия историческая

ТОМ XXI ВЫП. 5

Ульяновск,
1969

И. С. РОМАШИН

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 ГОДА В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Прошло более ста лет с тех пор, когда царь Александр II под влиянием развивающегося в стране капитализма, поражения в Крымской войне, вскрывшей гнилость и бессилие крепостной России, и нараставших крестьянских волнений признал, что лучше освободить крестьян «сверху», нежели дожидаться, когда они будут освобождаться «снизу».

Реформа 1861 года — значительный рубеж в истории России: она открыла широкую дорогу капитализму.

В. И. Ленин, оценивая значение отмены крепостничества в России, писал: «19 февраля 1861 года знаменует собой начало новой, буржуазной, России, выраставшей из крепостнической эпохи»[1].

Энгельс подчеркивал, что с отменой крепостного права Россия вступила в капиталистическую эру[2].

Реформа 1861 года носила буржуазный характер и была в то время прогрессивным явлением. Капитализм означал новую ступень в развитии производительных сил России.

Однако реформу 1861 года проводили крепостники-помещики, которые, стремясь удержать за собой власть и землю, сохранили пережитки крепостничества, сдерживавшие развитие капитализма.

---

[1] В. И. Ленин. ПСС, т. 20, стр. 174.

[2] Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, изд. 2-е, М., 1951, стр. 165.

* * *

Говоря о падении крепостного права в России, уместно сделать краткий обзор исследований, посвященных реформе 1861 года в Симбирской губернии, посмотреть, что сделано в этой области краеведами, наметить пути дальнейшего изучения этой темы в наших условиях, а также дать краткую характеристику имеющихся источников.

Следует признать, что вопрос о проведении реформы 1861 года в Симбирской губернии до последнего времени не был еще предметом глубокого исследования. Исключением из этого является работа В. И. Канатова, о которой будет сказано ниже. То, что написано по этому вопросу, является только набросками, своего рода общими экскурсами или же работами, освещающими лишь отдельные стороны реформы. В частности, главным недостатком является отсутствие обобщающей работы по этому вопросу. Реформы 1861 года в Симбирской губернии, в той или иной степени касались в своих работах В. Левашов, Н. П. Гриценко, И. Катаев, П. А. Зайончковский и В. И. Канатов.

В. Левашов в небольшой работе «Реформа 1861 года в Самарской и Симбирской губерниях»[1] о Симбирской губернии говорит лишь попутно. Основным объектом его исследования была реформа 1861 года в Самарской губернии, а материалы о Симбирской губернии даются им как дополнение или для сопоставления. Поэтому в его работе не освещены многие вопросы проведения реформы в Симбирской губернии. Например, в ней даже не упоминаются проекты, разработанные Симбирским губернским дворянским комитетом, нет сведений о дарственных наделах, отсутствуют и многие другие данные. Из крестьянских выступлений он упоминает лишь одно — волнение крестьян села Шигоны Сенгилеевского уезда.

Н. П. Гриценко в работе «Очерки по истории г. Симбирска-Ульяновска и Ульяновской области»[2] посвятил реформе 1861 года в Симбирской губернии две главы:— Подготовка и проведение крестьянской реформы в Сим-

---

[1] В. Левашов. Реформа 1861 года в Самарской и Симбирской губерниях, Куйбышев, 1940.

[2] Н. П. Гриценко. Очерки по истории города Симбирска-Ульяновска и Ульяновской области, г. Ульяновск, 1948.

бирской губернии (стр. 191—213) и — Крестьянское движение в Симбирской губернии в связи с реформой (стр. 214—223).

Работа Н. П. Гриценко является более полной. Он характеризует обстановку, в которой шла подготовка реформы в губернии, описывает разногласия среди дворян губернии, указывает размеры земельных наделов, отрезков, повинностей и рассказывает о некоторых крестьянских волнениях. В то же время в этой работе отсутствуют проекты реформы Симбирского дворянского комитета, нет данных об уставных грамотах, выкупной операции и др. Впрочем, автор и не ставил своей целью специально исследовать эти вопросы.

И. Катаев в работе «Крестьянская реформа 1861 года в вотчине Орловых-Давыдовых»[1] дал достаточно полное исследование этого вопроса в крупнейшем имении Симбирской губернии, но всей губернии он не касался.

П. А. Зайончковский в своих двух больших работах: «Отмена крепостного права в России» и «Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года»[2] неоднократно касается Симбирской губернии, отмечая ее особенности. В частности, автор, обобщая содержание уставных грамот, подытоживает результаты осуществления реформы в Сенгилеевском уезде.

Столетний юбилей реформы 1861 года в России вызвал новый интерес исследователей к этой важной теме. Московский исследователь В. И. Канатов написал работу «Своеобразие проведения реформы 1861 года в Среднем Поволжье (по материалам Симбирской губернии)»[3], посвященную второму этапу в проведении реформы (от уставной грамоты к выкупной сделке), вопросу фактически не изученному.

Выполненная на основе архивных материалов Ле-

---

[1] И. Катаев. Крестьянская реформа 1861 года в вотчине Орловых-Давыдовых (по материалам Усольского вотчинного архива), «Коммунист». Куйбышев, 1941, № 4, стр. 72—78.

[2] П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права в России, М., 1955 и 1960 гг.; Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года, М., 1958.

[3] Вестник Московского университета, серия IX, История, № 5, 1964.

нинграда и Ульяновска, работа В. И. Канатова является значительным вкладом в изучение реформы 1861 года в Симбирской губернии. Анализ архивных материалов позволил автору работы внести существенные коррективы в некоторые цифровые данные, характеризующие реформу1861 года в Симбирской губернии.

Так, он убедительно доказывает, что количество удобной земли, находившейся в пользовании помещичьих крестьян Симбирской губернии до 1861 года, составляло не 735 915 десятин, а 787 175 десятин. Следовательно отрезки по губернии составляли не 205 768 дес., а 257 029 дес. (не 27,9 процента, а 32,6 процента).

Кроме того, в своей работе автор описывает ход и дает цифры по выкупной операции, характеризует особенности реформы в Симбирской губернии.

Таков ограниченный круг исследований этого вопроса применительно к Симбирской губернии, появившихся в печати в разное время.

Для сравнения приведем данные о работах по исследованию реформы 1861 года наших соседей. Так, краеведы Куйбышева, Казани и Горького сделали в этой области больше [1]. У других соседей, насколько

---

[1] По Самарской губернии, кроме упомянутой выше работы В. Левашова, имеются две работы А. Г. Каревской: «Реализация реформы 19 февраля 1861 года в Самарской губернии». Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства, вып. III. М., АН СССР, 1959 г.; «Крестьяне-дарственники Самарской губернии» («Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы» за 1960 г. АН УССР, Киев, 1962); работа П. А. Преображенского «Крестьянская реформа 1861 г. в Самарской губернии», Известия Самарского гос. унив-та, вып. 5, Самара, 1923. и работа К. А. Наякшина «Очерки истории Куйбышевской области», Куйбышев, 1962, гл. VI.

По Казанской губернии имеются работы: Е. И. Чернышева «Крестьянская реформа в Казанской губернии», Материалы по истории Татарии, вып. 1, Казань, 1948., стр. 366—413; Е. И. Устюжанина, «Крестьянское движение в Казанской губернии в период реформы 1861 года». Материалы по истории Татарии, вып. 1, Казань, 1948., стр. 414—487; Г. Н. Вульфсона. «Борьба вокруг реформы 1861 года в Казанской губернии», Автореферат канд. диссертации, М., 1950; Г. Н. Вульфсона и Е. И. Устюжанина, «Борьба помещичьих крестьян Казанской губернии в период революционной ситуации 1859—1861 гг.» Ученые записки Казанского унив-та, т. 112, кн. 5, 1954.

нам известно, исследований по реформе 1861 года меньше[1].

Мнения о причинах недостаточного исследования реформы 1861 года в Симбирской губернии различны. Одни объясняют это неактуальностью темы, считая ее «далекой стариной»; другие полагают, что отсутствует необходимый документальный материал в местном архиве, нет исчерпывающих данных по реформе.

В действительности же база для глубокого изучения реформы 1861 года в Симбирской губернии имеется вполне достаточная.

В государственном архиве Ульяновской области в последние годы фонд № 85 («Симбирское губернское по крестьянским делам присутствие») пополнился новыми материалами, присланными из Саратова[2]. В неразобранных фондах Ульяновского Дворца книги обнару-

---

По Нижегородской губернии имеются три работы: И. Н. Кунтикова «Крестьянская реформа 1861 года в Нижегородской губернии», Москва, 1955.; Ф. Чабаевского «Нижегородский губернский дворянский комитет 1858 г.», «Вопросы истории», 1947, № 6 и «Движение нижегородского крестьянства во время подготовки и проведения реформы 1861 г.», «Вопросы истории», 1950, № 11, стр. 91—100.

[1] По Саратовской губернии написана работа М. П. Потетенькина «Крестьянские волнения в Саратовской губернии в 1861—1863 гг.», Саратов, 1940.

По Пензенской губернии имеются работы: П. Лукиной «Подготовка крестьянской реформы в Пензенской губернии», Пензенский педагог. институт, Сб-к студ-х работ, вып. 1, Пенза, 1953, стр. 5—36; А. Ф. Дергачева «Крестьянское движение в Пензенской губернии накануне реформы 1861 г.», Пенза, 1958.

По Мордовской АССР — работа И. Карсакова «Крестьянская реформа в Мордовии» — Записки Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, т. 15, 1952, стр. 139—154.

По Чувашской АССР — работа Т. Г. Григорьева «Крестьянское движение накануне падения крепостного права», Ученые записки научно-исследовательского института языка, литературы и истории, ЧАССР, вып. 11, 1955.

[2] В государственном архиве Ульяновской области хранятся, вместе с присланными из Саратова следующие журналы за годы: 1861 г. № 75; 1862 г. — №№ 1—131; 1863 г. — №№ 1—50; 62—78, 90—115; 1864 г.—№№ 1—19, 32—39; 1865 г.—№№ 30—83, 85—86; 1866 г.—№№ 46—64.

жены неполные годовые комплекты журналов Симбирского губернского по крестьянским делам присутствия[1]. В Москве, в Библиотеке СССР имени В. И. Ленина имеются проекты Симбирского губернского дворянского комитета.

В Центральном государственном историческом архиве Ленинграда хранятся 1052 уставные грамоты, из 1394-х уставных грамот, введенных в свое время в действие в Симбирской губернии, и 1090 выкупных сделок по помещичьим имениям этой губернии (фонд главного выкупного учреждения). Возможно, что в других фондах этого архива (Секретный и главный комитет по крестьянскому делу, Земский отдел МВД и др.) также имеются материалы (протоколы) Симбирского губернского дворянского комитета. В государственном архиве Ульяновской области хранятся около 60 уставных грамот помещичьих имений, а также выявлены новые документы о крестьянских выступлениях в Симбирской губернии. Не исключена возможность наличия и других материалов. Следовательно, для более обстоятельного исследования этого вопроса имеется достаточная база.

Главная причина такого отношения к теме, по нашему мнению, заключается в недооценке этого вопроса нашими краеведами.

В данной работе автор, на основе имеющихся печатных работ и привлечения новых архивных источников, ставит задачу обобщить весь этот материал и дать более или менее конкретную картину подготовки и проведения реформы 1861 года в Симбирской губернии. Не претендуя на полное и исчерпывающее освещение этого вопроса, он полагает, что такая работа будет полезна учительству на уроках и внеклассной работе по истории, а также всем лицам, интересующимся историей своей области, поскольку статья содержит краеведческий материал.

* * *

Симбирская губерния накануне реформы 1861 года являлась типичной сельскохозяйственной губернией с

---

[1] Обнаружены журналы: 1861 г. — №№ 1—2, 38—75; 1862 г. — 1—50; 1863 г. — №№ 51—125; 1864 г. — №№ 1—50; 1865 г.— 44—86.

сильно развитым дворянским землевладением: помещикам принадлежало свыше миллиона десятин земли (кроме 787 тыс. десятин, находившихся в пользовании крестьян). Помещичьи крестьяне перед реформой составляли 44 процента крестьянского и 38,8 процента всего населения губернии (443 тысячи душ обоего пола)[1]. Около 75 процентов помещичьих крестьян отбывали барщину, а остальные были на оброке[2].

Экономика Симбирской губернии накануне 1861 года, несмотря на некоторый рост производства, в целом переживала кризис: развитие ее сдерживалось крепостным правом. Его тормозящее влияние особенно было видно в суконной — ведущей отрасли промышленности губернии. Являясь преимущественно вотчинной, она находилась в глубоком кризисе. Вотчинные предприятия работали лишь на 50—60 процентов своей производственной мощности, а некоторые — лишь на 25 и даже на 12 процентов. Четвертая часть помещичьих мануфактур находилась в аренде у купцов. Половина из открывшихся до 1861 года мануфактур была ликвидирована их владельцами (из 61 вотчинной мануфактуры к 1861 году осталась 31), большинство мануфактур находилось в таком безнадежном состоянии, что вскоре после 1861 года они были или закрыты, или сданы в аренду, или проданы купцам[3]. Все это отражало кризисное состояние крепостнической мануфактуры.

Помещичье хозяйство тоже переживало кризис. Об этом свидетельствует хотя бы такой факт — огромная задолженность помещичьих имений. В 1860 году из 1607 дворянских имений губернии 897, или 56 процентов, были заложены и перезаложены в банках и ссудно-сохранных кассах, причем 230 этих имений было подвергнуто в том же году за неуплату очередных взносов сословно-административным репрессиям — опеке, описи и продаже с молотка. В 1861 году эта задолженность повыси-

---

[1] На долю удельных крестьян приходилось 48 %, а государственные крестьяне составляли 8 %.

[2] А. Тройницкий. Крепостное население в России по 10-й народной переписи, СПБ, 1861 г., стр. 26 и ниже.

[3] Подробнее об этом см. в статье Ромашина И. С. «Кризис вотчинной мануфактуры и развитие капитализма в суконной промышленности Симбирской губернии (1754—1880 гг.) — «Ученые записки» УГПИ им. И. Н. Ульянова, т. X, вып. 4, Ульяновск, 1957, стр. 3—72

лась: заложенные и перезаложенные имения составляли уже 60 процентов[1]. Симбирская губерния имела самый высокий процент заложенных душ: почти 172 тысячи, то есть 81 процент всех помещичьих крестьян губернии[2].

* * *

В июне 1857 г. в Симбирске открылся губернский комитет «по устройству и улучшению быта помещичьих крестьян», приступивший к составлению проекта реформы в губернии.

Комитет состоял из 19 человек: председателя — им по положению являлся губернский предводитель дворянства — и 18 членов, из которых 16 были избраны дворянством (по два от каждого уезда), а двое—назначены правительством[3]. Все члены комитета были крупными и видными помещиками, среди них находились графы Орлов-Давыдов, Толстой, Ланской и князь Оболенский. Однако в комитете «по улучшению быта помещичьих крестьян» не было представителей крестьянства: судьбу крестьян решали сами помещики.

Члены губернского комитета представляли интересы экономически различных групп помещиков, что привело к отсутствию единства мнений, вследствие чего комитет единого проекта не выработал.

По проекту большинства (12 членов, ярых крепостников)—земельный надел устанавливался в 1,5 десятины на ревизскую (мужскую) душу. Осуществление этого проекта дало бы помещикам около 60 процентов «отрезков». Предусматривались высокие, значительно превышавшие рыночные выкупные цены полевой и особенно усадебной земли. Так, например, в проекте меньшинства цена десятины усадебной земли устанавливалась в 90 рублей, а большинство в своем проекте предлагало

---

[1] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 1281, оп. 6, д. 26, л. 4, 1861 г.; д. 27, л. 7 об. 1862.

[2] Журнал министерства внутренних дел, 1860, № 2, отд. 111, стр. 230—231.

[3] Председатель комитета — Аксаков Н. Т., члены: Аргамаков В., Ахматов Н. П., Бычков А. А., Ермолов А. И. Есипов П. С., граф Ланской М. С., Мещеринов Д., князь Оболенский Н. А., граф Орлов-Давыдов В. П., Пазухин Д. С., Пантусов А. И., Ребровский Д. Н., Соловьев Н. А., Татаринов А. Н., Татаринов К. Н., граф Толстой А. В., Шидловский Д. Н., Хвощинский В.

480 рублей. Кроме того, симбирские крепостники предлагали 12-летний срок временно-обязанного (переходного) состояния крестьян, в течение которого, будучи полусвободными, крестьяне на деле полностью зависели бы от помещика. Проект означал освобождение крестьян фактически без земли, сохранял экономическую власть помещика и пережитки внеэкономического принуждения крестьян.

Осуществление проекта могло вызвать взрыв народного недовольства. Поэтому такой проект даже дворянскому правительству показался опасным. Член Симбирского комитета Н. А. Соловьев называл Симбирский губернский комитет «не комитетом по улучшению быта помещичьих крестьян», а «комитетом об улучшении быта помещиков»[1].

Указанная позиция большинства членов Симбирского комитета объяснялась прежде всего экономическими факторами: количеством земли в имениях, характером ведения в них хозяйства, и, следовательно, степенью вовлечения их в рыночные отношения.

Меньшинство комитета — либерально настроенные помещики — составило два отдельных проекта[2], устанавливавшие земельные наделы на душу от 2 до 4 десятин, которые представлялись крестьянам на более льготных условиях выкупа. Помещики этой группы имели меньше земли, по сравнению с помещиками большинства комитета (от 300 до 1500 десятин), но зато они менее были связаны с барщинной системой: одни совсем не вели хозяйства (Соловьев, Ланской), другие занимались предпринимательством — имели винокуренные, конные заводы и т. п. Следовательно, они были заинтересованы в скорейшем получении денег по выкупной операции, которые намеревались вложить в доходное дело.

В этих проектах проявлялась все та же помещичья сущность: сохранялось помещичье землевладение; предусматривались выкуп земли, а фактически и выкуп

---

[1] «Записки сенатора Я. А. Соловьева о крестьянском деле». — «Русская старина», т. XXXVI, 1882, стр. 145—146.

[2] Авторами первого проекта меньшинства были: Назухин Д. С., Пантусов А. И., Татаринов А. Н., Ахматов Н. П. и Татаринов К. Н. (меньшинство 5 членов комитета), авторами другого — граф Ланской М. С. и Соловьев Н. А. (меньшинство 2-х членов комитета).

личности крестьянина и 12-летнее переходное состояние, хотя объективно в них больше, чем в проекте большинства, делались уступки крестьянству.

Интересно отметить, что меньшинство, признавая неизбежность капитализма, высказалось за наделение помещиками каждого крестьянина землей в собственность. т. е. против общинного землепользования, это — факт большой редкости среди помещичьих проектов России.

Симбирский губернатор Извеков, направляя в Петербург три проекта симбирского дворянства, признал, что оценка усадебной земли (480 руб. за десятину при цене лучшей полевой в 30—40 руб.) в проекте большинства слишком завышена и полагал, что крестьянин не только в 12-летний срок, но вообще не сможет выкупить свою усадьбу. Установленный их проектом надел до 1,5 дес. на душу, по мнению губернатора, вызовет ропот крестьян, и такой надел не обеспечит ни быта крестьянина, ни его повинностей помещику и государству. Поэтому губернатор считал приемлемым проекты меньшинства, но решительно выступил против наделения крестьян землей в частную собственность.

«Я же со своей стороны полагаю, что с переходом крестьян из крепостного в свободное состояние, необходимо на первое время, чтобы общинное право с мирским управлением заменяли бывшую власть помещика; в противном случае, крестьяне, вышедшие разом из крепостного повиновения на свободу, не будут сознавать над собою никакой власти, которая могла бы их удержать в порядке и повиновении, а через это могут воспоследовать самые гибельные последствия, по характеру и отсутствию образованности крестьян»[1].

На проекты меньшинства Симбирского комитета обратил внимание председатель редакционных комиссий Главного комитета Я. Ростовцев. В своей записке от 12 февраля 1859 года «О проекте Положения меньшинства К-та Симбирской губ.», специально написанной для комиссии Главного комитета по крестьянскому делу, он

[1] Проекты положений Симбирского дворянского комитета, М., 1858 г. Вкладка — Письмо Симбирского губернатора министру внутренних дел от 24 декабря 1858 г., за № 501. (Письмо вложено в проект меньшинства пяти между статьями 105 и 106).

называет эти проекты первым отрадным явлением между всеми, поступившими в Главный комитет проектами, и подробно анализируя эти проекты, высказывается за приемлемость их в качестве основы для того, чтобы сделать крестьян не пролетариями, а поземельными собственниками. Но, так же как и губернатор, он решительно высказывался за общинное землевладение.

Правительство, в целом согласившись с проектами меньшинства, отвергло принцип буржуазной собственности на землю. Оно боялось, что без сельской общины с ее круговой порукой помещики и государство не сумеют заставить крестьянина выполнять повинности и платить налоги[1].

Буржуазные историки утверждали, что в дворянских комитетах боролись две группы помещиков: крепостники, защищавшие интересы дворянства, и либералы, отстаивавшие интересы крестьян. В действительности это была борьба внутри одного лагеря помещиков: они спорили *«исключительно* из-за меры и формы *уступок»*[2] крестьянству. За свои интересы стихийно боролось само крестьянство, а подлинными выразителями и защитниками их интересов были революционные демократы: Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, А. И. Герцен и их сторонники.

* * *

Манифестом и «Положениями 19 февраля 1861 года» крестьяне объявлялись лично свободными. Они имели право владеть имуществом, заниматься торговлей и промыслами, наниматься на работу. Но эти права были неполными. Крестьяне по-прежнему оставались низшим сословием, платили подать, несли рекрутчину и т. д., а сельское и волостное управление, крайне урезанное, находилось в полной зависимости от дворян — мировых посредников.

Главный же вопрос, земельный, был решен по-крепостнически. В Симбирской губернии устанавливались следующие низшие и высшие земельные наделы (в десяти-

---

[1] Проекты положений Симбирского дворянского комитета, М., 1858 г. (Записка Я. Ростовцева вложена в проект большинства между статьями 111 и 112).

[2] В. И. Ленин, ПСС, т. 20, стр. 174.

нах, на одну ревизскую душу)[1]. По Алатырскому, Ардатовскому и Курмышскому уездам — $1^1/_{12}$—$3^1/_4$; по Буинскому и Карсунскому уездам — $1^1/_6$—$3^1/_2$; по Сенгилеевскому, Симбирскому и Сызранскому уездам — $1^1/_3$—4.

Эти наделы были меньше тех, которые имели крестьяне до реформы.

Если до 1861 года в пользовании помещичьих крестьян Симбирской губернии по официальным данным было 735 915 десятин удобной надельной земли, а по уточненным данным — 787 175 десятин, то после реформы они стали иметь 530 146 десятин, т. е. помещики отрезали в свою пользу по официальным данным 205 768 десятин, или 27,9[2], а по уточненным — 257 029 десятин, или 32,6 процента[3].

Следовательно, в руках симбирских помещиков после реформы осталось свыше 1250 тысяч десятин земли. Это было главным пережитком феодализма. Если до реформы в фактическом землепользовании помещиков Симбирской губернии находилось в среднем 630 десятин земли, а каждый крестьянин обрабатывал в среднем 3,6 десятины[4], то после реформы размер помещичьего имения возрос до 750 десятин, а размер душевого надела крестьянина уменьшился до 2,7 десятины[5].

Для иллюстрации рассмотрим уставную грамоту села Усолья, принадлежавшего графу Орлову-Давыдову— самому крупному помещику Симбирской губернии, — владевшему 82 тысячами десятин земли.

По уставной грамоте подлежала наделению землей 681 душа. Для этой местности высший надел устанавливался в 4 дес. на душу. До реформы у крестьян Усолья было 3376 дес., а получили они только 2724 дес.: отрезки

---

[1] Положения 19 февраля 1861 г. О крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, СПБ, 1861, Приложения, стр. VI—VII.

[2] П. А. Зайончковский, Отмена крепостного права в России, М., 1954, стр. 207.

[3] В. И. Канатов, Своеобразие проведения реформы 1861 года в Среднем Поволжье (по материалам Симбирской губернии) — Вестник Московского университета, серия IX, История, № 5, 1964. стр. 39, 53.

[4] Военно-статистический сборник, вып. IV, СПБ, 1871, отд. 2. стр. 188.

[5] П. А. Зайончковский, Отмена крепостного права в России, М., 1954, стр. 193.

составили 652 дес., или 19,3 процента лучших угодий (пашни 390 дес.). Внутри площади крестьянских наделов было размежевано 394 дес. помещичьей земли. Чересполосица сковывала хозяйства крестьян и ставила их в крайне затруднительное положение. Уставной грамотой предусматривалось перенесение 12-ти крестьянских дворов на другое место. Переносились также крестьянские пчельники. Кроме того, на крестьян возлагалась починка плотины на р. Усолке, хотя мельница оставалась господской. Рыбная ловля была правом лишь помещика. В случае выкупа оброк повышался на 1 рубль и устанавливался в 10 руб. с души. Граф так обусловил надел крестьян землей по уставной грамоте, что крестьяне наотрез отказались ее подписать, и она была введена помещиком односторонне. В довершение всего он нарушил право крестьян в течение пяти лет пользоваться отрезками и присвоил крестьянский общественный капитал в сумме 1906 рублей 80 коп.

Опутанные такими условиями своего «освободителя» крестьяне, не видя другого выхода, решились на крайнюю меру: они потребовали бесплатный четвертной надел, чтобы развязаться со своим помещиком. Только отчаянием можно объяснить эту решимость крестьян[1].

Мало того, что правительство обезземелило крестьян, оно заставило их выкупать землю по высоким ценам, вдвое-трое дороже действительной стоимости.

В целом по России землю, полученную крестьянами и стоившую 544 млн. рублей, правительство оценило в 857 млн. рублей, а фактически крестьяне выплатили свыше 2 млрд. рублей. Выкупные платежи крестьяне должны были платить в течение 49 лет (до 1910—1911 годов) и лишь революция 1905—1907 гг. заставила напуганное правительство отменить их с 1907 года.

В Симбирской губернии полученная крестьянами земля стоила (по рыночной цене) 10,6 млн. рублей, выкупная цена была установлена в 15 млн. рублей, фактически же крестьянство губернии выплатило около 30 млн. рублей.

Таким образом, крепостные крестьяне Симбирской губернии, как и крепостное крестьянство всей России, были ограблены помещиками, получили земли меньше,

---

[1] И. М. Катаев, Указ. соч., стр. 75—77.

чем они имели до реформы. Землю получили дорогую и чересполосно с землями своих бывших помещиков. «Пресловутое «освобождение», — писал В. И. Ленин, — было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними. По случаю «освобождения» от крестьянской земли отрезали в черноземных губерниях *свыше* $^1/_5$ части. В некоторых губерниях отрезали, отняли у крестьян до $^1/_3$ и даже до $^2/_5$ крестьянской земли... По случаю «освобождения» крестьян заставили «выкупать» их собственные земли, причем содрали *вдвое* и *втрое* выше действительной цены на землю»[1].

* * *

Царский манифест, объявлявший «волю», сначала вызвал недоумение крестьян, потом, когда они поняли, что земля оставлена за помещиками, а крестьяне по-прежнему должны платить им оброк, или отбывать барщину в течение временно-обязанного состояния, недоумение сменилось ропотом и негодованием. Они не верили тому, что им объявляли. Пошли слухи, что подлинную волю, дарованную царем, от крестьян скрыли помещики и чиновники.

Весной 1861 года по всей России поднялась новая волна крестьянских выступлений. В Симбирской губернии массовые выступления против реформы произошли в начале полевых работ, в апреле—мае в ряде сел: в Урено-Карлинской слободе Карсунского уезда, в Козловке Буинского уезда, в Большой Репьевке Сызранского уезда, в Шигонах Сенгилеевского уезда[2], Головине, Линевке, Шереметеве Сызранского уезда, Языкове Симбирского уезда, Дурасовке Карсунского уезда[3]. В эти села для подавления крестьянских волнений посылались воинские части. Особенно упорным и массовым было выступление крестьян в Шигонах, жители которых издавна упорно стремились к воле и неоднократно выступали против помещичьего произвола. Это здесь в

---

[1] В. И. Ленин, ПСС, т. 20, стр. 173.

[2] Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права, чч. I—II, изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 214—213.

[3] Отмена крепостного права, изд. АН СССР, М. —Л., 1950, стр. 35, 37, 88.

1839 году крестьяне и фабричные убили и бросили в огонь своего мучителя помещика Кроткова П. Д.[1]

Небывалая расправа над шигонцами, учиненная тогда военно-полевым судом и стоившая им многих жертв, не сломила у них духа сопротивления и до 1861 года помещичья усадьба неоднократно поджигалась[2].

Царский манифест о «воле», по которому крестьяне становились «временно-обязанными», не мог не вызвать здесь новой попытки крестьян освободиться от барщины и они смело и открыто выступили против помещицы и местных властей. Крестьяне «упорно отказываются от исполнения всяких работ и на все убеждения отвечают, что они вольные, и что кроме бога и царя, никаких властей не признают», — писал об этом флигель-адъютант, полковник Эссен. Шигонцы заявили уездным властям, что ни один человек не пойдет на барскую работу, и помещичьих приказчиков они слушаться не будут[3].

Руководителем движения был довольно способный крестьянин Трухлов, смело и твердо отстаивавший интересы односельчан. Вокруг Трухлова сформировалась небольшая группа энергичных и смелых крестьян, пользовавшихся доверием шигонцев.

В Шигоны прибыла полиция и начались аресты «смутьянов», многие из активных участников волнения были арестованы. Трухлову при помощи крестьян удалось скрыться.

Когда же в Шигоны прибыл сам уполномоченный царя, полковник Эссен с двумя ротами солдат и собрал сход «временно-обязанных» крестьян, чтобы сделать им «должное внушение», то Трухлов оказался среди крестьян с манифестом и «Положениями» в руках и смело вступил в спор с полковником, заявляя, что теперь крестьяне вольные и призывал односельчан продолжать борьбу.

Эссен вначале на сходе спорил с Трухловым, потом, чувствуя шаткость своих доводов, неубедительность их, стал грозить, но Трухлов и крестьяне не сдавались. Стойкость Трухлова, его уверенность в правоте своего

---

[1] ГАУО, ф. 124, оп. 3, д. 304, л. 7, 1839 г.

[2] ГАУО, ф. 124, оп. 3, д. 430, 1844 г.; д. 476, 1845 г; оп. 1. д. 680, л. 214, 1859 г.

[3] Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права, чч. I и II. изд. АН СССР, М. — Л., 1949, стр. 217.

дела оказывали огромное психологическое воздействие на толпу, она возгласами одобрения реагировала на спор и тем самым одобряла доводы Трухлова.

Тогда Эссен, опираясь на солдатские штыки, приступил к репрессиям, активные участники событий были высечены розгами. Для расправы с Трухловым был экстренно создан военно-полевой суд, который, признав Трухлова виновным в «зловредном» толковании манифеста 19 февраля и «в явном ослушании и неповиновении начальству с подстрекательством в дерзком поступке на словах», приговорил его к наказанию шпицрутенами (толстые прутья) в количестве 800 ударов с наложением клейма и ссылкой в каторжные работы на 6 лет. Царь «смягчил» этот приговор, отменив клеймение. Трухлова подвергли наказанию в Шигонах с целью устрашения шигонцев и крестьян окрестных сел, а потом сослали на каторгу[1]. Солдаты долгое время оставались в Шигонах, так как начальство боялось нового выступления крестьян.

Большое выступление крестьян произошло в апреле 1861 года в с. Б. Репьевка Сызранского уезда в имении Бестужевых. Там толкователем «Положения 19 февраля» в желательном для крестьян духе оказался временно отпускной солдат Федор Докукин. Крестьяне решительно отказывались отбывать повинности. Прибывшие в село для «умиротворения» уездный предводитель дворянства вместе с уездным исправником и полицией были встречены крестьянами «буйным криком». Волнение грозило распространиться на весь Сызранский уезд. Обеспокоенный губернатор немедленно направил в село две роты солдат. Вскоре сюда прибыл полковник Эссен, который и приступил к расправе. Наиболее активные крестьяне были подвергнуты публичному наказанию розгами. Ф. Докукина арестовали и по этапу направили в полк для службы. Эссен оставил в мятежном селе две роты солдат на постой, боясь нового проявления недовольства крестьян[2].

Крестьянские выступления повторились в 1862 — 1863 гг., когда стали вводиться уставные грамоты.

---

[1] Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права, чч. I и II изд. АН СССР, М. — Л., 1949, стр. 218.

[2] Там же, стр. 216.

Выше было указано, что помещики отрезали у крестьян лучшие земли, лишали крестьян леса, урезали луга, выпасы и выгоны, отводили земли крестьянам так, что они вклинивались в помещичьи владения, чем ставили крестьян в крайне трудное положение. Поэтому введение уставных грамот в жизнь вызвало новую волну крестьянского сопротивления.

Наиболее значительные выступления были в селах: Арское Симбирского уезда, Румянцево Карсунского уезда[1], Тереньга, Гладчиха и Епифановка Сенгилеевского уезда[2].

Особенно упорный и затяжной характер эти волнения приняли в имениях Скребицкого в Сенгилеевском уезде.

Скребицкий имел 15821 дес. удобной земли и 1268 ревизских душ крестьян, из которых 737 занимались хлебопашеством, а 531 — совмещали хлебопашество с работой на фабрике[3]. Высший размер душевого надела для крестьян этой местности был установлен в 4 десятины. До 1861 года в пользовании крестьян земли было больше, поэтому помещик отрезал у них 596 дес. Крестьяне, находившиеся на фабричных работах, получили земли еще меньше. В результате «освобождения» у крестьян Тереньги и Епифановки на 1621 душу оказалось всего лишь 6474 десятины земли, из которых на долю хорошей приходилось не более одной пятой, а у помещика 9347 десятин. Вместо луговых угодий Скребицкий предоставил крестьянам негодные к обработке вклинившиеся в пашни небольшие полянки, где трава росла редкий год. Обманутые таким «освобождением» крестьяне обратились в Симбирское губернское по крестьянским делам присутствие с просьбой о снижении оброка. Жалобу доверенных крестьян там не приняли, заявив, что сроки обжалования уставной грамоты истекли[4].

Крестьяне сел Тереньги и Епифановки летом 1861 года отказывались работать на помещика. Скребицкий жаловался, что в этом году у него остались неубранными 182 десятины хлеба.

---

[1] Отмена крепостного права, изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 140—141, 165—166.

[2] ГАУО, ф. 124, оп. 3, д. 1523.

[3] ГАУО, ф. 256, оп. 1, д. 21. Уставная грамота Скребицкого А. Н.

[4] ГАУО, ф. 85, оп. 26, д. 3, л. 32.

Жители Тереньги В. Крылов и В. Орленков призывали крестьян не подписывать уставную грамоту, за что их отправили в сенгилеевскую тюрьму. Но и оттуда они наказывали стоять на своем[1].

Весной и летом 1862 года среди крестьян имений Скребицкого распространились слухи о «новой воле». Крестьяне Бутузов и Ларин, как распространители этих слухов, были взяты под стражу.

На сельских сходах крестьяне Тереньги и Гладчихи выступили против общинного землевладения и круговой поруки и без разрешения общины и помещика стали уходить из сел на заработки.

В следующем, 1863 году, когда происходило разверстание помещичьих и крестьянских земель по уставной грамоте, выступления крестьян вступили в новую фазу. Житель села Гладчихи Иван Краснов на сельском сходе уговаривал крестьян не признавать уставной грамоты и ждать «новой воли». По его мнению, в этом году кончился срок временно-обязанного состояния и крестьяне не должны платить оброк помещику или отбывать барщину. Его помощниками по агитации были крестьяне того же села братья Николай и Сергей Галашины. Все они были отданы под суд, по решению которого братья Галашины были заключены в сенгилеевскую тюрьму, а Краснов — в симбирскую. Узнав о судьбе своих вожаков-односельчан, крестьяне потребовали их освобождения. Получив отказ, они решили всем сходом двинуться в Симбирск.

Перепуганное сенгилеевское уездное начальство спешно запросило губернатора о помощи.

«...Крестьян же этого села немедленно по прибытии их в Симбирск строго наказать за самовольную отлучку и принять самые строгие меры к тому, чтобы заставить их исполнять следующие с них повинности в пользу помещика».

Иначе власти не отвечают за спокойствие Сенгилеевского уезда»[2].

Губернатор дал приказ полиции принять необходимые меры, чтобы подавить это массовое выступление.

---

[1] ГАУО, ф. 124, оп. 3, д. 1450, л. 52.
[2] Там же, д. 1523.

В Тереньгу в полном составе прибыл Сенгилеевский уездный съезд мировых посредников вместе с полицией. На глазах у крестьян, силой согнанных из всей волости, вожаки движения Мечетников, Митейкин, Лялин, Пшеницын и Краснов были наказаны розгами, а Краснов, получив до 700 ударов, после был сослан. У многих крестьян описали скот и продали на уплату недоимок[1].

Так «освободители» осуществляли и «разъясняли» крестьянам реформу.

Но и после этого волнения в Гладчихе не прекратились. Староста села С. Гришечкин призывал крестьян вновь идти в Симбирск вместе с женами и детьми, чтобы принести жалобу самому губернатору.

Неспокойно было и в соседних селах: Федькине, Байдулине, Тумкине, крестьяне которых также отказывались подписывать уставные грамоты, не исполняли повинностей, самовольно собирались на сходы и т. п.

Каким же было положение крестьян имений Скребицкого после всех этих событий? За полученную плохую землю крестьяне обязаны были платить полный оброк в размере 9 рублей с души, а фабричные, как получившие меньший надел, — около 9 рублей. Скребицкий пытался было увеличить оброк еще на один рубль с души, уступая крестьянам торговую площадь. Крестьяне категорически отказались от этой «уступки».

Особенно в трудном положении оказались крестьяне-фабричные. Часть фабричных, имевших свои дома, получила только усадебную землю, а жившие в фабричных помещениях лишились даже этого.

Кроме оброка, уплачиваемого помещику, крестьяне должны были платить подати, мирские сборы на содержание сельского и волостного правления. Нередко они были вынуждены теперь покупать дрова, сено, деньгами оплачивать подводную повинность. К этому прибавились уездный и губернский земские сборы. Немудрено, что земля многим крестьянам стала в тягость. «В других местах земле рады, здесь же от нее отпираются руками и ногами», — констатировал один современник[2]. При первой возможности 142 души из бывших фабричных крестьян в Тереньге отказались от душевых наделов.

---

[1] ГАУО, ф. 124, оп. 3, д. 1523, лл. 71 об. 72.

[2] Симбирская земская газета, № 45, 7 августа 1877 г.

Так царское правительство и помещики обставили «освобождение» крестьян. Земля — «мать-кормилица» становилась для крестьян злой-мачехой. Вот почему крестьяне протестовали и отказывались принимать выработанные помещиками и мировыми посредниками уставные грамоты. На 1 января 1863 года в Симбирской губернии из 1326 уставных грамот, не подписанных крестьянами, оказалось 802, или 60 процентов.

В результате реформы бывшие помещичьи крестьяне Симбирской губернии получили надельной земли на одну ревизскую душу (в процентах): до 1 дес. включ. — 18,1; от 1 до 1,5 дес. — 10,2; от 1,5 до 2 дес. — 4,1; от 2 до 3 дес. — 15,0; от 3 до 4 дес. — 47,1, свыше 4 дес. — 5,5.

Таким образом, лишь 5,5 процента помещичьих крестьян Симбирской губернии получили земли достаточно для ведения самостоятельного хозяйства, остальные оказались малоземельными или безземельными[1]. Поэтому крестьяне вынуждены были идти в кабалу к прежнему помещику на «отработки» или на фабрики и заводы, чтобы заработать средства на существование и уплату налогов, сборов и податей.

В наихудших условиях оказались «дарственники» — крестьяне, получившие от помещиков бесплатно, «в дар», четвертные и меньшие наделы. В качестве примера приведем два факта.

Крестьяне деревни Левашовки Курмышского уезда, получившие дарственные наделы и убедившись в невозможности ведения хозяйства, были вынуждены обратиться с прошением к министру внутренних дел. В прошении уполномоченный общества Алексеев указывал на безнадежное положение дарственников и на необходимость увеличения их наделов до высшего размера, установленного для Курмышского уезда.

Вместо удовлетворения просьбы крестьян министр просил симбирского губернатора разъяснить им от его имени, «...что ни на какую прирезку земли они права не имеют, и что раз отведенные им уже наделы ни в коем случае увеличены не будут, почему все прошения их по сему предмету будут оставлены без удовлетворе-

[1] П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права в России, М., 1954, стр. 277.

ния, а ходатаи их, если они будут присылать их в С. Петербург, будут также отсылаемы обратно, как и упомянутый выше унтер-офицер Алексеев»[1].

С подобной же безнадежной просьбой о прирезке земли обращались к высшим властям крестьяне села Ручья Мурзицкой волости и общество крестьян села Анастасовки той же волости Курмышского уезда»[2].

Помещик Сидоров Ардатовского уезда в 1859 году отобрал всю полевую землю у своих крестьян села Ведянец, оставив им лишь усадьбы. В 1862 году он согласился наделить крестьян землей в размере 1,5 дес. на ревизскую душу, но крестьяне отказались принять такой надел, объясняя, что при таком наделе они не смогут выполнять повинности и просили дать им высший надел — 3,5 дес.

Сидоров высший надел дать отказался, мотивируя, что в этом случае у него останется земли менее одной трети, что гарантировалось статьей 20-й Местного положения[3]. В конце концов крестьяне согласились получить лишь усадьбу «льстя себя надеждою, что по истечении 2-х лет, т. е. в 1863 году получат земельный надел по особому распоряжению в большем размере». Мировой посредник убеждал их в иллюзорности этого, но крестьяне все же остались при своем мнении. Кроме того, крестьяне выразили желание переселиться на казенную землю. Уставную грамоту подписать они отказались.

Симбирское губернское по крестьянским делам присутствие решило: уставную грамоту принять на хранение. Увеличить надел помещик не обязан. Переселиться на казенную землю крестьяне не имеют права, т. к. их помещик не мелкопоместный.

В этом факте переплелись три важных обстоятельства. Первое: помещик сознательно лишил крестьян земли накануне реформы 1861 г., чтобы воспользоваться их землей. Второе — проявилось недовольство крестьян наделом и отказ их подписать уставную грамоту. И наконец третье — убежденность, вера крестьян, что реформа

---

[1] ГАУО, ф. 85, оп. 19, д. 58, лл. 9—10.
[2] Там же.
[3] Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. СПБ, 1861 г. Местное положение, стр. 6.

1861 года «липовая» и что в 1863 году будет еще манифест — указ царя[1].

В 1878 году около 20 процентов бывшего крепостного населения Симбирской губернии входило в разряд дарственников[2].

Дворовые и фабричные, не имевшие до реформы земельных наделов, совсем не получили их и сразу были вынуждены идти работать по найму. Так, например, временно-обязанные крестьяне княжен Долгоруких села Игнатовки Сенгилеевского уезда — 213 душ не получили землю, хотя они дважды обращались в соответствующие учреждения[3].

Накануне реформы, помещики, узнав о намерении правительства освободить крестьян от крепостной зависимости, стали переводить часть своих крестьян в дворовые или на месячину, лишая их тем самым земельных наделов. Поэтому в Симбирской губернии количество дворовых возросло: вместо 10609 душ мужского пола по 9-й ревизии (1850 г.), их стало 12910 по 10-й ревизии (1859 г.)[4]. Правительство вынуждено было указом от 2 марта 1858 года запретить помещикам перевод крестьян в дворовые.

Таковы основные черты реформы 1861 года, проведенной крепостниками, направившей развитие капитализма в сельском хозяйстве России по пути медленного и постепенного перерастания прежнего крепостнического помещичьего хозяйства в капиталистическое.

Реформа 1861 года не облегчила судьбу русского крестьянства, оно вынуждено было вести свое хозяйство в условиях малоземелья, по-прежнему работать на помещика (так называемые «отработки»), выплачивать казне большие выкупные платежи за землю, платить подати и налоги и исполнять целый ряд других повинностей. Крестьянство все более и более разорялось.

В целом, несмотря на все это, В. И. Ленин оценивал реформу 1861 года как буржуазную, направившую раз-

---

[1] Журнал Симбирского губернского по крестьянским делам присутствия № 116, 27 января 1862 года.

[2] ГАУО, ф. 85, оп. 19, д. 59.

[3] Журнал Симбирского губернского по крестьянским делам присутствия № 92, 10 октября 1862 года.

[4] А. Тройницкий. Крепостное население России по 10-й народной переписи, изд. Цент. стат. комитета, СПБ, 1861 год, стр. 60.

витие России на капиталистический путь. «...Реформа — продукт развития товарного хозяйства, — писал В. И. Ленин, — и... весь ее смысл и значение состояли в том, что разрушены были те путы, которые сдерживали и стесняли развитие этого строя»[1]. Реформа — первый шаг по превращению помещичьей монархии в монархию буржуазную[2].

Но капитализм, пришедший на смену феодализму, являясь объективно прогрессивной формацией, не облегчил положения крестьянского класса, а лишь ускорил его разорение. С одной стороны, пережитки крепостничества, а с другой — процесс дифференциации крестьянства сделали жизнь деревни еще более тяжелой, вызвали новое обострение классовой борьбы в деревне, обусловили революцию 1905 года.

Через двадцать лет само правительство вынуждено было признать положение крестьянства тяжелым и несколько снизило выкупные платежи за землю ввиду усиливавшегося разорения крестьянства.

Так, «1861 год породил 1905 год», когда крестьянство вновь поднялось на борьбу за землю и вновь земельный вопрос был решен не в пользу крестьянства. Столыпинская реформа — «вторая буржуазная реформа, проводимая крепостниками», — еще больше обострила положение в деревне.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция дала крестьянству свободу, власть и всю землю, осуществив тем самым его вековые чаяния.

---

[1] «Ленинский сборник», № 33, стр. 16.

[2] В. И. Ленин. ПСС, т. 20, стр. 173.

Р. А. ТАУБИН

РЕВОЛЮЦИОНЕР-РАЗНОЧИНЕЦ МАТВЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ СВИРИДЕНКО (1854—1864 гг.)

В блестящей плеяде революционеров-демократов 1850-х — начала 1860-х годов, учеников и соратников Н. Г. Чернышевского большой любовью и уважением широких кругов разночинской молодежи, видных прогрессивных писателей, вожаков революционно-демократического лагеря в России пользовался замечательный революционер Матвей Яковлевич Свириденко.

Современники из демократического лагеря (Н. Г. Чернышевский[1], Г. З. Елисеев[2], Н. А. Лейкин, Н. С. Курочкин[3], Л. Ф. Пантелеев[4] и другие) в своих воспоминаниях характеризуют М. Я. Свириденко человеком образованным, высокоидейным, самоотверженным, бескорыстным другом и помощником революционной и прогрессивной литературы, журналистики в России, активным поборником революционно-просветительской деятельности в народе (издание и распространение передовой литературы в стране, участие в работе воскресных школ и т. д.). С ними солидаризируются в такой оценке М. Я. Свириденко и некоторые историки либерального

---

[1] Н. Г. Чернышевский. ПСС, т. XIV, стр. 436, 727.

[2] Г. З. Елисеев. Внутреннее обозрение. «Отечественные записки», 1876, № 3.

[3] «Товарищеские воспоминания Н. С. Курочкина и Н. А. Лейкина о П. И. Якушкине» помещены в книге «Сочинения П. И. Якушкина», СПБ, 1884.

[4] Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, стр. 297, 308, ГИХЛ, 1958.

толка, изучавшие видных деятелей общества Рыбникова, в котором одним из вожаков был и Свириденко, в частности, — биограф А. А. Козлова, С. А. Аскольдов[5] члены общества П. Н. Рыбникова, А. А. Котляревский, и А. Н. Веселовский и биограф П. Н. Рыбникова, А. Е. Грузинский[6].

А. Е. Грузинский, характеризуя М. Я. Свириденко, подчеркивал, что «Свириденко имел связи с Петербургскими кружками (еще в московский период его жизни. — **Р. Т.**) и был одним из таких лиц, при посредстве которых в московской молодежи того времени (1855—1858 гг. — **Р. Т.**) установилось единомыслие с тем, что тогда проповедовала передовая журналистика (т. е. «Современник». — **Р. Т.**)»[7]. Тот же вывод о М. Я. Свириденко как о руководителе революционной части общества П. Н. Рыбникова, человеке, тесно связанном с вожаками революционно-демократического лагеря в России А. Е. Грузинский обосновывал и на материале воспоминаний о нем Л. Ф. Пантелева, Н. А. Лейкина и некоторых других, хорошо осведомленных современников[8].

В советской литературе нет ни одного специального исследования о М. Я. Свириденко, особенно о петербургском периоде его борьбы с царизмом. О событиях его жизни 1850—1860-х гг. мы узнаем отчасти из статьи Г. З. Елисеева «Внутреннее обозрение»[9], а главным образом, из архивных источников (следственные дела «Харьковско-киевского тайного общества», «Дело И. Андрущенко» и т. д.).

В послеоктябрьской литературе известны три работы, так или иначе упоминающие М. Я. Свириденко:

---

[5] С. А. Аскольдов. Русские мыслители. А. А. Козлов, М., 1912, стр. 17, 18, 19 и др.

[6] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, Изд. второе, под ред. А. Е. Грузинского, в 3-х томах, т. 1, стр. 14, 15, 17, М., 1909. Здесь же приведены извлечения из воспоминаний о М. Я. Свириденко и его товарищах по Москве А. А. Котляревского, А. Н. Веселовского и некоторых других.

[7] Там же, стр. 13.

[8] Там же, стр. 13—15.

[9] «Отечественные записки», 1876, № 3.

М. М. Клевенского[10], В. Г. Базанова[11], А. П. Разумовой[12]. Из них только одна — М. М. Клевенского прямо посвящена истории организации Рыбникова — Свириденко.

Основанная на архивных источниках работа М. М. Клевенского проникнута не всегда обоснованным скепсисом в отношении ряда утверждений царского правительства о революционном характере деятельности ряда членов этой организации. Но деятельность М. Я. Свириденко в работе М. М. Клевенского оценена правильно, как несомненно революционная. К сожалению, в исследовании названного автора освещены только два периода жизни М. Я. Свириденко — в Москве (1852—1858 гг.) и в Херсонской губернии (1858—1859 гг.). Вне его поля зрения остались как период юности Свириденко, так и особенно важный этап его борьбы против царизма — петербургский.

Говоря о московском периоде жизни Свириденко, М. М. Клевенский не поставил вопроса о его связях с революционными кружками в Петербурге и на Украине.

В. Г. Базанов в своей работе о П. И. Якушкине ограничился несколькими упоминаниями о дружбе М. Я. Свириденко с П. И. Якушкиным, не входя в рассмотрение их идейных связей[13].

Значительным шагом вперед в изучении жизни и революционной деятельности М. Я. Свириденко явилась работа А. П. Разумовой. В ней привлечены некоторые новые материалы (ряд показаний П. С. Ефименко); А. П. Разумова предприняла успешные попытки поставить во внутреннюю связь занятия П. С. Ефименко, М. Я. Свириденко и П. Н. Рыбникова этнографиею с их участием в освободительном движении. Ею собрано значительное количество фактов (архивные источники, переписка, народные песни и сказания революционного содержания и т. д.) в целях обоснования указанных свя-

---

[10] М. М. Клевенский. «Вертепники», «Каторга и ссылка». 1928, № 10 (47).

[11] В. Г. Базанов. Павел Иванович Якушкин. Орел, Из-во «Орловская правда», 1950.

[12] А. П. Разумова. Из истории русской фольклористики. Из-во АН СССР, М.—Л., 1954.

[13] В. Г. Базанов. Павел Иванович Якушкин, стр. 36—37.

зей. Однако ее работа страдает существенными недостатками:

а) не раскрыта деятельность и связи М. Я. Свириденко в Петербурге, хотя отдельные краткие упоминания о ней в ее работе есть[14];

б) в ее труде немало фактических ошибок и неточностей. Без всяких оснований она называет П. Ефименко организатором «Пасквильного комитета» в Харькове. В действительности его организовали Н. Раевский и братья Марковы[15].

Письмо Н. Рашевского к А. Тыщинскому без всяких на то оснований А. П. Разумова называет прокламацией[16];

в) Ефименко перевелся в Московский университет не после «апрельской студенческой истории» 1858 г., а до нее. Он учился в Москве в 1857/58 учебном году[17].

Число таких примеров можно множить и дальше. Все же в работе А. П. Разумовой дана наиболее полная сводка о деятельности Свириденко в 1855—1858 гг. Исследованием других периодов его жизни она не занималась.

В своей работе о М. Я. Свириденко я использовал мемуарную литературу, статью о нем Г. З. Елисеева в «Отечественных записках» (ранее не использованную исследователями); упоминания о М. Я. Свириденко Н. Г. Чернышевского (в его переписке и в материалах «Процесса Н. Г. Чернышевского») и особенно данные, имеющиеся в архивных комплексах по делам «Харьковско-Киевского тайного общества» и «Московского отделения общества «Земля и воля» (т. н. «Дело И. Андрущенко»).

Наиболее значительным и ярким и наименее исследованным до сих пор является петербургский период жизни и борьбы М. Я. Свириденко (1860—1864 гг.). Поэтому освещение его деятельности в этот период и общая оценка его роли в истории освободительного движения России в указанную эпоху составляют главное содержание предлагаемой работы.

---

14 А. П. Разумова, Указ. соч., стр. 37—38.
15 Там же, стр. 28.
16 Там же; стр. 28—29.
17 **Там же**, стр. 30.

* * *

Выходец из крестьянской среды М. Я. Свириденко прожил короткую жизнь (1830—1864 гг.). Ее можно разделить на четыре этапа.

1830—1852 гг. М. Я. Свириденко провел в Ананьевском уезде Херсонской губернии. О наиболее раннем периоде его жизни сохранилось мало данных. Это время получения среднего образования, первых шагов формирования демократического мировоззрения. Наблюдения за жизнью крестьянского населения, чтение прогрессивных журналов, анализ политического развития России накануне Крымской войны, передовая русская и украинская художественная литература и критика (Н. В. Гоголь, Т. Г. Шевченко, В. Г. Белинский и т. д.) — вот основные источники его политических и социальных воззрений.

Но это только начало складывания социально-политических идей М. Я. Свириденко как революционного демократа и утопического социалиста. Завершение этого процесса произошло во второй период его жизни — московский (1852—1858 гг.) и в третий — в период проживания в деревне Каменный мост Ананьевского уезда Херсонской губернии (с осени 1858 г. по конец 1859 г.).

В четвертый и последний период его жизни (петербургский, 1860—1864 гг.), в непосредственном общении и сотрудничестве с Н. Г. Чернышевским, Н. А. Серно-Соловьевичем, Г. З. Елисеевым и другими руководителями революционно-демократического лагеря М. Я. Свириденко сложился в очень яркого революционного деятеля, одного из представителей блестящего созвездия профессиональных революционеров-демократов, революционеров-разночинцев, виднейших вожаков освободительного движения конца 1850-х — начала 1860-х годов, таких как С. С. Рымаренко, Ю. М. Мосолов, М. Д. Муравский, А. Х. Христофоров, И. Умнов и им подобные, воспитанных А. И. Герценом, Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым.

Наиболее значительными в жизни и деятельности Матвея Яковлевича Свириденко были 1854—1864 годы. В 1854—1858 гг. он — один из наиболее влиятельных идеологов передовых слоев московского студенчества.

В созданной П. Н. Рыбниковым в 1854 году совместно с Вл. Власьевым, А. А. Козловым, М. Я. Свириден-

ко типичной и популярнейшей разночинской организации последний был признанным руководителем революционно-демократического и социалистического крыла.

Репрессии царского правительства по отношению к этой организации, наметившиеся в 1858 году, арест П. Н. Рыбникова в феврале 1859 года побудили М. Я. Свириденко на время покинуть Москву. Он прожил полтора года на родине (д. Каменный мост Ананьевского уезда Херсонской губернии), после чего начался последний период его жизни — петербургский (1860—1864 гг.).

Рассмотрим более обстоятельно основное содержание деятельности М. Я. Свириденко в московский и петербургский периоды его жизни.

* * *

Первым из оставивших след в истории освободительного движения в Москве 1850-х — начала 1860-х годов было нелегальное общество Рыбникова—Свириденко.

В донесении Московского полицеймейстера князя Кропоткина от 31 декабря 1858 года приводятся следующие данные о времени возникновения, об организаторах, вожаках и названии этой организации. «Общество, — читаем мы в этом документе, — собирающееся у студента Рыбникова, организовалось со времени поступления этого студента в Московский университет, в конце 1854 года или в начале 1855 года. Получивший хорошее воспитание и с отличными успехами кончивший курс в 3-й Московской реальной гимназии, Рыбников путешествовал за границу*. Возвратясь из-за границы, обогащенный сведениями по разным предметам и преимущественно по части художеств, он, поступивши в университет, по заданному себе еще за границею вопросу, во что бы то ни стало всячески старался добиваться известности. Своими рассказами о заграничной жизни и обо всем виденном и слышанном обратил на себя внимание многих студентов, но изо всех их преимущественно отличил студента Власьева.

---

* П. Н. Рыбников ездил за границу в качестве переводчика Н. П. Боткина и К. Т. Солдатенкова.

Сему последнему Рыбников будто бы по секрету открылся, что он член тайного общества, и сообщил ему идеи этого общества. После того эти два студента задумали вербовать в свое общество привлеченных уже ими к единомыслию студентов и сначала завербовали Андреева* (по его собственному отзыву), потом Рассадина, за ними Свириденко и Козлова»[18].

Ко времени поступления в Московский университет 1854/55 учебный год)** П. Н. Рыбников от роду имел 23 года, а по своему развитию, начитанности, прекрасному знанию русской и европейской литературы по истории социализма (утопического, разумеется) и общественных движений в странах Европы резко выделялся среди своих товарищей, привлекая к себе внимание и вызывая уважение у многих, в том числе и среди лиц много старших его по курсу и возрасту. В 1855—56 гг., когда П. Н. Рыбников был студентом второго курса, В. Власьев уже кончил университет по юридическому факультету и сдавал экзамен на степень магистра уголовных законов; А. А. Козлов поступил в Московский университет четырьмя годами ранее Рыбникова: сначала на физико-математический, а затем на историко-филологический факультет. М. Я. Свириденко к этому времени было уже 26 лет.

С. А. Аскольдов обращает внимание на необычность образа жизни членов общества Рыбникова, на социалистический характер их воззрений. «Будучи студентом последних курсов, а также первые годы по окончании университета, — писал он, — Козлов жил вместе с некоторыми своими товарищами и приятелями, занимая одну квартиру и имея общее хозяйство на коммунистических началах. Среди этих товарищей были В. И. Покровский, впоследствии известный русский статистик, со-

---

* Андреев затем порвал с товарищами и даже начал доносить на них в полицию.

[18] М. М. Клевенский, «Вертепники», «Каторга и ссылка», 1928, № 10 (47), стр. 25. Разрядка моя. — Р. Т.

** Прошение П. Н. Рыбникова о зачислении его в число студентов Московского университета подписано 16 июня 1854 г. Гимназию он окончил в 1850 году.

бипатель русских песен Рыбников, Власьев и М. Я. Свириденко»[19].

Наряду с П. Н. Рыбниковым, считавшимся организатором и руководителем указанного тайного общества, С. А. Аскольдов подчеркивал большую роль и сильное влияние в нем М. Я. Свириденко, направлявшего его деятельность в духе активного участия в освободительном движении.

«Последний, — писал о нем Аскольдов, — был старшим во всей компании и по летам, и по общему развитию. Вообще, по воспоминаниям Козлова, это был человек большого ума и характера, имевший большое влияние на весь кружок в смысле обращения к социализму и всякого рода эмансипаций»[20]. На особое положение М. Я. Свириденко, как одного из наиболее глубоких и левых идеологов всей изучаемой нами организации указывал и биограф П. Н. Рыбникова А. Е. Грузинский. Он приводит о М. Я. Свириденко важные свидетельства А. Н. Веселовского, состоявшего членом их общества.

«Матвея Свириденко, — пишет А. Н. Веселовский, — встречал у Котляревского (А. А. Котляревского члена данного общества, впоследствии видного археолога, слависта и этнографа, профессора русской словесности в Дерпте и Киеве. — **Р. Т.**); у меня осталось впечатление очень типического и по речи, и по костюму, и по любви к родине украинца; ему не везло в жизни, и в начале 60-х годов он, помнится, должен был удовлетворяться местом приказчика в книжном магазине известного тогда издателя Кожанчикова в Петербурге»[21].

Из этого свидетельства сквозит явное непонимание А. Н. Веселовским истинного общественного значения «скромной должности приказчика в книжном магазине издателя Д. Е. Кожанчикова». Иначе, как увидим ниже, расценили «должность» М. Я. Свириденко более близкие к революционно-демократическому лагерю люди — Г. З. Елисеев, сам Н. Г. Чернышевский и другие.

Ядром образовавшегося в 1854—1855 гг. тайного общества в Москве были П. Н. Рыбников, В. Власьев,

---

[19] С. А. Аскольдов. Русские мыслители, А. А. Козлов, М., 1912, стр. 18.

[20] Там же, стр. 18.

[21] А. Е. Грузинский. Указ. соч., стр. XIV.

М. Я. Свириденко, А. А. Козлов. К ним вскоре примкнули другие лица, преимущественно студенты: А. А. Котляревский, А. Н. и Ф. Н. Веселовские, Ник. Потехин, С. Шпилевский, Н. И. Стороженко, И. Г. Прыжов, Н. И. Ржавский, Иван Рассадин, В. И. Пантовский, Сократ Кожевников, князь К. А. Кугушев. По социальному составу это были типичные разночинцы. П. Н. Рыбников был сыном купца вначале довольно состоятельного, дела которого, однако, вскоре пошатнулись. После смерти отца П. Н. Рыбников должен был жить на собственные заработки частного учителя-репетитора и переводчика.

М. Я. Свириденко — выходец из крестьянской семьи, с 16-летнего возраста сам зарабатывавший себе на жизнь. А. А. Козлов — внебрачный сын помещика И. А. Пушкина и вольноотпущенной крестьянки. Его отчим мещанин А. П. Козлов служил управляющим помещичьими имениями или «доходными домами», принадлежащими московским купцам и дворянам.

Многие члены тайного общества выходцы из семей учителей, мелких чиновников, духовенства (И. Прыжов, В. Покровский, С. Шпилевский, А. и Ф. Веселовские, Н. И. Стороженко, И. Рассадин, В. И. Пантовский и др.). Были среди членов общества П. Н. Рыбникова — М. Я. Свириденко и выходцы из мелко-поместных дворянских семей (Н. И. Ржавский, кн. Кугушев и др.).

В рапорте московского обер-полицеймейстера кн. Кропоткина специально отмечалась материальная необеспеченность большинства членов исследуемой нами организации. «Собиравшиеся у Рыбникова лица, кроме немногих, — читаем мы в названном документе, — состояния ограниченного и иногда терпят большую нужду в деньгах»[22].

В дальнейшем, по мере активизации пропагандистской деятельности членов этой московской организации, численность ее участников продолжала возрастать. В 1857/58 учебном году к их организации примкнули студенты Московского университета Аютостанский, Деркачев, Уманец, Цитович, Прокопенко, Байдуковский, Демидовский, Кузьминский, Шкляревский и другие. Некоторые из них, окончив вскоре университет (А. Козлов,

[22] М. М. Клевенский, Указ. соч., стр. 24.

А. Веселовский, И. Рассадин, В. Покровский, Н. Стороженко и др.), став преподавателями, статистиками, врачами или переводчиками, не порывали своих связей с обществом Рыбникова—Свириденко.

Приведенные данные позволяют сделать ряд важных выводов о первых шагах, названии и общем облике организации, возглавлявшейся П. Н. Рыбниковым и М. Я. Свириденко. Длительное время их организация неправомерно называлась кружком «Вертепников». Такое странное название организации, в устах ее членов, носило откровенно иронический характер. Будучи в своем большинстве выходцами из необеспеченных семей, живя коммунами, в обстановке большой скученности и бедности, они свои, лишенные мебели, удобств, непритязательные квартиры и окрестили столь неблагозвучным названием как «Вертеп». Но название «Вертепники» не накладывало на членов этой организации никакого политического, идейного или морального пятна.

Также неправомерно было называть эту организацию **кружком,** то есть организацией узкой, малочисленной, замкнутой, с преимущественно самообразовательными и ограниченными целями, как это было характерно для большинства кружков 1850-х — начала 1860-х годов. Возникнув как узкая самообразовательная организация в составе 5 человек, когда название «кружок» для нее было наиболее подходящим, она недолго оставалась в таком состоянии. Уже в 1856—1857 годах Рыбников, Свириденко и их ближайшие друзья развернули значительную работу по привлечению в свои ряды десятков новых членов, формированию из них новых, сочувствующих их направлению кружков (например, И. П. Деркачева, И. Уманца и др.). Первоначальные самообразовательные цели признавались уже недостаточными: они были дополнены активной и систематически проводимой (2 раза в неделю) пропагандой передовых по тому времени философских, политических, социальных идей, распространением «запрещенной» литературы (сочинения А. И. Герцена, Л. Фейербаха, произведений европейского и русского социализма) и непосредственным участием в современном общественном движении, в первую очередь студенческом. Поэтому организация Рыбников—Свириденко уже к 1856—1857 годам по своей численности (она имела более 20 членов и де-

сятки сочувствующих), по политическим целям и масштабу деятельности, влиянию на студенчество, переросла рамки небольшого кружка. Она превратилась в весьма влиятельное **общество**, воздействовавшее на политическое развитие и деятельность значительной части студенчества **всей** Москвы.

По имени организатора общества оно стало называться «обществом Рыбникова». В рапорте московского полицеймейстера организация П. Н. Рыбникова так и названа «обществом» или «сообществом»[23]. Там же указывалось и на то, что сам П. Н. Рыбников при вербовке новых членов (например, Вл. Власьева) называл себя «членом тайного общества»[24].

Самым влиятельным и последовательным революционным идейным руководителем исследуемой нами организации, как будет показано ниже, был М. Я. Свириденко. Поэтому вместо оскорбительного и не отражающего сути дела названия организации «Кружок «Вертепников», необходимо восстановить единственно точное и научное ее название, под каковым она и выступала в 1855—1859 гг., именуя ее обществом П. Н. Рыбникова—М. Я. Свириденко.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники единодушно отмечают влиятельность, высокий идейный и моральный уровень большинства членов этого общества.

По свидетельству С. А. Аскольдова, они составляли в 1854—1858 гг. цвет московской молодежи. «По-видимому эта компания молодых людей, — писал он о них,— из которых одни только что окончили, а другие недавно поступили в университет, являлась некоторого рода умственным центром московской молодежи»[25]. Так же полагали, с одной стороны, высшие власти III отделения, с другой, идеологи московского кружка славянофилов А. С. Хомяков, братья Аксаковы, Ю. Самарин. Поэтому-то III отделение, узнав о растущем влиянии организации П. Н. Рыбникова—М. Я. Свириденко на учащуюся молодежь, стремилось разными способами ее обезвредить, а славянофилы не жалели

---

[23] М. Клевенский. «Вертепники», «Каторга и ссылка», 1928, № 10 (47), стр. 23.

[24] Там же, стр. 25.

[25] С. А. Аскольдов. Указ. соч., стр. 18. Разрядка моя. — Р. Т.

усилий для того, чтобы добившись усиления своего влияния в этой организации, через нее попытаться завоевать симпатию лучшей части московской мыслящей молодежи. В этом секрет многолетней связи А. С. Хомякова и братьев Аксаковых с П. Н. Рыбниковым, М. Я. Свириденко, А. А. Козловым и другими членами их общества. Каковы же идеология и формы деятельности общества П. Н. Рыбникова—М. Я. Свириденко?

Собрания членов общества начались еще в 1855 году, первоначально на квартире у Рыбникова и Козлова, нося эпизодический характер. С лета 1856 года они были переведены на квартиру Н. П. Ржавского.

В одном из документов, опубликованных М. М. Клевенским, приводятся следующие данные об этих собраниях: «...Рыбников с половины 1856 года до половины 1857 года жил в одном доме с слушавшим лекции в Московском университете по юридическому факультету дворянином Рязанской губернии Николаем Павловичем Ржавским. В это время бывали сборища у Ржавского. Главные представители этих сборищ и деятели были те же лица, как и в вертепе Рыбникова, а именно: Рыбников, Свириденко, Власьев и Козлов»[26]. Обращает на себя внимание, что в их собраниях в 1856—1857 гг. принимала участие Татьяна Петровна Пассек. Т. П. Пассек—писательница, близкий друг детства и юности Герцена, жена его близкого товарища по университетскому кружку в Москве Вадима Васильевича Пассека. «Между прочими лицами, — читаем мы в том же документе,—составлявшими сборища у Ржавского, на которых он первенствовал, была вдова писателя Вадима Пассек, титулярная советница Пассек...»[27].

С ноября 1857 года П. Н. Рыбников перешел, в связи с отъездом Н. П. Ржавского на родину, на другую квартиру в Арбатской части 1-го квартала в доме Майковой. Каждую неделю, по вторникам, у него в квартире собирались «разного рода посетители, из которых одни приезжали в экипажах, а другие приходили пешком и просиживали за полночь. Посетители эти преимущественно были учащиеся, получавшие образование в университете». Главными ораторами в 1857—1858 гг. про-

---

26 М. М. Клевенский, «Вертепники», «Каторга и ссылка», 1928, № 10 (47), стр. 24.

27 Там же, стр. 24.

должали оставаться те же лица, что и в предыдущие годы. В рапорте московского обер-полицеймейстера от 10 июня 1858 года указывалось, что «Всех посетителей, несмотря на квартиру Рыбникова, состоявшую из одной комнаты, иногда бывало до 20 и более; замечательнее же были обладающие более других даром слова Свириденко, Власьев, Козлов, а первенствовал Рыбников»[28].

И. П. Деркачев, посещавший собрания у Рыбникова в 1856—1858 гг., указывал на присутствие на них офицеров, сельских священников, старообрядцев. Он подчеркивал, что «кружок Рыбникова, помещавшийся на Спиридоновке, был одним из таких, где собиралась молодежь в наибольшем количестве».

И. П. Деркачев указывал на большое влияние Рыбникова, Свириденко и других на широкие слои студенчества из других кружков. Он писал: «...Мы, воспитанники захолустных гимназий, не искусившихся еще Гегелем, не понимали их усилий. Хотя многое в речах умных и ученых людей было для нас непонятно, но мы все-таки не покидали собрание и терпеливо засиживались до рассвета. Уходили мы оттуда с отуманенными головами от философских словоизвержений, но с чистыми сердцами и с верой, что мы стоим теперь в рядах передовой русской молодежи, готовой израсходовать беззаветным образом свои молодые силы на пользу Родине»[29].

Таким образом, члены общества, как правило, собирались дважды в неделю один раз у Рыбникова, второй раз по своим более узким объединениям.

Разъясняя чего искала в обществе Рыбникова—Свириденко в 1855—1859 годах передовая молодежь города Москвы, М. М. Клевенский привел следующую выдержку из воспоминаний И. П. Деркачева: «Рыбникова, знали многие студенты. А не знавшие его искали знакомства с ним, стараясь попасть к нему на вечер, где можно было встретиться с литературными знаменитостями... Кро-

[28] Там же, стр. 23.
[29] И. П. Деркачев. Из московских студенческих воспоминаний. Сборник «Воспоминания о студенческой жизни», М., 1899, стр. 330—331.

ме того, там можно было достать хорошие книги для чтения»[30].

Но то, о чем И. П. Деркачев в своих воспоминаниях рассказал в слишком общей форме, то конкретизируют и расшифровывают донесения чинов III отделения и показания активных участников освободительного движения той эпохи.

Главным предметом чтения и обсуждения на собраниях общества Рыбникова—Свириденко была ходившая тогда по рукам «потаенная» литература. «Тут будто бы, — докладывал о характере собраний их общества московский полицеймейстер, — Рыбников читал какие-то свои переводы, читались сочинения в рукописях и сверх того сочинения, издаваемые за границей Герценом»[31].

Московский полицеймейстер особенно подчеркивал материализм членов организации Рыбникова—Свириденко в научно-философской области; требование равноправия, критическое отношение к порядкам, господствовавшим в России в 1850-е годы в делах государственного управления, образования и т. д. — в политической и социальной областях.

«Кроме Хомякова и Аксакова, — читаем мы в донесении кн. Кропоткина от 10 июня 1858 года, — все общество, бывшее у Рыбникова, проникнуто духом атеизма и безначалия; в этом духе происходили тут иногда суждения и прения и преимущественно о настоящем быте государства, потребности восстановления личности каждого подданного империи как человека, недостаточности образования русских и недостатки в порядке государственного управления»[32].

Обобщая социальное и политическое содержание воззрений главных идеологов общества и большинства его членов, московский полицеймейстер указывал: «Вообще Рыбников и Козлов образа мыслей весьма вольного, при разговорах о политических предметах рассуждают, что в России следует сравнять все сословия, учредить все должности по выборам обще-

---

[30] М. М. Клевенский, «Вертепники», «Каторга и ссылка», № 10 (47), стр. 34. Разрядка моя. — **Р. Т.**

[31] Там же, стр. 23.

[32] Там же, стр. 23. Разрядка моя. — **Р. Т.**

ства, а не по определению от правительства, изменить по духу времени все законы государства и применить систему держав западных; в обществе студентов они носят название вольных мыслителей, сеющих семена правды и истины, и что они «приверженцы идей и мыслей Герцена, которого почитают с подобострастием и называют мучеником за отчизну»[33].

В нашем распоряжении есть ряд других источников, подтверждающих, что значительная часть членов общества П. Н. Рыбникова—Свириденко открыто провозгласила себя сторонниками одного из руководителей революционно-демократического лагеря в России А. И. Герцена; что эта организация по своей идеологии, политическому направлению и деятельности была антиправительственной, антимонархической, республиканской, социалистической (в смысле утопического социализма). Это уловили, как видно из цитированных выше документов, руководящие чины московской политической полиции.

Как и во всех политических организациях 1850-х — начала 1860-х годов взгляды членов общества не были одинаковыми. Начало расхождения во взглядах, формирование правого и левого направлений наметилось еще в 1855—1856 годах, со вступлением в ряды общества Вл. Власьева, М. Свириденко. По мере увеличения членов общества, с одной стороны, и роста освободительного движения в России, Италии и других странах Европы и всего мира, с другой, политическое размежевание направлений ускорилось. В 1856—1857 годах в состав левого крыла общества, руководимого М. Я. Свириденко, входили: Н. П. Ржавский, Н. И. Стороженко, И. Г. Прыжов, И. Рассадин, Вл. Власьев, В. И. Покровский. В 1857/58 учебном году, в период обучения в Московском университете, в их рядах действовал и член Харьковского тайного революционного общества П. С. Ефименко. Менее последовательные в своих воззрениях П. Н. Рыбников, А. А. Козлов, склонявшиеся иногда к преувеличению роли мирной пропаганды среди передовой интеллигенции и народных масс, в 1856—1858 гг. разделяли, в основном, взгляды левого крыла.

---

[33] М. М. Клевенский. «Вертепники», «Каторга и ссылка», 1928, № 10 (47), стр. 23. Разрядка моя — **Р. Т.**

Позднее (после 1860—1862 гг.) они отошли от активного участия в освободительном движении России. Признанным идейным руководителем левого крыла в обществе Рыбникова был М. Я. Свириденко. Даже несколько преуменьшавший меру антиправительственной деятельности организации П. Н. Рыбникова и ряда ее членов М. М. Клевенский в оценке М. Я. Свириденко не испытывает никаких колебаний. По его убеждению М. Я. Свириденко через всю свою жизнь пронес верность революционному делу. «Единственный из кружка, — подчеркивает М. М. Клевенский, — по крайней мере из известных нам, он остался навсегда верен тем взглядам, которые исповедовал в молодости»[34].

В первой половине 1858 года у руководителей левого крыла изучаемого общества, как и у вожаков революционной части Харьковского тайного общества (Я. Н. Бекмана, М. Д. Муравского и других) явно наметилась неудовлетворенность одною пропагандою прогрессивной литературы среди интеллигенции и даже выработкою революционного мировоззрения у своих членов. У них обнаружилось стремление к пропаганде революционных и демократических взглядов среди более широких слоев населения: начавшего сплачиваться вокруг них разночинного студенчества, передовых учителей, писателей, журналистов, врачей, статистиков и других мелких чиновников из разночинной среды и т. д. Наметилось стремление у вожаков левого крыла общества охватить своей пропагандой учащихся других городов, и даже проникнуть в среду крестьян, солдат, рабочих для ведения там революционно-просветительной работы.

Убедительные подтверждения наличия подобных тенденций мы находим в показаниях П. С. Ефименко в следственной комиссии кн. А. Ф. Голицына, о его связях, сговоре и сотрудничестве в 1857—1859 гг. с М. Я. Свириденко и его товарищами из общества Рыбникова в Москве. Исключенный весной 1857 года за невзнос платы за слушание лекций из Харьковского университета, П. С. Ефименко осенью того же года поступил для продолжения образования в Московский университет, где и проучился около года. От товарищей, членов Харьковского тайного общества, он получил задание создать в

[34] Там же, стр. 34.

Москве организацию, подобную Харьковской. Ознакомившись с положением в Московском университете, П. С. Ефименко установил контакт с большой группой членов общества Рыбникова—Свириденко (включая и его руководителя) и пришел к выводу, что ввиду близости взглядов и характера деятельности обеих организаций нет смысла создавать в Московском университете еще одно крупное революционное тайное общество, а следовало бы укрепить сотрудничество и улучшить работу существующего. Особенно сошелся он с М. Я. Свириденко, наиболее близким ему по политическим взглядам и направлению практической революционной работы. П. С. Ефименко вошел в согласие с Свириденко, Рыбниковым и другими о проведении ряда важных шагов, служивших их общим революционным целям: издание студенческих научных сборников, организация этнографических экспедиций важных как в научном, так и в политическом отношении, поскольку они открывали возможность прямого обращения к трудовому народу с проповедью революционных идей. «В Московском университете, — говорил П. С. Ефименко 14 апреля 1860 года в Петербургской следственной комиссии, — он (т. е. П. С. Ефименко. — **Р. Т.**) был знаком с студентами: Прокопенком, Деркачевым, Уманцем, Байдуковским, Цитовичем, Шкляревским, Демидовским, Кузьмичским, Котляревским, Аютостанским, Свириденко и Рыбниковым. С первыми я занимался или предметами юридического факультета, или русской этнографией; с последним я познакомился потому, что у него собирались иногда знакомые и незнакомые товарищи для обсуждения вопросов, касавшихся до студентов; именно об издании студенческого сборника, библиотеки естественных и математических наук, об учреждении студенческого суда над товарищами и т. п.»[35].

По поводу приведенного отрывка из показаний П. Ефименко можно высказать вполне обоснованное предположение, что все перечисленные им лица в той или иной форме состояли или примыкали к обществу Рыбникова—Свириденко. О Стороженко, Котляревском, Свириденко, Рыбникове, Деркачеве — это уже нам известно из рапортов Кропоткина и донесений Александру II

[35] ЦГАОР, ф. 109и, оп. 214, 1860 г., д. 26, ч. 1, Л. Б, л. 121.

Закревского, опубликованных М. М. Клевенским в его работе о «Вертепниках». Прокопенко же, Уманец, Шклявревский, Байдуковский, Кузьминский, Демидовский, Аютостанский и др. представляли тех, быть может, менее активных членов этой организации, участвовавших в ее работе, но не столь бросавшихся в глаза агентам правительства. Не следует забывать, что численность кружка составляла в 1857—1858 гг., по данным высших полицейских властей Москвы, от 20—30 до 50 человек[36]. Показания Ефименко подтверждают роль общества Рыбникова—Свириденко как одного из руководящих центров всего студенчества Московского университета в 1855—1858 гг.; ибо на их собраниях обсуждалось и решалось много вопросов, затрагивающих интересы большинства студентов (издание студенческих сборников, создание «Библиотеки естественных и математических наук», «Об учреждении студенческого суда над товарищами» и т. д.).

Факты показывают, что левое крыло общества Рыбникова не ограничивалось только спорами теоретического, политического или самообразовательного характера, но и активно вмешивалось в современную им общественную и политическую жизнь на стороне врагов самодержавия и политического произвола.

Даже сомневающийся в общей революционной направленности указанного общества М. М. Клевенский приводит ряд важных фактов, свидетельствующих о значительной роли лично П. Н. Рыбникова, М. Я. Свириденко и ряда других его членов в политических, антиправительственных выступлениях студенческого движения в Московском университете в 1857—1859 годах.

Он, например, отметил указания сестры П. Рыбникова о своем брате о том, что «он часто говорил на сходках и все время был под надзором полиции»[37]. В подтверждение большой популярности, которой П. Н. Рыбников пользовался в 1855—1858 гг. М. М. Клевенский привел слова И. П. Деркачева о том, что некоторые студенты «списывали и чуть не на память выучивали очень им нравившуюся речь Рыбникова, произнесенную на

---

[36] М. М. Клевенский. «Вертепники», «Каторга и ссылка», 1928, № 10 (47), стр. 23, 25, 28.

[37] Там же, стр. 34.

проводах проф. Кудрявцева в квартире Н. Ф. Павлова»[38].

Но особенно значительной была роль членов общества Рыбникова—Свириденко в знаменитой студенческой истории 1857 года в Москве, когда в конфликте учащейся молодежи с полицией дело дошло до кровопролития. Как известно, история эта возникла в результате вторжения полиции в квартиру студента Ганусевича (под предлогом поиска воров) во время происходившей там вечеринки. В ответ на заявление Ганусевича и его товарищей, что никаких воров в их квартире нет, полицейские, по приказу частного пристава Цвиленева и квартальных надзирателей Морозова и Симонова, ворвались в их дом, избили студентов, и даже пустили в ход, во время возникшей потасовки, холодное оружие, ранив, в частности, хозяина квартиры Ганусевича и четырех его товарищей. Когда знакомые пострадавших узнали об этих бесчинствах полиции, были созваны сходки, на которых сотни студентов потребовали наказания виновных. Одним из двух делегатов от студентов на сходке был избран П. Н. Рыбников.

Видя, что дело зашло слишком далеко, полицейское начальство Москвы, чтобы не дать жалобе студентов ходу, предложило через суб-инспектора Сохаченко Ганусевичу крупную денежную взятку, на что Ганусевич ответил пощечиной. Рыбников, как делегат от студентов, при объяснении с попечителем Московского учебного округа повел дело так твердо и уверенно, что правитель-

---

[38] Там же, стр. 34.

По поводу кончины в январе 1858 года этого замечательного ученого и передового гражданина А. И. Герцен в «Колоколе», лист 9, от 15 февраля 1858 года опубликовал в виде краткой передовой в траурной рамке следующее обращение к лучшим людям России.

«Еще не стало в России дельного, честного, благородного человека, одного из самых любимых товарищей Грановского. Профессор Московского университета Петр Николаевич Кудрявцев скончался в Москве, с 17 на 18 число января старого стиля. Он не пережил жены, к которой был страстно привязан. Нас просят напечатать это известие в «Колоколе», где всякий, честно служивший отечеству человек имеет право быть помянут добрым, почетным словом». Надо ли удивляться, что речь П. Н. Рыбникова по своему содержанию совпадавшая с приведенным выше обращением Герцена, но составленная им до и независимо от издателя «Колокола» произвела огромное впечатление на его товарищей студентов.

ство вынуждено было пойти на уступки: ряд виновных полицейских начальников был предан суду, суб-инспектор Соханенко отстранен от службы, а студенты — Ганусевич и другие — были признаны действующими в порядке самообороны[39].

Напомнив об этой истории[40], М. М. Клевенский, к сожалению, не развил, не конкретизировал эту сторону деятельности Рыбникова и других вожаков общества.

Между тем из приведенного нами показания П. С. Ефименко видно, что общество П. Н. Рыбникова — М. Я. Свириденко активно участвовало в студенческой жизни Московского университета, руководило изданием студенческих научных сборников, местным студенческим судом, разрешением конфликтов студентов с полицией и учебными властями и т. д. Показания П. С. Ефименко доказывают, что организация П. Н. Рыбникова — М. Я. Свириденко не была только студенческой. В них конкретизируются тематика вопросов, обсуждавшихся на собраниях тайного общества, состав их участников, выясняются позиции большинства его членов, занятые ими в ходе этих обсуждений. Так, в показании от 14 апреля 1860 года Ефименко указывал, что «кроме студентов у Рыбникова бывали и посторонние лица, из которых мне известны только фамилии Хомякова, Аксаковых и Самарина. У них происходили иногда споры с какими-то учителями корпусов и гимназий, фамилии которых мне неизвестны. Предметами споров были статьи Русской Беседы: об общине, о народности в науке, о крестьянском вопросе и о православии»[41]. На повторные или дополнительные вопросы членов следственной комиссии П. С. Ефименко вынужден был рассказать ряд новых весьма важных и характерных подробностей. В показаниях от 3 мая 1860 года он сообщил, что месяца через два после поступления в Московский университет (т. е. осенью 1857 года) он познакомился с Рыбниковым и Свириден-

---

39 История Ганусевича подробно рассказана в «Колоколе», л. № 5, от 1 ноября 1857 г., стр. 35—36; лист № 8 от 1 февраля 1858 г., стр. 59. Среди авторов писем из Москвы издателям «Колокола» были несомненно члены общества Рыбникова, лучше других об этом деле информированные.

40 М. М. Клевенский, Указ. соч. «Каторга и ссылка», 1928 г., № 10 (47), стр. 34—35.

41 ЦГАОР, ф. 109и, оп. 214, 1860 г., д. 26, ч. 1, л. Б., л. 121.

ко. Он подчеркнул, что последние уделяли значительное внимание общественным делам студентов Московского университета. «У Рыбникова, — говорил он, — собирались знакомые и незнакомые студенты для рассуждения о делах, касавшихся студенческого сборника, лектории и проч.»[42]. Конкретизируя содержание разговоров на собраниях, Ефименко показал: «Тут же, как я сказал уже, происходили споры об общине, о народности в науке, о родовом быте и проч. Предметом для споров иногда служило учение социалистов, защитниками которого были какие-то учителя корпусов, также Рыбников и Свириденко. Хомяков же и Аксаков восставали против этого учения»[43].

Об огромном интересе и симпатии московских студентов к передовым философским, социальным, политическим и другим идеям, пропагандировавшимся П. Н. Рыбниковым, М. Я. Свириденко, А. А. Козловым и их единомышленниками, по мнению П. С. Ефименко, свидетельствовали следующие приведенные им факты: в комнату Рыбникова ухитрялось набиваться до 30 человек, не считая Аксакова, Хомякова, преподавателей корпусов и гимназий (видимо, речь шла об Н. Стороженко, А. Котляревском, И. Рассадине, А. Козлове), а сами собрания затягивались нередко до рассвета. На кружке часто вспыхивали дискуссии. Так, например, возникли дебаты между Хомяковым и Рыбниковым о возможности чудес. В этом споре Рыбников стал на материалистическую позицию их отрицания. В подтверждение своей точки зрения «Рыбников прочел небольшую статью Фейербаха об этом. Хомяков опровергал мнение Фейербаха»[44].

Источники не сохранили нам точных данных о тех системах утопического социализма, которые подверглись изучению и обсуждению в обществе Рыбникова—Свириденко. Но просматривая наиболее популярные журналы и газеты 1855—1860 гг. («Современник», «Атеней», «Отечественные записки», а также «Полярную

---

42 ЦГАОР, ф. 109 и, оп. 214, 1860 г., д. 26, ч. 1, л. Б., л. 413 об. Разрядка моя — **Р. Т.**

43 Там же, л. 413 об. Разрядка моя — **Р. Т.**

44 Там же, лл. 413 об. — 414.

звезду» и «Колокол» А. И. Герцена), можно с достаточным основанием предположить, что из учений утопических социалистов членам левого крыла общества более других были известны воззрения социалистов-утопистов Запада — Сен-Симона, Ш. Фурье, Луи Блана, Роберта Оуэна, а также учение об общинном социализме Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена[45].

Приведенный выше анализ сохранившихся источников о философских, социальных и политических взглядах членов левого крыла тайного общества П. Н. Рыбникова—М. Я. Свириденко позволяет обобщить их в следующих основных положениях.

По философским взглядам они материалисты, сторонники Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена, Л. Фейербаха и, как утверждал кн. Кропоткин, — «атеисты».

По своим политическим и социальным взглядам это были противники самодержавия, республиканцы, требовавшие отмены крепостного строя, равенства (политического, социального, юридического) всех сословий, т. е. их упразднения как особых и замкнутых социальных групп, превращения всего населения в равноправных перед законом граждан. Демократизм и республиканизм членов общества Рыбникова—Свириденко нашел свое конкретное проявление в их требовании выборности всех властей и служащих государственного аппарата снизу и доверху, установлении системы самоуправления, ответственности государственных служащих всех степеней перед избиравшим их населением, гарантии соблюдения прав каждой личности, устранение всяческих проявлений самодержавного произвола и деспотизма, назначения чиновни-

---

[45] См. Н. Г. Чернышевский. Очерки гоголевского периода русской литературы, глава шестая, «Современник», 1855 г., № 12; 1856 г. №№ 1, 2, 4, 7, 9—12.
Его же. Критика философских предубеждений против общинного владения. («Современник», 1858, № 12). Его же. Кавеньяк. (Современник», 1858, № 1).
Н. А. Добролюбов. Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ. («Современник», 1859, № 1).
А. И. Герцен. Русские немцы и немецкие русские. («Колокол», лл. 53, 54, 56, 57—58, 59, октябрь, декабрь 1859 г. и много других статей, трактовавших о воззрениях утопических социалистов Запада и России.

ков «сверху». Особенно настойчиво добивались члены общества Рыбникова—Свириденко демократизации школы, университетов, системы народного образования в целом.

Идеалы будущего устройства общества в России, после ликвидации царизма и крепостного строя, они видели в системах утопических социалистов, особенно в общинном крестьянском социализме, заимствованном из сочинений Чернышевского, Добролюбова, Герцена. Наиболее рьяными пропагандистами утопического социализма в обществе Рыбникова в 1857—1859 гг. выступали М. Я. Свириденко, А. А. Козлов, Вл. Власьев, Н. И. Стороженко. Призывая своих сторонников демократизировать все виды управления Россией, при опоре на народ, члены левого крыла общества Рыбникова—Свириденко, по свидетельству кн. Кропоткина, — ясно давали понять, что всего этого они хотели добиться методами революционной демократии. В рапорте московского полицеймейстера подчеркивалось, что члены общества Рыбникова «приверженцы идей и мыслей Герцена», хорошо известного всей России в качестве одного из виднейших руководителей революционно-демократического лагеря.

Высшая московская администрация, получившая в 1858 году ряд доносов (от некой светской дамы, от бывшего студента Московского университета Андреева . и других), содержащих важную информацию об организации Рыбникова, без каких-либо сомнений и колебаний отнесла ее к революционным, антиправительственным. Лишь то обстоятельство, что сколько-нибудь конкретные доносы на членов общества Рыбникова—Свириденко стали поступать в 1858 году и полиции не сразу удалось собрать весомые улики в ведении ими непосредственной революционной работы, спасло (впрочем не надолго!) его активистов от быстрой и суровой расправы со стороны властей.

Какова же была позиция членов правого крыла общества Рыбникова?

К ним относились А. А. Котляревский, А. и Н. Веселовские, К. А. Кугушев, Е. Потехин, В. И. Пантовский, С. Шпилевский, Головин и другие деятели политически нерешительные, колеблющиеся.

Для них характерны были не столько полемика про-

тив главных положений идеологии левого крыла, сколько неверие в возможность быстрых демократических преобразований в России.

Особенно серьезное расхождение во взглядах у сторонников левого и правого направлений общества Рыбникова—Свириденко наметилось при определении долга каждого честного и передового гражданина России по отношению к своему народу.

М. Я. Свириденко и его единомышленники полагали, что решение этой задачи возможно лишь путем распространения революционных идей в передовой части общества (писатели, журналисты, студенты, лучшая часть чиновников, офицеров и т. д.), а через них и в более широких слоях трудового народа. Воплощение в жизнь намеченных целей мыслилось путем пропаганды произведений Герцена и других сочинений «потаенной литературы», распространения в народе хороших книг, создания для него школ, общедоступных библиотек-читален и т. д., изучения его быта, нравов, истории, творчества и т. д. В конечном счете, это должно было вылиться со временем в создание сильных и опытных революционных организаций России и в революционное воспитание народа, которые совместно преобразуют Россию на демократических основаниях. Сторонники же правых в этом обществе видели свой долг перед народом не в подготовке его к революции, не в создании революционных организаций, способных руководить народом, а в активном участии в развитии передовой русской науки, подготовке через университеты широкого слоя просвещенных ученых, людей, которые впоследствии принесут народу большую пользу в деле его образования, в подготовке просвещенных администраторов, честных чиновников и т. д.

До 1861—1862 гг. позиции М. Я. Свириденко и его единомышленников с большими или меньшими колебаниями поддерживали П. Н. Рыбников и А. А. Козлов. Это, в частности, подтверждается не только деятельностью П. Н. Рыбникова в Москве, но и его революционно-пропагандистской работой в 1861 — первой половине 1862 гг. в нелегальном кружке Е. П. Михаэлиса, И. Г. Прыжова, А. А. Герике, К. А. Гена, П. В. Завадского, В. С. Праотцева и других в городах Каргополе и Петрозаводске Онежской губернии.

До конца 1850-х годов, по его личному признанию, свою преподавательскую работу в школе межевых топографов А. А. Козлов сводил «к изложению социалистических доктрин». В эти годы образцом современной философии для него были труды Л. Фейербаха, в области социологии — сочинения Ш. Фурье[46]. Что касается П. Н. Рыбникова, то до 1861—1862 гг. Н. П. Огарев, А. И. Герцен, А. А. Слепцов еще считали возможным рассчитывать на его активное участие в строительстве общероссийской организации «Земля и воля» в качестве руководителя ее Северо-Западного округа[47].

Лишь после отлива в 1862—1863 гг. революционной волны и наступления реакции, в итоге целой полосы правительственных гонений и личных неудач бывшие члены правого крыла общества Рыбникова (А. и Ф. Веселовские, А. Котляревский, Головин, С. Шпилевский, С. Кожевников, В. Пантовский и др.) вступили сначала на путь умеренного либерализма, а затем покорного служения правительству. За ними после 1863—1864 годов последовали А. А. Козлов и П. Н. Рыбников, ставшие соответственно первый профессором философии Киевского университета, сторонником реакционной идеалистической философии Гартмана — Шопенгауэра, а второй — вице-губернатором Калишской губернии (в Польше). Из всего состава членов общества Рыбникова на наиболее последовательных революционных позициях как в 1855—1858 годах, так и позднее, до самого конца жизни, стоял М. Я. Свириденко.

Он считал, что в целях подлинного освобождения крестьянства от крепостного права, а России от самодержавия, необходима народная революция .

И это не было для него пустыми фразами. В показаниях П. С. Ефименко содержатся факты, свидетельствующие о том, что М. Я. Свириденко и его единомышленники занимались в широких масштабах распространением герценовских изданий не только в Москве, но и в ряде других районов России. Объясняя в следственной комиссии, откуда он взял сочинения А. И. Полежае-

46 А. А. Аскольдов. А. А. Козлов, стр. 25—26 и др.

47 М. В. Нечкина. Новые материалы о революционной ситуации в России (1859—1861 гг.), «Литературное наследство», т. 61, Из-во АН СССР, М., 1953, стр. 509; Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, ГИХЛ, 1958, стр. 296—297, 308.

ва, «С того берега» и «Колокол» А. И. Герцена и другие, пересланные им своим харьковским товарищам, П. С. Ефименко показал: «Во время пребывания в Москве запрещенные сочинения приобретал от студента тамошнего университета Загайного и студента С. Петербургского университета Сорокина, а они имели их от своих товарищей. Кроме того, у студента Московского же университета Свириденко получал для чтения газеты «Колокол». «Некоторые из них переписал и отослал харьковским своим товарищам»[48]. Из сказанного следует, что участники московского общества Рыбникова—Свириденко охотно и успешно участвовали в распространении герценовских изданий далеко за пределами Москвы. Поэтому приобретает такой весомый смысл их заявление о том, что с разъездом на каникулы их работа не будет прекращена, а, наоборот, приобретет еще большую действенность и масштабы. А такие заявления вожаков этой организации были: «Однажды, — читаем мы в одном из рапортов московского полицеймейстера об обществе Рыбникова, — заметили Рыбникову, Козлову и Власьеву, что их вертеп должен разориться во время каникул в университете; тогда кто-то из них заметил: если они уедут из Москвы, то везде будут сеять свои убеждения и что почва вдали свежее здешней»[49]. И первым, кто в 1858 г. стал на путь претворения в жизнь подобных убеждений, был именно М. Я. Свириденко. Это подтверждается документами П. С. Ефименко, тесно сотрудничавшего в 1857—1858 гг. с членами левого крыла общества П. Н. Рыбникова, в его письмах в эти годы из Москвы к деятелям Харьковского тайного общества М. Д. Муравскому, А. А. Тыщинскому и другим. В них П. С. Ефименко требовал от своих товарищей расширения численности революционных организаций на Украине, активизирования их деятельности и т. д. Письма эти попали позднее в руки Петербургской следственной комиссии кн. А. Ф. Голицына. Спрошенный по поводу его письма к Муравскому, в котором он требовал, чтобы последний и его товарищи «расширили свой круг между студентами», П. С. Ефименко объяснил: «Бывшие

[48] ЦГАОР, ф. 109и, оп. 214, 1860 г., д. 26, ч. 1, л. А, лл. 236 об —237.

[49] М. М. Клевенский. Указ. соч., «Каторга и ссылка», 1928, № 10 (47), стр. 24.

члены Харьковского тайного общества в 1857—1858 гг. хотя по-прежнему распространяли запрещенные сочинения, но уже не так деятельно, ибо убедились, что само правительство заботится об искоренении злоупотреблений и недостатков в России*. «Они (имеются в виду члены общества Рыбникова—Свириденко — **Р. Т.**) — обратили внимание на устройство дел, касающихся студентов, именно: образовали кассу для вспомоществования недостаточным товарищам, собирали материал для студенческого сборника, переводили некоторые иностранные исторические сочинения и т. п.». — Чтобы успешнее действовать и на Украине в тех же областях, по мнению П. С. Ефименко, «им (членам Харьковского тайного общества — **Р. Т.**) необходимо было иметь сколь можно более таких товарищей, которые бы этому сочувствовали. Посему он и советовал Муравскому распространять свой круг между студентами»[50].

Нельзя пройти мимо сходства видов работы Харьковского тайного общества и Московского общества Рыбникова—Свириденко в 1857—1858 гг., как это явствует из только что приведенных показаний П. С. Ефименко: и тут и там концентрировали внимание на распространении запрещенных сочинений, на создании и поощрении деятельности студенческих лекториев, на подготовке к изданию студенческих сборников, на создании касс для помощи необеспеченным студентам, на переводах ряда исторических сочинений прогрессивных авторов с иностранных языков на русский, на расширение состава членов студенческих кружков, способных успешно вести подобную работу. Показания П. С. Ефименко и его переписка позволяют отметить не только сходство ряда видов деятельности обоих тайных обществ, но и согласованность, сговоренность их членов при выполнении этих видов работы. В частности, последнее можно подтвердить на примере попыток совместного создания революционных организаций П. С. Ефименко, А. А. Тыщинским, М. Я. Свириденко в Чернигове, при Нежин-

* Едва ли следует принимать всерьез за чистую монету это заявление П. С. Ефименко. До 1863—1864 гг. он активно боролся против царизма и лишь позднее перешел на либеральные позиции.

[50] ЦГАОР, ф. 109и, оп. 214, 1860 г., ч. 1, л. А, лл. 237 об. — 238 об.

ском лицее, в Херсонской губернии, а также в деле налаживания доставки запрещенной литературы в Харьков и ряд других городов юга России.

В одном из писем к А. А. Тыщинскому в 1857 году Ефименко упрекал своего товарища «в равнодушии к делам, как выражается, важным и принятым добровольно». В связи с этим он указывал, что надо будет изменить свое отношение к общественной деятельности, активизировать ее. Попутно он предупреждал А. А. Тыщинского, «что чрез Харьков будет ехать Свириденко, который все дело устроит и что он, Ефименко, заедет также в Харьков, потом отправится в Нежинский лицей, а из лицея думает поехать по университетам, год быть в Москве, другой в Петербурге, третий в Киеве...»[51].

Допрошенный в следственной комиссии по поводу содержания письма к А. А. Тыщинскому и его общих планов и намерений с М. Я. Свириденко, П. С. Ефименко вынужден был кое-что признать из их совместной конспиративной деятельности. Он показал: «...что упрек Тыщинскому сделал за то; что он отказался от участия в предприятиях студентов по изданию сборника и проч.; Свириденко — студент Московского университета, отправлялся через Харьков на родину, в Крым и брался доставить и впредь доставлять запрещенные сочинения»[52]. Далее Ефименко, с рядом оговорок, подтвердил и остальную часть письма, относящуюся к поездке по многим городам юга России[53]. Как видно из этих показаний, совместная поездка Свириденко и Ефименко из Москвы на юг России преследовала далеко идущие цели. Прежде всего имелось в виду наладить постоянное снабжение Харькова, Полтавы, Чернигова и ряда других городов Украины запрещенной литературой». — Э. Омаровский и О. Митаравщенко, Глебов, Н. И. Стронин П. Лобода, И. П. Дорошенко в Чернигове и Полтаве, М. Левченко в Богодухове, П. Завадский и другие в Харькове — должны были стать их агентами в этом деле. Эта задача, как известно из истории Харьковско-Киевского тайного общества, им, в основном, удалась. Попутно имелось в виду создать тайное общество и рево-

---

[51] Там же, лл. 238 об. — 239.
[52] Там же, л. 239.
[53] Там же, лл. 233 и 239 об.

люционные кружки в Чернигове, где у них была известная опора. То же самое предполагалось сделать в Херсоне, где служил член Харьковского тайного общества Виктор Раевский. Однако в Нежинском лицее, вопреки первоначальным ожиданиям, Ефименко постигла неудача. Не встретив поддержки со стороны лицеистов, он вскоре уехал оттуда в Киев. В Киеве, его по мотивам политической неблагонадежности, не приняли в университет, что вынудило Ефименко на время уехать к матери, в Мелитополь. Оттуда он вновь связался с членами общества в Москве и со своими старыми товарищами по Харьковскому тайному обществу. Одновременно он сблизился с очень интересным и игравшим видную роль в Чернигове революционным кружком преподавателей гимназии А. И. Стронина, Глебова, врача-хирурга Носа и других. «В Чернигове, — говорил Ефименко 14 апреля 1860 года в своих показаниях следственной комиссии, — я познакомился с учителем гимназии Глебовым, с оператором Носовым (Носом. — **Р. Т.**) и с редактором Черниговских губернских ведомостей (В. М. Белозерским. — **Р. Т.**)*, как лицами, занимающимися южнорусской этнографией»[54].

Кружок в составе Глебова, Стронина, Лебоды, Носа, Пилипченко, Дорошенко и др., организованный в 1857—1858 гг., при содействии В. Португалова, П. Ефименко, Я. Бекмана рос и развивался. В 1861—1862 гг. из него сложилось Черниговское отделение общества «Земля и воля», а часть членов составила местную украинскую Громаду.

Все рассказанное нами о деятельности членов Московского общества Рыбникова—Свириденко, и в особенности той его группы, которую возглавлял М. Я. Свириденко, позволяет сделать ряд важных выводов.

Во-первых, о том, что ведущей группой в этой организации в 1856—1858 гг. было ее левое крыло во главе с М. Я. Свириденко, прочно стоявшее на революционно-демократических позициях, выработавшее свое мировоззрение на базе философского материализма Фейербаха, социальных и политических идей Герцена, Черны-

---

* Нос и Белозерский в 1863 году были арестованы и подвергнуты следствию по делу И. Андрущенко (Московское отделение общества «Земля и воля»).

[54] ЦГАОР, ф. 109и, оп. 214, 1860 г., д. 26, ч. 1, л. Б, л. 121.

шевского и систем утопического социализма Фурье, Блана, в особенности же Чернышевского и Герцена.

Во-вторых, еще в московский период его жизни М. Я. Свириденко завязал политические связи с революционными организациями Петербурга (через члена революционного кружка П. В. Макалинского, студента Петербургского университета В. М. Сорокина, лично знакомого и постоянно общавшегося с 1858/59 учебного года с Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым и другими руководителями «Современника»). С 1857—1858 годов М. Я. Свириденко и его единомышленники (Загайный, Уманец и другие) установили через П. С. Ефименко связь и сотрудничество с Харьковско-Киевским тайным революционным обществом. Последнее имело своей целью совместное распространение на юге России «запрещенной литературы» и небезуспешные попытки создания революционных организаций в Чернигове, Полтаве и некоторых других городах.

О содержании и направлении деятельности М. Я. Свириденко (по крайней мере с 1858—1859 гг.) стало известно Н. Г. Чернышевскому. Об этом несколько ниже будет сказано подробнее.

На рубеже 1857—1858 гг. революционное крыло членов общества Рыбникова—Свириденко стало проявлять все более глубокий интерес к жизни, быту, творчеству, нравам, обычаям и истории народных масс, усилению прямого общения с ними. Это вылилось в организацию серьезных экспедиций для изучения народного творчества (сказок, песен, сказаний, поговорок, обрядов и т. д., быта и нравов, истории и т. п.), попытки развертывания просветительской деятельности в крестьянстве, среди ремесленников и других слоев трудящихся классов.

Когда правительству в конце 1858 — начале 1859 годов стало об этом известно, III отделение нанесло ряд ударов по членам этого общества и разгромило его.

Придравшись к тому, что во время этнографической экспедиции в Черниговской губернии в декабре 1858 г.— январе 1859 г. Рыбников ходил по городам и деревням в простонародной одежде, встречался и разговаривал с крестьянами, ремесленниками, солдатами, общался с раскольниками, собирал материалы по истории общины, промыслов, народные песни и сказания, особенно из ис-

тории крестьянских движений (среди них оказалась и песня о Е. Пугачеве, текст которой опубликовала в своей работе А. П. Разумова)[55]. III отделение сочло, что в его руках достаточные улики для ареста П. Н. Рыбникова. III отделению вскоре стало известно, что почти одновременно с П. Н. Рыбниковым в южные губернии выехали М. Я. Свириденко, П. С. Ефименко и некоторые другие их товарищи. Эти поездки студентов властям показались подозрительными. Местным губернаторам были отданы распоряжения установить за Рыбниковым, Свириденко, Ефименко и другими строгий надзор. О Рыбникове жандармским властям удалось довольно быстро собрать компрометирующие в политическом отношении материалы. Когда установлены были его связи со старообрядцами (посещение им Клинцовского, Красноборского раскольничьего монастыря), собирание им сказаний и песен о Е. Пугачеве, ношение народной одежды, а также сведения об антиправительственной деятельности его общества в Москве, последовал (в конце февраля 1859 года) его арест (в Черниговской губернии), а затем и административная высылка в г. Петрозаводск Олонецкой губернии, с правом поступления на государственную службу (в этот город Рыбников был доставлен 3 марта 1859 года).

М. Я. Свириденко и П. С. Ефименко, оказались более опытными конспираторами, чем П. Н. Рыбников. Полиции, установившей за ними надзор, долго не удавалось поймать их с поличным: П. С. Ефименко до начала 1860 года, а М. Я. Свириденко не был уличен до самой смерти в 1864 году. И это, несмотря на то, что губернаторы Харьковский, Киевский, Новороссийский и Бессарабский

---

55 А. П. Разумова. Из истории русской фольклористики. Из-во АН СССР, 1954, стр. 34—35. Вот ее текст:

«Емельян Пугачев природою с Дона
В России как дома,
Пришел в Россию с малой дружиной,
А сделал Россию с кручиной.
Оный был яр до бояр,
Ежели б он всю Россию уловил,
Много бы господ подавил;
Емельян господам был крестным отцом,
Жаловал жарким и хододцом.
Крестьянам было бы весело,
Когда бы рука их господ вешала».

подозревали П. Ефименко и М. Свириденко в попытках организации революционных кружков.

П. С. Ефименко позднее признавался Ивану Андрущенко в том, что его жизненным принципом всегда было: если его власти не захватили с поличным, он категорически отказывался признавать инкриминируемые ему «политические преступления».

В письме к И. Андрущенко от 5 ноября 1861 года П. Ефименко рассказал о своей высылке из Пермской губернии в связи с распространением там прокламации «Послание старца Кондратия», в составлении которой он принимал участие. «Раз ничего не нашли, — писал Ефименко, — я говорил, что ничего и не было»[56].

Столь же скрытно вел свою работу и М. Я. Свириденко. Желая избежать нависшего над ним ареста, сохранить свободу для продолжения своей революционно-просветительской деятельности и выскользнуть из-под надзора полиции, М. Я. Свириденко решил на время уехать из Москвы. К концу московского периода М. Я. Свириденко был уже, в основном, сложившимся и зрелым революционером-демократом.

В возрасте 28 лет, определив цели своей жизни, формы деятельности на службе народу и обществу, М. Я. Свириденко вступил в третий этап жизни и борьбы против самодержавия и крепостничества.

* * *

Конец 1858 и большую часть 1859 года М. Я. Свириденко прожил в деревне Каменный мост Ананьевского уезда Херсонской губернии. М. М. Клевенский в работе о «Вертепниках» опубликовал весьма интересный документ — отзыв новороссийского и бессарабского генерал-губернатора (в это генерал-губернаторство входила и Херсонская губерния) о М. Я. Свириденко за период его проживания в указанной деревне. В отзыве этом (он датирован 3 ноября 1859 года) говорилось: «Около полутора лет он (М. Я. Свириденко. — **Р. Т.**) проживал Ананьевского уезда в д. Каменный мост, не занимаясь ничем, посещал тамошних крестьян, входил в быт их и со всеми ими обращался ласково; отстаивая тех, кто

---

56 ЦГАОР, ф. 112и, 1863—1864 гг., д. 72, л. 147.

подвергался взысканию, постоянно присутствовал на всех сходках, для чего носил крестьянское платье, но вел себя трезво. В кругу молодежи обоего пола он был из первых, часто говорил им, что сам происходит из крестьян, и признался одному из дворовых людей, что во время бытности в Москве он находился под надзором тамошней полиции, но за что именно — не пояснил; часто выходил к крестьянам на работы, в коих иногда принимал участие и сам. Таким образом, Свириденко приобрел у крестьян особенное уважение и вместе с тем имел на них сильное нравственное влияние, — они во всем его слушались и повиновались... Свириденко жил в особой избе в селении, и в квартире его видна была во всем бедность. Цель, для которой Свириденко сближался с крестьянами, как он высказал некоторым, была та, чтобы вникнуть в их быт и изучить их нравы и обычаи, для описания оных...»[57]. Там М. Я. Свириденко женился на простой крестьянской девушке.

Из генерал-губернаторского отзыва явственно вырисовывается фигура простого, скромного, но стойкого народного защитника, во всем разделявшего жизнь и быт простых людей, ничем, кроме образования и опыта, от них не отличавшегося. Возникает вопрос: какие цели поставил перед собою М. Я. Свириденко в период проживания в деревне Каменный мост Херсонской губернии? Нам известно о его интересе к этнографии. В этом смысле цель пребывания в деревне, объявленная им самим, — изучение и описание быта, нравов и обычаев народа, — в какой-то мере имела под собою основание. Но имеющиеся в нашем распоряжении материалы убедительно доказывают, что одними этнографическими занятиями она не исчерпывалась.

Полуторагодичное пребывание М. Я. Свириденко в дер. Каменный мост — важный этап в его подготовке к активной общественной деятельности на службе освободительному движению народов России.

Можно с достаточным основанием предположить, что это была разведка подлинных политических настроений крестьянства России. Руководители революционно-демократического лагеря очень интересовались изучением

---

[57] М. М. Клевенский. Указ. соч., «Каторга и ссылка», 1928 г., № 10 (47), стр. 32.

действительных политических настроений широких масс крестьян и солдат России в 1859—1862 гг.

Известно, что по личному поручению Н. Г. Чернышевского, П. И. Гайдебуров и М. И. Шемановский летом 1862 года разъезжали по южным губерниям страны, собирая для «Современника» интересовавшую редакцию журнала информацию.

М. И. Шемановский в письме к Н. Г. Чернышевскому указывал, какие районы он успел объехать и каков дальнейший маршрут его путешествия. «Пользуясь тем, — писал он, — что теперь каникулярное время и что большая часть учителей выехала из городов, я из Царицына переехал на Дон, а потом спустился по нему в Новочеркасск. Теперь сижу в Бахмуте Екатеринославской губернии. Намерен ехать на Харьков, Курск, Орел и Тулу. Прошу Вас, Николай Гаврилович, прислать к 20 августа в Курск 200 рублей; думаю, что их достанет до Москвы»[58].

П. А. Гайдебуров 8 июля 1862 года писал Чернышевскому: «Необходимость почти постоянно разъезжать по разным концам Малороссии заставляет меня обратиться к Вам, Николай Гаврилович, с покорнейшею просьбою — поторопиться с высылкою следуемых мне денег»[59].

Интерес руководителей «Современника» к положению на местах более чем закономерен. Накануне ожидавшейся вожаками революционно-демократического лагеря народной революции в России они из первых рук хотели знать о действительных настроениях широких народных масс.

В этой связи можно признать несомненным, что одной из причин, побудивших М. Я. Свириденко переехать из Москвы в деревню Каменный мост было его стремление как одного из видных деятелей революционно-демократического лагеря своими глазами увидеть, что происходило в крестьянстве, чтобы соответственно этому построить и свое личное поведение.

Отзыв Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора в значительной мере подтверждает это предположение. В нем обращается внимание на то, что

---

[58] «Процесс Н. Г. Чернышевского», стр. 68, Саратов, 1939.
[59] Там же, стр. 67.

М. Я. Свириденко «посещал тамошних крестьян, входил в быт их и со всеми ими обращался ласково; отстаивая тех, кто подвергался взысканию, постоянно присутствовал на всех сходках...»[60].

В отзыве Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора особенно подчеркивается постоянное общение М. Я. Свириденко с крестьянской молодежью, беседы с нею политического характера, что, собственно и привело к усилению его нравственного и политического влияния на крестьян[61].

Из всего сказанного видно, что работа М. Я. Свириденко среди крестьянства Ананьевского уезда Херсонской губернии не пропала даром. Она показала ему, что крестьянство тянется к свободе, готово бороться за нее, что оно способно поддержать тех, кто искренне хочет помочь народу добиться настоящей свободы с землей, с человеческими правами.

Понимая, что центры освободительного движения находились тогда в больших городах, а в одиночку, даже имея известное влияние на крестьян определенной округи, ничего не сделаешь, Свириденко, имея широкие связи с революционными кружками Москвы и Петербурга, решил вернуться к прежнему сотрудничеству с ними. Опасаясь, что московская полиция, которой он был хорошо известен по обществу Рыбникова, установит за ним надзор, М. Я. Свириденко переезжает на жительство в начале 1860 года в Петербург, где его дружелюбно встретили друзья. Пользовавшийся советами Н. Г. Чернышевского прогрессивный владелец книжного магазина и книжного издательства Д. Е. Кожанчиков пригласил к себе М. Я. Свириденко на должность их управляющего. На этой, как увидим ниже, очень важной для освободительного движения в России «должности» М. Я. Свириденко служил русскому народу до самой своей смерти в 1864 году.

* * *

1860—1864 годы — последние годы короткой жизни Матвея Яковлевича Свириденко — проведены были им в

---

60 М. М. Клевенский. Указ. соч., «Каторга и ссылка», 1928, № 10 (47), стр. 32.

61 Там же, стр. 32.

Петербурге, главном центре революционного движения в России 1850-х — начала 1860-х годов. Есть основания утверждать, что в эти годы он был тесно связан с руководящими кругами революционно-демократического лагеря, с его главою Н. Г. Чернышевским, с видными деятелями «Земли и воли», с представителями революционного подполья.

Средства к существованию в Петербурге он добывал себе работой в качестве приказчика — распространителя прогрессивных и даже запрещенных книг в известном книжном магазине Дмитрия Ефимовича Кожанчикова.

Ныне уже широко известно, что книжные магазины Д. Е. Кожанчикова и Н. А. Серно-Соловьевича в начале 1860-х годов преследовали не коммерческие, а просветительские цели. «Книжный магазин, — свидетельствовал об одном из них Н. В. Шелгунов, — который устроил Серно-Соловьевич (Н. А. Серно-Соловьевич — **Р. Т.**), был делом не торговым, а идейным, таким же идейным делом были для Серно-Соловьевича воскресные школы, в которых он принимал самое деятельное участие...»[62].

В значительной мере эту оценку роли магазина Н. А. Серно-Соловьевича можно отнести и к книжному магазину Д. Е. Кожанчикова. Соответственно такому их назначению подбирались как литература, так и штаты их служащих.

По намекам студентов в магазинах Н. А. Серно-Соловьевича и Д. Е. Кожанчикова можно было лицам, пользующимся их доверием, получать и запрещенную литературу. Поэтому главную роль в их магазинах играли и соответствующие сотрудники: у Н. А. Серно-Соловьевича управлял магазином С. Н. Пыпин, тесно связанный с петербургским подпольем (Н. И. Утиным, П. Л. Спасским, Е. П. Печаткиным, Е. П. Гаршиной и др.), продавцом была жена члена «Земли и воли» артиллерийского полковника А. Н. Энгельгардта — А. Н. Макарова (Энгельгардт)[63]; у Д. Е. Кожанчикова книжным магазином управлял, начиная с 1860 по 1864 гг. М. Я. Свириденко. Бесспорные факты показывают, что Н. Г. Чернышевский был осведомлен о деятельности книжных магазинов Н. Серно-Соловьевича и Д. Кожан-

---

[62] Н. В. Шелгунов. Воспоминания, стр. 115, ГИЗ, М.—П., 1923.

[63] Там же, стр. 115.

чикова. Их руководители — близкие к Чернышевскому люди. В жандармском «Списке лиц, посещавших Чернышевского», Д. Е. Кожанчиков и Н. А. Серно-Соловьевич значатся под одной рубрикой: «Лица, имевшие во всякое время доступ», рядом с Н. А. Некрасовым, Н. А. Добролюбовым, Г. З. Елисеевым, М. А. Антоновичем, И. И. Панаевым, П. И. Боковым[64].

Был ли М. Я. Свириденко лично знаком с Н. Г. Чернышевским и если знаком — насколько близко? С Чернашевским Свириденко был знаком еще с 1858—1859 гг. В Петербурге знакомство их возобновилось, видимо уже с 1860 года. Агентами III отделения зарегистрированы посещения Матвеем Яковлевичем Свириденко квартиры Н. Г. Чернышевского.

Уже в июле 1861 года Н. Г. Чернышевский называл его своим «добрым знакомым». Он знал, что М. Я. Свириденко имел связи с деятелями кадетских корпусов Москвы и Петербурга (среди преподавателей последних было несколько его товарищей, бывших членов общества П. Н. Рыбникова — И. Рассадин, А. Котляревский, А. Веселовский, Н. Стороженко, В. Покровский и др.). С некоторыми из этих московских товарищей М. Я. Свириденко по обществу Рыбникова (А. Котляревским, А. Веселовским) Н. Г. Чернышевский был также хорошо знаком. Он вспомнил о них, когда, еще не зная о черном предательстве, готовившемся В. Д. Костомаровым, искал средств помочь ему в обеспечении интересной и хорошо оплачиваемой работой.

2 июля 1861 года Н. Г. Чернышевский писал В. Д. Костомарову: «Добрый друг, Всеволод Дмитриевич: я все возвращаюсь к мысли об уроках в одном из корпусов.. У меня теперь там, кроме Котляревского, есть еще добрый знакомый Свириденко, человек вполне порядочный, подобно Котляревскому (хоть Алексей Николаевич их и недолюбливает, говоря по секрету; но ведь это только несходство темпераментов и приемов, а люди они очень хорошие). Мне хотелось бы познакомить Вас с ними, — конечно в том случае, если Вы думали бы похлопотать при их содействии об уроках в одном из корпусов»[65].

---

64 «Процесс Н. Г. Чернышевского», стр. 48.

65 Н. Г. Чернышевский. ПСС, т. XIV, стр. 436, ГИХЛ, М., 1949.

Это очень важное свидетельство Н. Г. Чернышевского о М. Я. Свириденко. Нельзя забывать, что пока Чернышевский, Михайлов и Шелгунов не разоблачили В. Д. Костомарова как предателя и провокатора, они сотрудничали с ним на таком важном для революционеров поприще, как тайное печатание прокламаций.

Аттестование Н. Г. Чернышевским своему сотруднику по тайному печатанию революционных прокламаций М. Я. Свириденко как человека вполне порядочного и очень хорошего, равно как осведомленность Чернышевского о делах, которыми занят Свириденко, о его друзьях и товарищах показывает, что Чернышевский достаточно близко его знал, чтобы говорить о нем в таких ответственных обстоятельствах, быть уверенным при характеристике Свириденко в его возможных поступках и действиях.

Общение Свириденко с Чернышевским продолжалось и в 1862 году. Последнее его посещение квартиры Чернышевского было зарегистрировано агентами III отделения незадолго до ареста Николая Гавриловича.

В отчетах агентов III отделения за период с 18 мая по 13 июня 1862 года указывалось: «Чернышевского с 18 мая посетили более 30 разных лиц... Из известных уже у него были: Михаил Воронов — 13 раз, Николай Утин — 3 раза, студент Советов — 4 раза, доктор Боков — 8 раз, Антонович — 7 раз, Свириденко — 1 раз, Звонарев — 6 раз, Лунин — один раз, Иван Павлов — 1 раз, Некрасов — 1 раз»[66]. Характерно, что чины III отделения, отметив посещение М. Я. Свириденко квартиры Н. Г. Чернышевского, отнесли его к группе лиц, уже известных в качестве частых посетителей дома Чернышевского. Когда позднее Н. Г. Чернышевский был допрошен по существу приведенных выше документов о его отношении к А. Н. Котляревскому и М. Я. Свириденко, он, не желая усиливать подозрений членов следственной комиссии Голицына к этим лицам, заявил, что близкими свои отношения с ними он не считает, тем не менее полностью сохранил свое положительное мнение о них обоих.

16 марта 1863 года, отвечая на 10-й вопрос среди дру-

---

[66] «Процесс Н. Г. Чернышевского», стр. 186. Разрядка моя. — **Р. Т.**

гих заданных ему членами следственной комиссии кн. А. Ф. Голицына, Н. Г. Чернышевский заявил: «Г. Котляревский — преподаватель в каком-то Московском кадетском корпусе; я был знаком с ним как с литератором и человеком ученым. Г. Свириденко — служит в книжном магазине Кожанчикова. Я был несколько знаком с ним, как с человеком образованным; он искал моего знакомства, — я не могу отказываться от посещений мне делаемых, — у меня такой характер, слишком деликатный. Ни с г. Котляревским, ни с г. Свириденко я не был близок»[67].

Однако признание факта регулярного общения с М. Я. Свириденко, отзывы о нем как о «добром приятеле», порядочном и образованном человеке убедительно доказывают наличие идейной близости и личных связей М. Я. Свириденко с Н. Г. Чернышевским в 1860—1862 годах. Установив эти факты, мы можем кратко охарактеризовать деятельность М. Я. Свириденко в Петербурге. Находясь под надзором полиции с 1858 года, он должен был проявлять большую осторожность и конспирацию во всех начинаниях, в которых участвовал.

Как управляющий магазином Кожанчикова он активно содействовал распространению передовой русской, украинской, польской и иностранной литературы. По его совету Д. Е. Кожанчиков издавал в начале 1860-х годов произведения Марко Вовчка (М. А. Маркович), Жорж Занд, П. И. Якушкина, И. А. Гончарова, А. Н. Островского, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, А. Мицкевича и других популярных писателей. Книжный магазин Д. Е. Кожанчикова был в Петербурге центром подписки на «Современник» и все его издания (например, на выходившую в издании этого журнала под непосредственным руководством Н. Г. Чернышевского «Историческую библиотеку» и другие). Распространение «Современника» и его изданий велось в книжном магазине, управляемом М. Я. Свириденко, на редкость успешно.

Если в 1859 году в Петербурге (без губернии) было распространено по подписке 1274 экземпляра «Современника», то с приходом М. Я. Свириденко в 1860 году подписка составила уже 1628 экземпляров, а в 1861 году выросла до 1681 экземпляра. По Петербургской губер-

---

[67] «Процесс Н. Г. Чернышевского», стр. 186.

нии подписка на «Современник» в 1859 году составляла 39 экземпляров, в 1860 году — 48, а 1861 году — 62 экземпляра[68]. В этом важном деле — распространении в массе просвещенной публики главного органа революционной демократии в России — была большая капля меда управляющего книжным магазином Д. Е. Кожанчикова — М. Я. Свириденко.

Для лиц, близких к революционным кругам и пользовавшихся его доверием, у М. Я. Свириденко находилась и «запрещенная литература» («Колокол», революционные прокламации, сочинения А. И. Герцена, Н. П. Огарева, литографированные произведения Т. Г. Шевченко, Л. Фейербаха, письмо В. Г. Белинского Н. В. Гоголю и другие). М. Я. Свириденко эту литературу поставлял известный в Петербурге букинист Н. И. Крашенинников, находившийся с магазином Д. Е. Кожанчикова в постоянных деловых отношениях по вопросам книготорговли. Между тем из доносов на Н. И. Крашенинникова в III отделение явствовало, что последний «...занимался разноскою «Колокола» и всех запрещенных сочинений и воззваний...». По сведениям III отделения у Крашенинникова можно было достать «...сколько угодно номеров налитографированных в Москве книг, заключавших в себе все то, что до сих пор напечатано было в «Колоколе»[69].

Таков основной канал (основной, но не единственный), по которому магазину Д. Е. Кожанчикова доставлялась в начале 1860-х годов «потаенная литература».

Современники, лично хорошо знавшие М. Я. Свириденко, подчеркивали его исключительно доброжелательные и дружественные отношения с рядом деятелей демократической журналистики и литературы: Н. С. и В. С. Курочкиными, П. И. Якушкиным, В. Толбиным, Н. Г. Помяловским, Н. А. Лейкиным и другими. Он помогал написанию, изданию и распространению их сочинений, оказывал всякого рода услуги.

Как родной брат, бескорыстный и самоотверженный товарищ служил он людям передовой литературы и журналистики. Сотрудник «Искры» Н. А. Лейкин пока-

---

[68] Н. Г. Чернышевский. ПСС, т. X, стр. 469, ГИХЛ, М., 1951.

[69] ЦГАОР, ф. 109и, оп. 35, 1862 г., д. 84, лл. 9—10, 22.

зал эту форму служения русскому обществу М. Я. Свириденко на ряде убедительных примеров. В своих воспоминаниях об очень популярном тогда «народолюбце» и «правдоискателе» П. И. Якушкине, сотрудничавшем в «Современнике», «Искре» и других передовых изданиях, собирателе в самой гуще народной лучших образцов народного творчества (песни, сказки, сказания, мелодии и т. д.) Н. А. Лейкин привел многочисленные примеры братской поддержки М. Я. Свириденко в трудную минуту представителей «пишущей братии».

Рассказывая о «слабости» П. И. Якушкина к чрезмерному употреблению спиртных напитков, Н. А. Лейкин указывал, что именно Свириденко удерживал его от этого, хранил его скудные средства, укрывал в своей комнатке, стремился создать ему условия для творческой работы.

«...Я помню, — писал об этом Н. А. Лейкин, — Якушкин отдавал деньги на хранение своему приятелю и общему знакомому всей тогдашней пишущей братии, Свириденко... В книжном магазине Кожанчикова, в каморке Свириденко был написан и «Велик бог земли русской» — лучшее произведение Якушкина. Это, как известно, ряд рассказов из времен первых дней эпохи освобождения крестьян»[70].

Лейкин приводит слова самого Якушкина, объяснявшего почему из всех предложений своих друзей поселиться у них на время литературной обработки собранных им в экспедициях материалов народного творчества, он предпочитал им всем — «каморку М. Я. Свириденко».

В ответ на предложение Н. А. Лейкина работать у него, П. И. Якушкин ответил: «У тебя неловко... Ты живешь с матерью, с братьями, сестрами... У Васьки Толбина — комната мала... Да и нельзя там работать — напьемся сейчас... Он целый день пьет и я могу соблазниться, а он не удержит. А когда я работаю, то я пью понемножку. У Василия Степановича (Курочкина) отлично бы работать, там квартира большая и комнат

---

[70] Сочинения П. И. Якушкина с портретом автора, его биографией С. В. Максимова и товарищескими о нем воспоминаниями: П. Д. Боборыкина, П. И. Вейнберга, И. Ф. Горбунова, А. Ф. Иванова, Н. С. Курочкина, Н. А. Лейкина, Н. С. Лескова, Д. Д. Минаева, В. Н. Никитина, В. О. Португалова и И. С. Турбина, СПБ, 1884 г., стр. LXXI, LXXIII. Разрядка моя.—**Р. Т.**

много, но меня Наталья (жена В. С. Курочкина, Наталья Романовна. — **Р. Т.**) не любит и вон гонит, — рассуждал Якушкин. — Нет. Я лучше к Свириденко... У него там в каморке, за книжным магазином сяду и попишу... Свириденко меня и от водки удержит»[71].

В воспоминаниях Н. А. Лейкина рассказывается еще о нескольких важных сторонах деятельности М. Я. Свириденко, как видного деятеля революционно-демократического лагеря начала 1860-х гг., отмечается его активное участие в работе воскресных школ, в сборе средств для этих школ и для поддержки неимущих студентов. Особенно же Н. А. Лейкиным подчеркивалась мысль о том, что руководимый М. Я. Свириденко книжный магазин Д. Е. Кожанчикова был центром связей и общений для передовых людей столицы. «...Покойный Свириденко, — писал об этой стороне его деятельности Н. А. Лейкин, — имел массу знакомых среди учащейся молодежи и интеллигенции, заходившей в книжный магазин порыться, посмотреть и купить литературные новинки, сбирал с них пожертвования и на бывшие тогда в большом ходу воскресные школы, и на поддержку бедных студентов...»[72].

Из фактов, рисующих направления и конкретное содержание деятельности М. Я. Свириденко в Петербурге 1860—1864 годов, перед нами предстает внешне не бросская, но изумительно цельная и глубокая натура самоотверженного борца, верного друга демократических писателей, журналистов, студентов, отдававшего все силы, знания, опыт, время, энергию, незаурядный организаторский талант наиболее злободневным начинаниям революционно-демократического лагеря в России (политические кружки, воскресные школы, журналистика, книжные магазины, библиотеки-читальни революционного или просветительского назначения и т. д.).

Из описаний облика М. Я. Свириденко Н. А. Лейкиным, А. Н. Веселовским, А. А. Котляревским, Л. Ф. Пантелеевым, из отзывов о нем Н. Г. Чернышевского и других современников с большой ясностью и конкретностью видно, на службу каким целям поставил магазин

---

[71] Там же, стр. LXXII.
[72] Там же, стр. LXXIV.

Д. Е. Кожанчикова его управляющий. Как и книжные магазины Н. А. Серно-Соловьевича, позднее А. А. Черкесова, магазин и издательство Д. Е. Кожанчикова стали местом конспираций членов «Земли и воли» и других революционных организаций начала 1860-х годов. Близость М. Я. Свириденко к «Земле и воле», его участие в деятельности этой организации не вызывает никаких сомнений. В литературе сохранился ряд более или менее отчетливых свидетельств по данному вопросу. Очень показательно в этом отношении сообщение Л. Ф. Пантелеева. Когда ЦК «Земли и воли» командировал его в Москву, Вологду, Петрозаводск для переговоров с тамошними революционными организациями о вхождении их в состав указанной Всероссийской партии, Пантелеев, по его собственному признанию, счел необходимым по главным целям своей поездки проконсультироваться именно с М. Я. Свириденко. «О поездке в Петрозаводск, — говорит он в своих воспоминаниях, — ни одну минуту и не думал: еще в Петербурге Матвей Яковлевич Свириденко, старый приятель Рыбникова, дал о нем такую аттестацию, которая мало подавала надежд, что его можно привлечь на сторону «Земли и воли»[73].

Слова Пантелеева убедительно доказывают, что М. Я. Свириденко близко стоял к Петербургским «землевольцам», был хорошо знаком с их активом, образом мыслей и образом действий, сотрудничал с ними в их революционной практической работе, хорошо знал о состоянии их внутренних дел. Иначе подобные разговоры, сугубо конспиративного характера, вообще были бы невозможны. Из заявления Пантелеева также следует, что в политических вопросах М. Я. Свириденко в 1862 году занимал более левые позиции, нежели П. Н. Рыбников.

Приведенный нами пример доказывает, что М. Я. Свириденко в петербургских революционных кружках имел такое доверие и авторитет, что с ним считали полезным советоваться в столь важных делах Всероссийской революционной организации «Земля и воля» люди, принадлежащие к ее активу. Вот где, видимо, коренились основания для той положительной оценки лично-

---

[73] Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, стр. 308.

сти и деятельности М. Я. Свириденко, которая была дана ему самим главою революционно-демократического лагеря Н. Г. Чернышевским, как человеку «вполне порядочному», «образованному» и «очень хорошему»[74].

На близость М. Я. Свириденко к московским и петербургским «радикальным (революционным) кружкам конца 1850-х—начала 1860-х гг.» указывал и его товарищ по обществу П. Н. Рыбникова Алексей Николаевич Веселовский. В воспоминаниях об их общем друге А. Котляревском («Киевская старина», 1888 г.) А. Н. Веселовский писал, что «Свириденко имел связи с петербургскими кружками и был одним из таких лиц, при посредстве которых в московской молодежи того времени (особенно в, 1856—1858 гг. — **Р. Т.**) устанавливалось единомыслие с тем, что тогда проповедовала передовая журналистика»[75].

За этой фразой скрывалось утверждение А. Н. Веселовского о том, что М. Я. Свириденко проповедовал в Московском обществе П. Н. Рыбникова идеи «Современника» и успешно добивался «единомыслия» с ним значительной части его членов.

Факты из деятельности общества Рыбникова—Свириденко, которые мы приводили выше (борьба за утверждение философии Л. Фейербаха, за преобразование России на демократических основаниях, за социализм и республику и т. д.), подтверждают это. Учитывая признание Н. Г. Чернышевского на процессе[76], что он знал А. Котляревского и М. Свириденко еще по Москве, можно сделать вполне достоверный вывод, что это знакомство восходит к 1857—1858 гг., так как в конце 1858 г. Свириденко выехал в Херсонскую губернию и до ноября 1859 года прожил там.

Убеждение в том, что деятельность М. Я. Свириденко в книжном магазине Д. Е. Кожанчикова являлась для него не столько источником заработка, сколько формой его революционного служения обществу, была широко распространена среди виднейших деятелей начала 1860-х годов, ближайших друзей Н. Г. Чернышевского

---

[74] Н. Г. Чернышевский, ПСС, т. XIV, стр. 436, 727.

[75] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, под редакцией А. Е. Грузинского, изд. 2, т. 1, стр. XIV—XV.

[76] «Процесс Н. Г. Чернышевского», стр. 186.

(М. А. Антоновича, Г. З. Елисеева и др.). Когда прямые высказывания в печати уже не могли «повредить» самому М. Я. Свириденко (т. е. после его смерти), Г. З. Елисеев сформулировал и опубликовал в «Отечественных записках» проникнутую нескрываемой симпатией, высоким гражданским пафосом чрезвычайно высокую оценку общественно-политической, революционной и просветительской деятельности М. Я. Свириденко. Сочетая прямые высказывания с системой понятных передовым демократическим читателям намеков и сравнений, Г. З. Елисеев охарактеризовал Свириденко как одного из виднейших деятелей революционно-демократического лагеря в России 1850-х—начала 1860-х годов.

В статье «Внутреннее обозрение»[77] Г. З. Елисеев осветил историю книжной торговли в Петербурге, а в известной мере и в других крупных городах России (Москве, Варшаве и т. д.) в ее связи с общественным движением страны. Он подчеркнул, что все книжные магазины в 1860—1870-е годы, о которых шла речь в его статье, служили определенным политическим направлениям. Таких направлений, указывал он, было два: **либеральное,** под которым в действительности, судя по всему контексту статьи, разумелось демократическое, даже революционное и **нелиберальное,** т. е. консервативное. **Либеральные** магазины, в своем большинстве, ставили себе целью не столько наживу их владельцев, сколько служение делу ускоренного прогрессивного развития общества, а некоторые из них, как это очевидно из сравнения Г. З. Елисеевым магазина Д. Е. Кожанчикова с пекарней известного деятеля итальянской революции 1850-х—начала 1860-х годов Дольфи — почти открыто служили делу победы революционного движения в России.

Разъясняя читателям разницу между **либеральными и нелиберальными** книжными магазинами, Г. З. Елисеев писал: «Все нелиберальные магазины — магазины дореформенные, явившиеся задолго до крестьянской реформы. Основатели их — **люди старого закала и воззрений**. Как они и чем, когда привлекались к книжной торговле, почему пошли в ход, как нажили свои капиталы?

---

[77] Г. З. Елисеев. Внутреннее обозрение, «Отечественные записки», 1876, №3, стр. 133—153.

— современным поколениям неизвестно. Общее между ними — одно: что они, следуя старым воззрениям, смотрят на книгу исключительно, как на товар, и готовы радеть всякой книге, которая идет ходко и дает хорошую прибыль, каково бы ни было ее содержание и достоинство. В либеральных магазинах заметно выступает уже другое отношение к книгам; тут есть уже тенденции, любовное или нелюбовное отношение к той или другой книге, смотря по ее достоинству и цвету. Правда, и здесь, как и во всяких магазинах дореформенных, вы можете купить, как я уже сказал, книгу и либеральную, и нелиберальную, хорошую и плохую. Но если вы попросите в либеральном магазине совета: какую книгу вам выбрать из двух или трех однородных, то вам наверное порекомендуют книгу известного разряда — и не наобум или не потому, что она идет ходко, а по ее действительному достоинству и цвету; далее либеральные магазины в предпринимаемых ими изданиях держатся определенной идеи и ни под каким видом не будут издавать книг, несогласных с их тенденцией»[78].

Определив различия в мотивах и направлениях деятельности указанных двух типов книжных магазинов, Г. З. Елисеев не уклонился от щекотливой задачи — сформулировать политические позиции их владельцев. Используя систему намеков, употребляя понятные революционному читателю и в то же время неуязвимые в цензурном отношении формулировки, Г. З. Елисеев умело доводил до понимания читателя — друга истинное содержание того, что он хотел сказать. Например, употребляя термин либеральный, в противопоставлении консерваторскому, он в действительности имел в виду противопоставление революционеров сторонникам самодержавия и крепостничества.

Хозяева консервативных магазинов, как уже отмечалось Г. З. Елисеевым, — люди старого закала. Они бы-

---

[78] Там же, стр. 133—134. Разрядка моя. — **Р. Т.**

ли довольны существовавшим социально-политическим строем и добивались двух целей — его упрочения и увеличения личной наживы. Раз публика охотно покупает книги — хорошо; можно разбогатеть и на этом. Другое дело владельцы «либеральных магазинов». Это люди нового направления, рожденного потребностями революционной эпохи 1850-х—начала 1860-х годов. Их магазины (и они сами) имели своим назначением служение делу победы этой революционной эпохи. С большой смелостью Г. З. Елисеев подчеркивал мысль, что «либеральные магазины все — послереформенного времени, вызваны новым направлением, созданным реформами, и твердо держатся новых воззрений или, по крайней мере, действуют в их духе». Оттого они пользуются преимущественным сочувствием поколения, воспитавшегося уже на борьбе против царизма и крепостничества, и «главный покупатель у них — люди молодые или средних лет; равным образом, к этому же возрасту принадлежат и основатели или владельцы этих магазинов; редко между ними проскальзывают люди почтенных лет; но и то только такие, которые давно примкнули к направлению нового времени и которые, пожалуй, крепче еще к нему привязаны, чем даже люди молодые»[79].

Таким образом, играя в цензурных целях, на двусмысленных формулировках «новое поколение, воспитанное на реформах», и т. п. — Елисеев в действительности под направлением «нового времени» имел в виду систему взглядов, мировоззрение не Кавелиных—Чичериных, а программу Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, М. И. Михайлова, которой он сам служил всю свою сознательную жизнь. Это, как увидим несколько дальше, он совершенно отчетливо и дал понять своим читателям. Изо всех «либеральных магазинов» 1860—1870-х гг., к каковым он относил магазины Н. Л. Тиблена, П. А. Гайдебурова, Е. П. Печаткина, Н. А. Серно-Соловьевича — А. А. Черкесова*, лучшим Елисеев считал магазин Д. Е. Кожанчико-

[79] Там же, стр. 134. Разрядка моя. —**Р. Т.**

* После ареста Н. А. Серно-Соловьевича его магазин перешел в руки друга и единомышленника братьев Серно-Соловьевичей — А. А. Черкесова.

ва. «Не знаю, — писал Елисеев, — было ли у Кожанчикова какое-нибудь состояние, когда он начал книжную торговлю, но дела его с самого начала быстро пошли в гору. Г. Кожанчиков так сумел обрядить свой магазин, что в начале шестидесятых годов это был самый блестящий из всех петербургских магазинов. Он пользовался не только сочувствием всей образованной публики новых воззрений, но около него группировалась почти вся либеральная* пресса тогдашнего времени»[80]. Это очень важное свидетельство весьма осведомленного человека, хорошо знавшего Д. Е. Кожанчикова и тех (Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Н. А. Серно-Соловьевич), кто в свое время воодушевлял его на просветительское направление в книжной торговле.

Еще более важным для нас является указание Г. З. Елисеева на то, что подлинным вдохновителем всей деятельности книжного магазина Д. Е. Кожанчикова, организатором вокруг него «почти всей либеральной прессы тогдашнего времени», своей работой обеспечившего магазину «сочувствие всей образованной публики новых воззрений» был не столько хозяин магазина, сколько его управляющий, «приказчик» М. Я. Свириденко.

Отметив первенствующее положение среди петербургских книжных магазинов магазина Кожанчикова и подчеркнув его выдающуюся роль как центра сплочения демократической прессы и демократической интеллигенции Петербурга, Г. З. Елисеев продолжал: «Центром для последней был здесь один из приказчиков магазина Кожанчикова — кандидат Московского университета Матвей Яковлевич Свириденко, едва ли не единственный кандидат в России, который, по своим личным качествам, мог составить себе блестящую карьеру, но который этой карьере предпочел скромное место приказчика в книжном магазине»[81].

---

* В данном контексте подразумевается вся революционная, демократическая пресса конца 1850-х — начала 1860-х годов. — **Р. Т.**

[80] Г. З. Елисеев, Указ. соч., «Отечественные записки», 1876 г., № 3, стр. 141. Разрядка моя — **Р. Г.**

[81] Там же, стр. 141.

Почему же М. Я. Свириденко избрал эту трудную, опасную дорогу, усыпанную терниями, материальными лишениями, а не путь блистательной ученой карьеры?

По мнению Г. З. Елисеева, ответ на этот вопрос надо искать в предшествующей деятельности М. Я. Свириденко. Будучи участником освободительного движения в Москве, сочувствуя новому революционно-демократическому направлению и готовый к борьбе против старого, самодержавно-крепостнического режима, Свириденко без колебания выбрал путь революционной борьбы с царизмом, как главную цель жизни, как свою основную жизненную профессию.

«Воспитанный в Москве среди двух кружков, — писал о нем Г. З. Елисеев, — славянофильского и западнического, на постоянных спорах между тем и другим, в которых и сам принимал деятельное участие в качестве сторонника западничества*, Матвей Яковлевич Свириденко был хорошо приготовлен к тем новым веяниям, которые реформами принесены были в общество и литературу шестидесятых годов, и, в то время, когда последняя, в большей части своего персонала, шла ощупью в своем поступлении вперед, подталкиваемая с одной ступени на другую событиями, он владел уже определенною идеею, которая, может быть, и привела его в

---

* Левые «западники», от лица которых выступали в 1840-х — на начале 1860-х гг. В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев в своей борьбе с славянофилами, пропагандировали не только признание общности путей развития России и стран Запада, но и признание закономерностей развития классовой борьбы, революций, социализма. Одновременно они резко критиковали «правых западников» — либералов (К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина и др.), отвергавших революционный путь развития, народную самодеятельность, социализм, сводивших свое «западничество» к антидемократическому некритическому восприятию буржуазного пути развития как идеального устройства общества для всех народов. «Левым западникам» 1840-х — начала 1860-х годов была чужда либеральная идеализация буржуазного строя. Они видели, критиковали и осуждали противоречия буржуазного общества, не принимали и разоблачали формы эксплуатации и угнетения, которые буржуазия несла с собою трудящимся массам (рабочим, крестьянам, ремесленникам и другим слоям трудящихся). В этом смысле как сторонника «левого направления западничества» (т. е. революционно-демократического и социалистического направления) и трактовал Г. З. Елисеев М. Я. Свириденко.

книжный магазин, так как магазин давал ему возможность близкого соприкосновения с литературным персоналом, а литература только и могла служить проводником для идеи. Как бы то ни было, но я не видывал человека, который бы так страстно был привязан к литературе, который бы с такою жадностью ловил в ней каждое новое, живое слово, как он. Оттого и его любовь к сочувственному ему персоналу литературы была безгранична. Он для каждого здесь готов был жертвовать всем, чем он мог — своими услугами, временем, доставлением полезных сведений и т. д.; тем более, разумеется, он делал все, что было в его средствах, для успеха сочувственной ему литературы»[82].

Обосновав тезис, что М. Я. Свиріденко избрал местом работы книжный магазин, исходя из **основной цели своей жизни—служить успеху революционного движения в России**, Г. З. Елисеев уделил очень много внимания характеристике той огромной роли, которую молодой революционер сыграл в этом благородном деле. Прежде всего Елисеев подчеркнул ум, волю, упорство, изумительный организаторский талант, которые в совокупности позволили Свириденко за 2—3 года его усердной и сосредоточенной деятельности превратить свой скромный пост «приказчика» книжного магазина в один из руководящих постов подготовки русской революции. При этом характеристика личности М. Я. Свириденко дана в таких тонах, примерах и сравнениях, в ней особо выделены такие наиболее важные черты, что из них видно явное стремление Елисеева нарисовать образ не рядового деятеля русской революции, а одного из влиятельных и вместе с тем и скромнейших ее руководителей. Подчеркнув, что описываемый им героический шестидесятник человек «...умный, в преследовании своей цели упорный, с характером безукоризненно честным и правдивым, с наружностию в высшей степени симпатичною, стоявший по своей должности на таком месте, где ежедневно толпилась все (вся? — **Р. Т.**) интеллигентная петербургская публика, от самых высших слоев, до самых низших, Свириденко, при своей практической сметке и при своем практиче-

---

[82] Там же, стр. 141—142.

ском уменьи пользоваться людьми, мог знать и делать многое, чего не в состоянии был бы знать и делать даже человек одинаковых с ним талантов, и с самыми богатыми средствами, находящийся в другом положении»[83].

Для того, чтобы демократический читатель до конца уразумел главную мысль, которую хотел высказать о М. Я. Свириденко Г. З. Елисеев, мысль о том, что последний был настоящим патриотом России и революционером, человеком с поразительным бескорыстием и самоотверженностью, отдавшим свою жизнь делу черновой работы по подготовке русской революции — автор «Внутреннего обозрения» сравнил работу М. Я. Свириденко с деятельностью скромной и по внешности неэффектной, но в действительности важной и влиятельной, проделанной пекарем Дольфи во Флоренции, Тоскане и во всей Италии в годы революционно-демократической, по своей сущности, борьбы итальянского народа за свое воссоединение и независимость (1850-е—1860-е годы).

Кто же такой Дольфи? Чем он прославился в истории борьбы итальянского народа за свободу от крепостничества, за воссоединение и независимость в 1850-е—1860-е годы? Дольфи — простой булочник. Его главная черта — «...глубокая любовь к народу и всецелая преданность его интересам — и вот те качества, которые Дольфи из ничтожного лавочника сделали душой и центром не только Флоренции, но и целой Тосканы»[84].

Простота, доступность, добросердечие Дольфи делали его другом всех честных и простых людей Флоренции и Тосканы. К нему обращались за помощью и советом сотни и тысячи людей. Почему? Именно потому, что он любил родной народ, а народ любил своего трибуна Дольфи. Народная любовь и доверие сделали Дольфи влиятельной фигурой в решении крупнейших национальных и политических задач итальянского народа.

«Все тосканские волонтеры, отправляющиеся в армию Гарибальди, прошли через лавку Дольфи; все денежные пособия, которые делались с Тосканы для до-

---

[83] Там же, стр. 142. Разрядка моя. — Р. Т.
[84] Там же, стр. 142.

вершения освобождения Италии, собирались тут; здесь устраивалось все, что делалось для образования и улучшения положения работников во Флоренции; через эту же лавку получали пособия те воины южной армии Гарибальди, которых Пьемонтское правительство оставило без хлеба. В лавке Дольфи был даже президент совета министров Риказоли, чтобы посоветоваться с Дольфи о присоединении Тосканы к Пьемонту; отсюда вышел совет народу вотировать в пользу присоединения. Вот кто был Дольфи!»[85].

Такой пример Елисеевым был избран, конечно, не случайно. Ему хотелось этим подчеркнуть глубокую народность и демократизм М. Я. Свириденко, разнообразие его деятельности, его способность соединить самые благородные, самые высокие идеи с кропотливой черновой работой, практичность, смекалку, здравый смысл, свойственные скромному «приказчику Кожанчикова» с его выдающейся ролью как одного из видных деятелей революционно-демократического лагеря, активно участвовавшего вместе с признанными руководителями этого лагеря в подготовке общероссийской революции.

Предупреждая попытки некоторых читателей упрощенно понять смысл его сравнения, Г. З. Елисеев счел необходимым оговориться, что его целью было не уподобление этих двух революционеров и патриотов друг другу, а лишь установление того факта, что каждый из них, в разных исторических условиях и различной обстановке, сумел проявить себя пламенным патриотом и революционером, настоящим народным трибуном, героем, способным самый скромный участок борьбы превратить в арену выдающихся для всей своей страны подвигов. «...Я заговорил о Дольфи, — писал Елисеев, — вовсе не с тем, чтобы приравнивать к его деятельности деятельность Свириденко, а единственно для того, чтобы показать: как на ничтожных на вид местах бывает возможна великая деятельность»[86].

Справедливость требует признать, что пример с Дольфи был удачен не только в том ограничительном смысле, который звучит в последнем разъяснении Ели-

---

[85] Там же, стр. 142—143.
[86] Там же, стр. 143.

сеева, но и в том многообразии видов деятельности, ее необходимости и значительности для своих народов, в той бесконечной скромности, самоотверженности и бескорыстности, которые проявили эти выдающиеся герои итальянского и российского освободительного движения.

Поразительная по своей глубине, всесторонности, теплоте и сердечности характеристика Г. З. Елисеевым личности и деятельности М. Я. Свириденко, как настоящего революционера-демократа и искреннего патриота не оставляет никаких сомнений в том, что в его лице история сохранила нам один из многих примеров типичных героев революционной эпохи конца 1850-х — начала 1860-х гг., воспитанных Н. Г. Чернышевским. Любовь к Чернышевскому, верность его идеям и делу М. Я. Свириденко сохранил до конца жизни. Незадолго до смерти он еще раз (в последний раз!) увидел своего глубоко почитаемого учителя. В момент исполнения приговора над Н. Г. Чернышевским (обряд гражданской казни — 19 мая 1864 г. на Мытнинской площади в Петербурге) присутствовавший на этой грустной для передовых людей и позорной для властей церемонии М. Я. Свириденко, в знак солидарности с Чернышевским и уважения к нему, а также в знак протеста против царского произвола, обратился к присутствовавшим с приглашением обнажить свои головы. Это было замечено и отражено в полицейских донесениях.

Жандармский полковник Дурново в отчете шефу жандармов о том, как протекал на Мытнинской площади ход объявления приговора Н. Г. Чернышевскому и обряд его гражданской казни, между прочим докладывал: «Когда Чернышевский сходил с эшафота, то товарищ по лавке книгопродавца Кожанчикова Свириденко приглашал публику снять шляпы»[87].

---

[87] ЦГАОР, фонд 109и, оп. 37, 1862 г., д. 230, ч. 26, л. 244. Заслуживает упоминания отмеченные Дурново другие факты о солидарности присутствовавших на площади лиц с Н. Г. Чернышевским.

«На площади, — докладывал он начальству, — я нашел, несмотря на раннее время и ненастную погоду около 200 человек, ко времени же объявления приговора собралось от двух до двух с половиной тысяч человек. В числе присутст-

Эта публичная демонстрация солидарности с Н. Г. Чернышевским в столь ответственной обстановке, как объявление главе революционной демократии в России приговора за «совершенные им государственные преступления», в момент «гражданской казни» подчеркивает еще раз истинное политическое лицо М. Я. Свириденко как верного и бесстрашного борца из стана деятетелей русской революции. Его последняя демонстрация — закономерный результат мировоззрения, жизни и деятельности.

* * *

О последних месяцах жизни М. Я. Свириденко нам известно очень не многое.

Все свидетельства источников, которые мы уже приводили (донесения московского полицеймейстера Кропоткина московскому генерал-губернатору Закревскому, отзыв Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора о полуторагодичном проживании Свириденко в деревне Каменный мост Ананьевского уезда Херсонской губернии, свидетельства С. А. Аскольдова, воспоминания А. А. Котляревского, А. Н. Веселовского и других о московском и петербургском периодах его жизни), единодушно подчеркивают, что вся жизнь Свириденко

вующих были литераторы и сотрудники журналов, много студентов Медико-хирургической академии, три воспитанника училища правоведения, до 20 воспитанников корпуса путей сообщения, несколько офицеров пехотных гвардейских полков и офицеров армейских стрелковых батальонов, большинство же публики состояло из дворянского сословия, из коих многие были в славянофильских костюмах, а некоторые в черном одеянии и имели таковые же башлыки. Перед приводом Чернышевского, находящийся в числе зрителей г. Якушкин изъявил желание проститься с преступником, и когда к нему подошел полицеймейстер полковник Ваннаш и спросил, он ли желает проститься, г. Якушкин сказал, что желает не один он, а желают все». Некий Герасимов, «мещанин, живущий на Песках», — пытался пробраться к Н. Г. Чернышевскому, чтобы проститься с ним. К подножию эшафота М. П. Михаэлис и другие бросили букеты цветов. Донесение полковника Дурново в своей основной части опубликовано в книге Н. М. Чернышевской. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. ГИХЛ, М., 1953, стр. 331—332.

происходила в атмосфере суровой бедности и острых материальных лишений.

Живя годами в Москве в общей со многими студентами-бедняками квартире, ими самими окрещенной «Вертепом», при постоянном безденежье, когда на 10 человек была одна чайная ложка; прожив полтора года в лишенной каких-либо удобств бедной крестьянской избе в деревне Каменный мост, он и в Петербурге попал в такие же неблагоприятные материальные условия. Его друзья (П. И. Якушкин, Н. А. Лейкин и другие), его петербургское жилище называли не иначе как «каморкой за магазином Д. Е. Кожанчикова». А. Н. Веселовский, А. А. Котляревский, став профессорами, с явной жалостью к его «неудавшейся жизни» говорили о том, что ему «не повезло», что вместо блестящей карьеры, на которую он мог рассчитывать при его талантах и знаниях, Свириденко должен был «довольствоваться» должностью приказчика, т. е. мелкого торгового служащего в магазине Кожанчикова с низкой оплатою. Таким образом бедность, материальные лишения терзали М. Я. Свириденко всю его короткую жизнь. С 1858 и по 1864 годы он находился под строгим полицейским надзором, сопровождаемым, время от времени, обысками, не прекращая при этом активнейшей революционной работы. Какую выдержку и волю ему приходилось проявлять при этом, какое колоссальное количество нервной энергии тратить, сколько переживать тревог и огорчений, когда, безраздельно отдаваясь революционной работе, он знал, что за каждым его шагом следят.

Ко всему этому необходимо добавить огромный, многообразный, самоотверженный, бескорыстный труд, который без оглядки, щедрой рукой вкладывал М. Я. Свириденко в общее дело освободительного движения России.

Арест его идейных вдохновителей Н. Г. Чернышевского, Н. А. Серно-Соловьевича и других, их несправедливое осуждение царизмом, не брезговавшим помощью предателей и прямых провокаторов, высылка вождей демократического лагеря на каторгу и вечное поселение в Сибирь глубоко потрясли М. Я. Свириденко. О его открытом протесте по поводу актов произвола царизма нам уже известно.

Все эти неблагоприятные обстоятельства рано подо-

рвали здоровье молодого революционера. В конце 1864 года его не стало*.

Он умер в период контрнаступления реакции в России, отбившей натиск «революционной партии» в годы революционной ситуации конца 1850-х — начала 1860-х годов. Над гробом безвременно погибшего бойца, оплакиваемого кругом его личных друзей, не раздалось всеобъемлющей оценки заслуг перед освободительным движением России. Лишь 12 лет спустя, в период кануна новой революционной ситуации публично было воздано должное М. Я. Свириденко, раскрыто его значение для развития русского народа, его борьбы за лучшее будущее в рассмотренной нами подробно статье Г. З. Елисеева[88].

Так, от лица вожаков революционно-демократического лагеря была дана справедливая оценка одному из его славных героев, замечательному самоотверженному бойцу.

Изучение истории жизни и деятельности профессиональных революционеров разночинского этапа освободительного движения в России таких, как Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Н. В. Шелгунов, М. И. Михайлов, Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи и другие, а также их многочисленных учеников (С. С. Рымаренко, Я. Н. Бекмана, Н. В. Завадского, Е. П. Михаэлиса, М. Д. Муравского, А. Х. Христофорова, И. Умнова, Ю. М. Мосолова, М. Я. Свириденко и других) позволит решить ряд очень важных теоретических, политических и воспитательных задач. Знание конкретной истории формирования их мировоззрения, их деятельности, форм и итогов борьбы даст возможность объективно сформулировать идеологию этого направления, формы и методы деятельности, ее размах и результаты, выяснит высокий идейный, политический и моральный облик революционеров той поры, раскроет секрет их огромной популярности среди передовых современников, причины их глубокого влияния на воспитание профессиональных революционеров из последующих революционных

* Точную дату смерти и обстоятельства похорон М. Я. Свириденко нам найти не удалось.

[88] Г. З. Елисеев. Внутреннее обозрение. «Отечественные записки», 1876, № 3, стр. 133—153.

поколений — революционеров-разночинцев 1870—1880-х годов и революционеров пролетарских.

Благородные идеи и бескорыстное патриотическое служение делу свободы и счастья своего народа таких борцов, как М. Я. Свириденко и других героев 1850-х — начала 1860-х годов и поныне не утратили своей ценности и притягательности.

Идеология предшественников и опыт их революционной борьбы могут быть плодотворно использованы марксистами-ленинцами в интересах коммунистического воспитания молодого поколения народов нашей Родины и всего передового человечества.

П. Д. ВЕРЕЩАГИН

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ БЫВШИХ УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ ПРОТИВ ЗЕМСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ

В 1889 году царское правительство провело закон, вводивший институт земских начальников, которым возвращалась помещикам значительная часть их прежней власти над крестьянством. В ответ на эту меру реакции в ряде мест страны крестьянские массы вновь поднялись на борьбу, охватившую и Симбирскую губернию, особенно ее бывшую удельную деревню.

Вопрос о крестьянском движении, вызванном контрреформами, в частности введением земских начальников, до сих пор остается одним из нерешенных нашей исторической наукой. Эта проблема не стала объектом специального изучения: нет ни одного исследования, и даже ни одной специальной статьи, которые бы характеризовали отношение крестьянства к контрреформам.

Внимание исследователей крестьянского движения до настоящего времени сосредоточено на вопросах крестьянской борьбы, происходившей в условиях последнего периода кризиса феодализма и в первые годы после крестьянской реформы. И это вполне понятно, так как на середину XIX века приходится наибольший размах антикрепостнического движения: период назревания и развития первой революционной ситуации.

Тем не менее, совершенно неоправдано выпало из поля зрения историков крестьянское движение, направленное против попыток царизма и помещиков реставрировать крепостнические порядки.

Цель настоящей статьи — ввести в обращение известные автору факты о крестьянском движении в связи с контрреформами, и тем самым привлечь внимание к этой проблеме.

* * *

Чем объяснить то обстоятельство, что против института земских начальников поднялось, прежде всего, бывшее удельное крестьянство? Почему бывшая помещичья деревня Симбирской губернии встретила закон 1889 г. внешне сравнительно спокойно?

Во-первых, удельные крестьяне всегда были в этом смысле наиболее активной частью крестьянства Симбирской губернии: это было связано с борьбой нерусских народов Среднего Поволжья против национального угнетения. Их вклад в крестьянскую борьбу, развернувшуюся в ответ на «освобождение» был особенно заметным. Вот что писал об этом симбирский губернатор в 1866 г.: «В течение всего года (1865.— **П. В.**) был только один случай неповиновения между временно-обязанными крестьянами, вызванный обязательным разверстанием угодий...

Не так шло дело в бывших удельных имениях. Хотя уставные грамоты по всем удельным имениям в губернии введены до 26 июня 1865 года, но большей частью без согласия крестьян...

Все это приводило умы бывших удельных крестьян в напряженное состояние,... и неповиновение обнаруживалось в значительной степени.

Крестьяне не признавали уставных грамот, отказывались от их исполнения, и не только пренебрегали требованием сельского волостного начальства, но и не исполняли распоряжений мировых посредников и чинов полиции, Были даже случаи, в которых крестьяне... позволяли себе обращаться к насильственным действиям. Те, которые не обнаруживали неповиновения, разделяли убеждения непокорных...; беспорядки в течение года обнаруживались слишком в 40 селениях, из них в 7 отдельных случаях они прекращены полицейскими мерами, 18 селений вызывали необходимость введения к ним экзекуций»[1].

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 7, д. 8, лл. 38, 39.

Во-вторых, это объясняется, на наш взгляд, различием в положении этих групп крестьянства до их «освобождения». Бывшие помещичьи крестьяне еще не успели по-настоящему забыть власть помещика, и ее рецидивы в виде земских начальников были для них «меньшим злом», с которым можно было мириться.

Совершенно иначе встретили земских начальников бывшие удельные крестьяне, не знавшие помещичьей власти. До 1835 года абсолютное их большинство жило относительно еще свободнее; тогда они были государственными. Передача их в удельное ведомство вызвала повсеместно волну упорного крестьянского движения, направленного против усиления феодального гнета.

Но прошло какое-то время и они «смирились» со своим новым положением, тем более, что оно продолжалось всего лишь до 1863 года.

Вдруг в 1889 году этих крестьян начали подчинять помещичьей власти, «делать барскими». Зная, как жилось под властью помещика другим группам крестьянства, бывшие удельные крестьяне вновь поднялись на борьбу.

* * *

Еще в период разработки крестьянской реформы в губернских комитетах раздавалось требование о назначении помещиков «начальниками сельских обществ» с предоставлением им обширных прав, ограничивавших личную свободу крестьян и их «самоуправление».

Однако в то время царское правительство не сочло безопасным полностью отдать крестьянские органы в руки помещиков, не отказавшись от идеи «крепкой» власти помещичьего класса над крестьянством.

Революционная ситуация 1879—1881 гг. объективно ускорила решимость реакции в осуществлении вынашиваемых ею планов, нашедших воплощение в контрреформах.

Но и в самом начале существования крестьянские институты власти оказались крайне стесненными: в дальнейшем они сохранили лишь некоторые внешние формы самоуправления, лишившись соответствующего внутреннего содержания.

Сельские старосты и волостные старшины очутились в крайне ненормальном положении: вместо защиты интересов своих избирателей, главной их целью стало исполнение приказаний начальства, в частности мировых посредников.

Закон от 12 июля 1889 года, вводивший земских начальников, еще более усилил зависимость крестьянского самоуправления от помещиков. Земский начальник, назначаемый только из числа потомственных дворян, сочетал в своем лице административную и судебную власть. Правительство назначало земскими начальниками наиболее реакционных представителей дворянства, ставивших своей целью осуществление принципов одного из идеологов реакции—А. Д. Пазухина, бывшего алатырского уездного предводителя дворянства, а затем правителя канцелярии министра внутренних дел, который видел беду в том, что крестьяне были изъяты из «ведения твердого... управления помещиков».

Земский начальник 5-го участка Сызранского уезда Д. Ребровский говорил подчиненным ему крестьянам, что теперь они «...вспомнят времена удельного начальства и Каблукова», и что он будет «пороть крестьян, как и Каблуков» (вероятно один из наиболее жестоких управляющих удельным имением. — **П. В.**)[1].

С другой стороны, земские начальники должны были быть тупыми исполнителями воли своего класса и не случайно поэтому большинство их видело свои обязанности лишь в необходимости установления мелочной опеки над крестьянами.

В материалах Симбирского губернского жандармского управления мы находим исчерпывающую характеристику этих деятелей. «...многие из лиц, назначенные на должности земских начальников, мало знакомы с крестьянским бытом, и... почти не подготовлены к этой серьезной деятельности»[2]. Но земские начальники и не стремились вникнуть в быт крестьянского населения. Те же материалы характеризуют «деятельность» земских начальников следующим образом: крестьяне Сызранского уезда «высказывают **совершенно осно-**

---

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 87, л. 32

[2] Там же, л. 5.

вательное (подчеркнуто нами. — **В. П.**) свое неудовольствие против земских начальников: 3 участка Владимира Владимировича Кашпирова, который человек неумный, неразвитый и совершенно не соответствует своему назначению, и кроме того, относится весьма небрежно к своим прямым обязанностям и большую часть времени проводит в пирушках в г. Сызрани с земским начальником 4 уч. Михаилом Александровичем Уваровым, который также относится к своим служебным обязанностям крайне небрежно..., проводит большую часть времени на охоте и в кутежах»[1]. Или: земский начальник 6 участка Сызранского уезда Н. А. Ленивцев «постоянно предается излишнему употреблению спиртных напитков, и... позволяет себе дерзкое и нетактичное обращение с крестьянами»[2].

Сельские и волостные сходы теперь отдавались под строгий контроль административной власти, получившей право обязательного утверждения целого ряда их приговоров. Кроме того, земские начальники должны были следить не только за законностью, но и за «целесообразностью» постановлений сходов, любое их постановление могло быть отменено уездным съездом земских начальников. Срока для опротестования земским начальником того или иного постановления схода установлено не было. В результате чего сельское общество никогда не могло быть уверено в том, что его постановление уже вступило в силу.

Новый закон весьма существенно ограничивал компетенцию волостного схода относительно выбора должностных лиц; ранее волостной старшина избирался на сходе, и после формального утверждения мировым посредником, а позже — уездным по крестьянским делам присутствием, вступал в должность. По новому закону за волостным сходом сохранялось право избрания лишь двух кандидатов на эту должность; распределение между ними обязанностей волостного старшины или его заместителя осуществлялось земским начальником. Право выбора «достойного» из числа двух кандидатов превращалось на практике в право назначения наиболее подходящего для земского начальника лица.

---

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 87, л. 27.
[2] Там же, л. 26.

В деле стеснений и преград, применявшихся земскими начальниками по отношению к крестьянскому самоуправлению, практика далеко опережала закон. Если ознакомиться с деятельностью земских начальников, то мы узнаем о многочисленных случаях бесцеремонного давления на сходы, равнозначного произволу, с целью добиться угодного власти постановления. Вот один из таких примеров. На сельском сходе крестьян села Каранино Сызранского уезда, бывшем в январе 1891 года, председательствовал земский начальник Н. А. Ленивцев. При решении вопроса о крестьянских недоимках земский начальник потребовал от присутствовавшего здесь же волостного старшины Бесова принять самые крайние меры по взысканию недоимок. В ответ на это требование Бесов заявил о невозможности погашения крестьянами задолженности в силу крайне плохого урожая, в результате чего «третья часть населения пошла по миру». Тогда земский начальник, «будучи рассержен возражениями... Бесова, стал на него кричать, как он смеет противоречить ему..., затем нанес старшине Бесову при всем сельском сходе побои... г. Ленивцев... неоднократно раньше описанного случая позволял себе дерзкое и нетактичное обращение с крестьянами», — заключает свое донесение помощник начальника Симбирского губернского жандармского управления[1].

Давление на крестьянские власти осуществлялось различными путями. Помимо права неутверждения приговора, земский начальник располагал дисциплинарной властью, расширенной до крайних пределов. По закону 12 июля 1889 года земский начальник мог без всякого формального производства подвергнуть любое должностное лицо аресту или штрафу. Известны случаи, когда сход, нежелавший принять угодное для земского начальника постановление, подвергался поголовно наказанию штрафом или арестом. Так, например, поступил земский начальник Подгорнов с участниками волостного схода при Новодевическом волостном правлении Сенгилеевского уезда. Из 131 человека, присутствовавшего на этом сходе, 11 человек были арестованы на трое су-

---

[1] ГАУО, ф. 355, оп. 1, д. 87, л. 26.

ток каждый, 119 человек оштрафованы на сумму по 50 коп. каждый, а волостной старшина «Ерофеев подвергнут 3-х руб. штрафу и 3-дневному аресту при правлении»[1].

Право наложения штрафа или ареста распространялось, таким образом, и на крестьян, причем земские начальники, стремясь вернуть времена былой зависимости крестьян от помещиков, широко им пользовались. Вот два примера, говорящих об этом. Земский начальник 7-го участка Карсунского уезда Фон-Вик, проезжая через деревню, встретил крестьянина, идущего навстречу и не снявшего перед ним шапки. Не долго думая, земский начальник поставил этого крестьянина на колени посреди деревни[2]. Земский начальник 4-го участка Симбирского уезда Шидловский оштрафовал одного крестьянина на 5 рублей за то, что последний, будучи в отлучке, не явился на сход[3].

Будучи неполноправным и зависимым сословием и после реформы 1861 года, крестьяне практически были лишены возможности обжалования распоряжений земских начальников, явно нарушавших их законные права. Жалобы на незаконные действия земских начальников, подаваемые в местные учреждения — уездные съезды земских начальников, уездное и губернское по крестьянским делам присутствия, — как правило, всегда оборачивались против жалобщиков. Вот что мы читаем в характеристике действий земского начальника 6-го участка Сызранского уезда Н. А. Ленивцева: «...все жалобы крестьянами подаются этому же земскому начальнику, который, получая поименованную жалобу, ее рвет, а жалобщика, осмелившегося принести жалобу, арестовывает на несколько дней, чем и отбивает охоту потерпевшим приносить жалобы на неправильные действия земского начальника,.. остаются всегда страдающими те же крестьяне»[4].

Обобщающий образ земского начальника нарисован в материалах члена Совета министров внутренних дел

---

[1] ГАУО, ф. 355, оп. 1, д. 87, л. 39.
[2] Там же, л. 13.
[3] Там же.
[4] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 87, л. 31.

Фон-Веймарна, ревизовавшего деятельность земского начальника Языковской волости Курмышского уезда Пантусова. «...Деятельность Пантусова, как земского начальника, — читаем мы в материалах, — является далеко не удовлетворительной. В отношении к сельскому населению и должностным лицам Пантусов чрезмерно пристрастно требователен, до придирчивости, не будучи в то же время строг к самому себе... Пантусов, пользуясь своей властью, вне законных рамок, позволяет себе наряжать десятских, для личных себе услуг берет для своих разъездов обывательских лошадей, налагает двойные наказания, отказывает в праве апелляции и в своих сношениях с населением не считает нужным делать различия между своими действиями как должностного, так и частного лица... Пантусов, вмешиваясь в мелочи службы сельских должностных лиц и часто беря на себя исполнение их обязанностей по надзору за их подчиненными, совершенно обезличил их»[1].

Чем же это некрепостнические порядки!

Понятно, что попытки вернуть крестьян к дореформенным временам вызывали с их стороны сопротивление, формы которого были самыми различными.

* * *

Царское правительство, вводя земских начальников, отдавало себе отчет в неизбежности отрицательной реакции крестьянства, обусловленной полукрепостническим характером этой меры. Ведь земские начальники пришли к власти с мыслью о том, что: «для русского мужика нужна розга и палка»[2]. Вот почему оно разработало ряд мер, рассчитанных на недопущение крестьянских выступлений, в частности, объявление крестьянам закона 12 июля 1889 года должно было производиться в каждом сельском обществе отдельно: в случае, если где и проявят крестьяне недовольство, то оно должно быть локализовано одной деревней. Кроме того, губернским жандармским управлениям было дано указание собирать «совершенно негласным путем подробные сведения о деятельности земских начальников... и о... впе-

---

[1] ГАУО, ф. 83, д. 370, оп. 25, лл. 3, 6, 13, 14.
[2] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 87, л. 5.

чатлении, производимом их деятельностью на местное общество, (подчеркнуто нами. — **П. В.**) и сообщать об этом «совершенно доверительно» в департамент полиции[1].

Период пребывания правительства «начеку» длился почти три года — с начала введения земских начальников, до середины 1893 года, когда не стало «более надобности в выяснении негласным путем и сообщения в департамент полиции сведений о деятельности земских начальников», — как писал директор департамента полиции П. Н. Дурново в своем циркулярном письме от 18 июня 1893 года начальнику Симбирского губернского жандармского управления П. Н. фон-Брадке, т. е. когда правительству удалось справиться со вспышками крестьянского недовольства и провести закон 1889 года в жизнь.

Впрочем, то же письмо отражает и неуверенность царизма в том, что крестьяне смирились со своим новым положением. Только этим и можно объяснить заключительную часть письма. «...тем не менее, — читаем мы,— Вам надлежит доводить до сведения департамента полиции, в силу лежащей на Вас... обязанности о всех выдающихся случаях (крестьянских выступлениях, вызванных действиями земских начальников. — **П. В.**) во вверенной наблюдению Вашему губернии»[2].

«Первые признаки недовольства этим законом появились в Муратовской волости»[3], а затем недовольство вылилось в открытое выступление против закона 1889 года крестьян 25 сел Муратовской и Хомбусь-Батыревской волостей Буинского уезда.

Выступление крестьян против земских начальников имело место и в других уездах Симбирской губернии.

Земский начальник 3-го участка Буинского уезда В. В. Кашпиров, вступивший в должность на основании закона 12 июля 1889 года, решил объехать свой район, ознакомить крестьян с содержанием названного закона и организовать выдвижение крестьянскими сходами кандидатов в волостные судьи.

---

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 87, л. 2.
[2] Там же, л. 60.
[3] ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 91, д. 10920, л. 7.

11 сентября 1890 года, в 12 часов дня, в селе Шерауты, вопреки инструкции, запрещавшей сбор крестьян большими группами, собрались крестьяне сел и деревень Шурут-Нурусово, Ендобы, Тугаево, Верхнее Тимерчеево и Новые Высли. Волостной старшина Муратовской волости И. Семенов приказал крестьянам составить списки собравшихся. Крестьяне названных деревень, за исключением жителей села Ендобы, отказались выполнить распоряжение старшины, наивно думая, что такие их действия принесут победу. В действительности же, будучи проявлением классовой борьбы, противодействие властям в осуществлении закона было выражением стихийности, а, следовательно, и слабости крестьянского движения. Об отказе крестьян старшина поставил в известность земского начальника, прибывшего к этому времени на место сходки. Тогда земский начальник сам приказал собравшимся крестьянам составить требуемые списки, а затем всем войти в церковь, где будет прочитан закон 1889 года. Крестьяне повторили свой отказ, сделав это очень дружно и с шумом. Причем у крестьян сразу же выделился вожак; им стал житель деревни Тугаево Архип Никитин.

Стараясь прекратить неповиновение крестьян, пресечь его в самом начале, земский начальник приказал арестовать Никитина, когда же волостной старшина Семенов попытался взять Никитина, другие крестьяне преградили ему путь, не давая возможности арестовать своего вожака.

Толпа крестьян потребовала разъяснить существо закона не в церкви, а прямо на площади. Растерявшийся земский начальник исполнил желание крестьян, которые и после этого отказались выдвинуть кандидатов в волостные судьи.

Не добившись повиновения крестьян Шераутского прихода Муратовской волости, земский начальник уехал в село Малые Кармалы, в котором был назначен на 3 часа дня сход крестьян деревень Кубня, Балабаш-Нурусово, Бахтигильдино и Янгильдино для той же цели.

В отличие от крестьян шераутской группы сел, жители этих деревень составили списки собравшихся и по приглашению земского начальника вошли в церковь для слушания закона от 12 июля 1889 года. Это, однако,

не мешало им также отказаться выдвинуть кандидатов в волостные судьи; исключение составили крестьяне двух деревень: Малой Кармалы и Янгильдино. У неповинующихся крестьян этой группы сел тут же нашелся вожак — крестьянин деревни Бахтигильдино Клементий Моисеев. Попытка ареста Моисеева не удалась. Односельчане Моисеева, а также крестьяне деревни Кубня отняли своего вожака.

Коллективная защита крестьянами своих руководителей была лишь формой их классовой борьбы и активного сопротивления властям.

Повторное требование земского начальника избрать кандидатов в волостные судьи не дало результатов. Крестьяне упорно стояли на своем.

Кульминационным пунктом явились события, происшедшие 13 сентября 1890 года. В этот день земский начальник созвал в селе Хомбусь-Батырево сход крестьян 13 окрестных селений. Собралось до 600 человек во главе со своими сельскими старостами. Небольшая часть их разместилась возле здания волостного правления, приготовившись выслушать земского начальника. Это были сельские старосты сел Хомбусь-Батырево, Ибрясь, Сюрбеево, Русских Тимяш и Малое Батырево, и по несколько человек крестьян из этих сел, а также крестьяне общества деревень Малый Кукшум и Сосновки со своим старостой. Большинство же собравшихся крестьян во главе с сельскими старостами деревень Андреевки, Ширтан, Чувашские Тимяши, Кошман-Тойси, Верхнее Кляшево и Новые Высли на Кубне встало поодаль на площади. Земский начальник приказал им приблизиться, но безуспешно. Крестьяне отказались выполнить и другое распоряжение земского начальника, рассчитанное на разобщение непокорных: разделиться на группы по обществам. Тогда земский начальник прибег к новому маневру. Он вошел в здание местного училища, пригласив крестьян следовать за ним, намереваясь таким образом разъединить «бунтовщиков». Но только несколько человек пошло за земским начальником. Оставшаяся толпа продолжала шуметь, затем с криком: «бей всех, кто у земского начальника: они нас продадут» бросилась к училищу, оттолкнула полицейскую стражу, ворвалась в классную комнату и стала избивать тех, кто там был.

Призыв земского начальника «опомниться» не смог остановить крестьян. «Спасаясь от побоев, — читаем мы в материалах следствия, — крестьяне, бывшие в училище, выбив раму в окне, стали выскакивать в поле, но толпа преследовала их, и там наносила побои. Оставшись один..., земский начальник также выпрыгнул в окно, и, обойдя полем смежные дворы училища и волостного правления, вошел в присутственную комнату волостного правления. Тут же за перегородкой, в канцелярии, находились скрывавшиеся от побоев волостной старшина Илларион Васильев, волостной писарь Мальцев и крестьянин деревни Ибрясь Семен Петров. Двери присутственной комнаты и канцелярии, выходившие в коридор, были заперты изнутри крючками, а дверь коридора, ведущая на площадь, заперта толстым деревянным запором в скобы у косяков. Через несколько минут после прихода земского начальника толпа подвалила от училища к волостному правлению, натиском переломила запор у наружной двери, сорвала крючок у двери канцелярии, за волосы вытащила старшину на площадь и нанесла ему побои кулаками и пинками. Волостной писарь Мальцев, заслышав шум, успел было выскочить в окно, но был настигнут в огороде и также избит»[1].

Земскому начальнику каким-то образом удалось избежать расправы.

Расправившись с ненавистными сельскими старостами, волостным старшиной и писарем, крестьяне тут же потребовали от земского начальника уволить старшину, заявив, что они не разойдутся до тех пор, пока не будет удовлетворено их требование. Боясь продолжения волнения и стремясь выиграть время, земский начальник исполнил требование крестьян, и тут же покинул село Хомбусь-Батырево, не добившись от крестьян покорности.

Движение на этом не прекратилось. В течение десяти дней крестьяне ряда сел Буинского уезда продолжали стоять на своем — отказывались принять закон 1889 года, несмотря на усилия, прилагавшиеся местной администрацией и полицией. «Лишь к 21 числу (сентября. — **П. В.**) при содействии местного станового пристава, всех

[1] ГАУО, ф. 713, оп. 1, д. 201, л. 6.

урядников уезда... уездному исправнику... удалось склонить крестьянские общества подчиниться требованию закона 12 июля 1889 года»[1].

Таким образом, крестьянские волнения, хотя и были локальными, отличались значительной остротой и упорством. Волнениями было охвачено 25 селений лишь 3-го участка Буинского уезда. Недовольство же реформой 1889 года чувствовалось повсеместно, особенно в бывшей удельной деревне. Даже те сельские общества, которые составили приговоры о выдвижении кандидатов в волостные судьи, и «признали» земских начальников, т. е. не встали на путь активного протеста, фактически выступали против этого закона. Об этом свидетельствует настроение крестьян деревни Шамкино, относившейся к 6-му участку Буинского уезда, выраженное Михаилом Евграфовым — крестьянином этой деревни. «Закон нехорош и для крестьян строгий», — говорил он крестьянам, собравшимся на сход в селе Шерауты.

Стараясь внести хоть какую-то долю своего участия в борьбу, развернувшуюся против контрреформ, Михаил Евграфов выступил в роли «подстрекателя». Обращаясь к тем же крестьянам, он советовал им «не принимать нового закона и приговоров не давать», т. к. в селе Шамкино «крестьяне от составления приговоров отказались»[2]. В действительности же под давлением администрации жители этого села выдвинули кандидатов в волостные судьи за неделю до описываемых событий.

Это был призыв присоединиться к развернувшемуся движению, сам по себе являвшийся одной из форм борьбы против контрреформ.

Об этом же говорит и другой пример, имевший место в противоположном конце губернии — в Сызранском уезде.

Бывшие удельные крестьяне одного из сел 5-го участка этого уезда, подведомственного земскому начальнику Д. Ребровскому, угрожавшему «пороть крестьян, как их порол Каблуков во времена удельного начальства», протестуя против этих угроз, всем сходом заявили: «...г. Каблуков нас порол... и вместе с этим... нам

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 91, д. 10920, л. 5.
[2] ГАУО, ф. 1, оп. 73, д. 15, л. 3

помогал, а вы, господин начальник, собираетесь нас пороть и не только не помогаете нам, а еще когда нам продадите хлеб и получите за запроданное деньги и когда мы придем за получением купленного, то не только не отдадите нашу покупку..., а еще в добавок выгоните в шею»[1].

Так совершенно стихийно крестьяне определили свою классовую позицию по отношению к институту земских начальников; в их деятельности они видели худшие формы попыток реставрации крепостнической эпохи, и потому боролись против них как могли.

В губернии имело место и открытое возмущение действиями земских начальников. Одно из них произошло в селе Вышки[2] Симбирского уезда в июле 1890 года.

Земский начальник 6-го участка этого уезда М. С. Андреев, сделавший «дерзкое и нетактичное обращение с крестьянами» нормой своей деятельности, избил крестьянина села Вышки Н. Корнилина за то, что последний не снял перед ним шапки. Возмущенный действиями земского начальника, Корнилин сам ударил его, за что был взят под стражу.

Односельчане, узнав об аресте Корнилина, освободили его, и тут же с возмущением отправились к дому земского начальника. Почуяв неладное, земский начальник сел в коляску, намереваясь скрыться. Подоспевшие крестьяне попытались было стащить его на землю и избить, но к этому времени явились волостной старшина и урядник, которые и помогли земскому начальнику бежать в Симбирск.

Боясь продолжения возмущения крестьян, а главное — его распространения на другие села, губернатор немедленно же отправил в село Вышки роту солдат, водворившую там «порядок». Активные участники возмущения были наказаны розгами от 50 до 75 ударов каждый. Даже 70-летний крестьянин Петр Дерюнов не был помилован. Двое крестьян — Корнилин и Ашаев — были арестованы и отправлены в Симбирск[3].

* * *

Возмущение крестьян было направлено не только против нового закона и его продукта — земского на-

---

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 87, л. 32.
[2] Бывшее удельное село.
[3] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 87, л. 43, 44.

чальника, но и против опоры земского начальника — волостной администрации, и отдельных, наиболее ненавистных, сельских старост.

Во время «беспорядков», бывших в селе Шерауты Муратовской волости, старшина этой волости Иван Семенов был в числе тех, кто помогал земскому начальнику вынудить крестьян принять новый закон, пытаясь арестовать их руководителя Архипа Никитина. Но едва старшина подошел к последнему, как толпа крестьян закричала: «не смей ходить, не дадим», а один из них — Тимофей Тихонов — замахнулся на старшину палкой.

Волнения крестьян Хомбусь-Батыревской волости сопровождались избиением ряда представителей местной администрации. Так был избит волостной старшина Илларион Васильев. Досталось и волостному писарю Андрею Мальцеву вместе с некоторыми сельскими старостами, поддерживавшими земского начальника. Формула «бей всех, кто у земского начальника» явилась выражением социального смысла развернувшегося движения. Крестьяне боролись не только против помещиков, пытавшихся восстановить свою власть над ними, но и против зажиточной части «своих» односельчан, чьи интересы были сходны с интересами помещиков.

Борьба с ненавистными представителями сословной крестьянской администрации являлась борьбой за независимость крестьянского самоуправления. Именно это явилось главным содержанием описываемого крестьянского движения.

Объясняя причины возмущения крестьян, земский начальник В. В Кашпиров писал: «Поводом к ослушанию крестьян послужили как видно ходившие между ними слухи о тягости для них нового закона»[1]. Об этом же говорится и в обвинительном акте. «Следствием по означенному делу установлено, что первоначальной причиной сопротивления были... слухи о том, что новый закон строг, что у крестьян отберут землю, и что их сделают «барскими»[2].

И действительно, крестьяне интуитивно понимали всю тяжесть закона, вводившего земских начальников,

---

[1] ГАУО, ф. 1, оп. 73, д. 15, л. 3.
[2] ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 91, д. 10920, л. 7.

понимали, что этот закон лишит их даже тех незначительных прав, какие им были предоставлены при «освобождении». Именно об этом говорили они во время возмущения. Так, крестьянский вожак Архип Никитин, выражая настроение крестьян, заявлял земскому начальнику: «Не хотим нового закона, хотим жить по-старому»[1]. Другой активный участник движения, крестьянин села Шерауты, бывший солдат Иван Федоров также призывал не принимать нового закона. «Новый закон принимать не следует... Землю у крестьян отнимут, жить им будет хуже»[2]. То же самое заявляли взбунтовавшиеся крестьяне 13 селений Хомбусь-Батыревской волости. «Приговоров давать не будем, а хотим жить по-старому. Мир не желает нового закона, т. к. крестьян будут сечь без суда и притом какой-то машиной, отберут от них землю»[3].

Требования крестьян, отражавшие их отрицательное отношение к новому закону, следует понимать двояко. С одной стороны, чутье подсказывало крестьянской массе, что новый закон ухудшит ее положение. Отсюда необходимость противодействия его осуществлению. Но даже в этом понимании крестьянами существа закона проглядывает другая сторона их требований — стихийность движения. Она выражалась формулой «Хотим жить по-старому».

Объективно же крестьяне выступали против возврата к старым, крепостническим порядкам, когда все зависело от помещичьего произвола, теперь заменявшегося произволом земского начальника. «Не хотим, чтобы крестьян вновь секли без суда, не хотим произвола, не хотим вновь стать барскими» — вот смысл крестьянского движения, развернувшегося в ответ на контрреформы.

* * *

Крестьянское движение, развернувшееся в Симбирской губернии среди бывших удельных крестьян, продемонстрировало известную организованность, начало понимания крестьянами необходимости более согласованных совместных действий в борьбе со своими врагами.

---

[1] ГАУО, ф. 1, оп. 73, д. 15, л. 110.
[2] Там же.
[3] Там же, ф. 713, оп. 1, д. 201, л. 5.

В обвинительном акте по делу о возмущении крестьян говорится: «судя по единодушию, с которым сходы отказались повиноваться земскому начальнику и выдать приговоры, нельзя сомневаться в том, что между ними было предварительное соглашение»[1] И действительно, объединенное, дружное выступление крестьян 25 сел было результатом связи, уговора между ними. «После отказа избрать кандидата в волостные судьи в селе Шараут, — читаем мы в обвинительном акте, — бывшие на том сходе запасный рядовой дер. Новой Муратовой Архип Егоров и Александр Гаврилов сообщили об этом в д. Старые Высли, а отсюда, по приказу общества, ездил с тою же целью в д. Чувашские Тимяши Хомбусь-Батыревской волости крестьянин Осип Федоров и что сельский староста этой деревни Иван Тихонов, в свою очередь, посылал крестьян Павла Егорова и Терентия Сергеева объявить о том же в дер. Русские Тимяши, где Егоров и Сергеев и передали это караульщику Алексею Тимофееву»[2]. Названные в обвинительном акте крестьяне на следствии подтвердили все сказанное. Кроме того, на следствии выяснилось, что из Шераут было сообщено об отказе крестьян этого и окрестных сел принять новый закон еще в три деревни, в Кубни Муратовской волости, а также в Нижне Бюртли-Шигали и Верхние Бюртли-Шигали Тархановской волости. Выявились и другие связи.

Все описанные события происходили в волостях Буинского уезда, подведомственных земскому начальнику 3-го участка В. В. Кашпирову. Поводом к ним послужило сообщение крестьянина Михаила Евграфова из деревни Шамкино, относившейся к 6-му участку Буинского уезда. Михаил Евграфов, сборщик овчин, проезжая утром 11 сентября через село Шерауты, где в это время собрался сход крестьян семи деревень, советовал «не принимать нового закона и приговоров не давать, так как закон не хорош и для крестьян строгий»[3].

Это, однако, не помешало крестьянам остаться на царистских позициях. Крестьяне направляли свой гнев против земских начальников и местной администрации,

---

[1] ГАУО, ф. 1, оп. 73, д. 15, л. 1107.
[2] ГАУО, ф. 713, оп. 1, д. 201, л. 5.
[3] ГАУО, ф. 1, оп. 73, д. 15, л. 111.

наивно думая, что они действуют по собственному произволу, что царь защитит крестьянство от его притеснителей. Царистский характер описываемого выступления крестьян нашел выражение в формуле «новый закон принимать не следует: он не от царя, а от бар»[1].

Царистские тенденции, проявившиеся в выступлении крестьян, свидетельствовали о слабости развития классового сознания крестьянства, о стихийности движения.

Таким образом, некоторый проблеск организованности крестьян не менял общего характера крестьянского движения, остававшегося в своей основе стихийным и царистским. Стихийный характер выступления ярче всего проявился в методах борьбы — в избиении наиболее ненавистных представителей администрации, в отказе выдвинуть кандидатов в волостные судьи и пр.

* * *

Царские власти всегда боялись слияния разрозненных выступлений крестьянства воедино. Поэтому они обрушивали против них все средства насилия. Жестокой расправой с наиболее активными участниками крестьянского движения власти стремились не допустить его расширения. В Петербурге, узнав о событиях в Симбирской губернии, очень встревожились, потребовав от губернских властей точной информации о происшедшем. 17 октября 1890 года департамент полиции требует от начальника Симбирского губернского жандармского управления объяснить «почему о беспорядках этих... не было тогда же доведено до сведения департамента»[2].

Расправляясь с начавшимся движением, царские власти предали окружному суду 25 человек наиболее активных участников выступления крестьян двух групп сел Муратовской волости. Суд рассматривал дело без участия присяжных заседателей.

Предварительное следствие по делу одного из «зачинщиков» крестьянского возмущения — Клементия Моисеева велось почти полтора месяца. Затем материалы следствия поступили в Симбирский окружной суд, рассмотревший их в своем заседании 5 мая 1891 года.

---

[1] ГАУО, ф. 1, оп. 73, л. 109.
[2] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 87, л 9.

К. Моисееву было отказано в просьбе вызвать в суд в качестве свидетелей 6 человек его односельчан. Приговоренный к одному году тюрьмы, Моисеев был посажен в симбирскую губернскую тюрьму, в которой и умер 6 января 1892 года в возрасте 40 лет.

Другие 20 человек были приговорены к тюремному заключению на срок от одного до восьми месяцев каждый. Среди осужденных имелись старики Иван Федотов — 68 лет, и Михаил Евграфов — 66 лет, попавшие вместе с Архипом Никитиным в число «зачинщиков».

4 человека этой группы подсудимых были оправданы.

Так расправились царские власти с крестьянами, «вина» которых состояла всего лишь «в неисполнении законных распоряжений власти»[1].

Активные участники выступления крестьян Хомбусь-Батыревской волости были преданы суду особого присутствия Казанской судебной палаты по обвинению «в сопротивлении властям»[2]. 26 человек из 49 судимых были приговорены к тюремному заключению на срок от 4-х месяцев до 1,5 года каждый. 24 крестьянина были оправданы, как ни старались власти «доказать» их «виновность».

* * *

Не будет преувеличением, если сказать, что крестьянское движение было постоянным явлением и феодальной и капиталистической России. На протяжении веков в ней велась «малая война», специфические черты которой определялись социально-экономическими процессами, происходившими в стране.

В период от отмены крепостного права и до конца XIX столетия крестьяне боролись против пережитков крепостничества и новой, капиталистической эксплуатации. Составным элементом крестьянской борьбы этого периода было крестьянское движение в ответ на контрреформы.

---

[1] ГАУО, ф. 1, оп. 73, д. 15, л. 355.

[2] Там же, ф. 713, оп. 1, д. 201, л. 5.

М. А. БОГДАНОВ.

СТРАНИЦА БОРЬБЫ ЗА УПРОЧЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА АЛТАЕ

Настоящая статья посвящена совершенно не изученному и пока не освещенному в нашей исторической и историко-партийной литературе вопросу о разгроме кулацко-эсеровского мятежа на Алтае в начале 1921 года. Мятеж являлся одним из звеньев кулацко-эсеровской контрреволюции в период перехода Советской страны от гражданской войны к мирному строительству.

Основной социальной базой внутренней контрреволюции в Сибири являлось кулачество, экономически более сильное, чем в центральных районах России, офицерская верхушка бывшего сибирского казачьего войска, а также многочисленные кадры бывшего колчаковского офицерства. Все они отнюдь не смирились с победой трудящихся над белогвардейцами и интервентами и выжидали удобного случая для возобновления вооруженной борьбы против Советской власти.

Весной 1920 года усилиями партии эсеров в Сибири была создана широко разветвленная контрреволюционная организация — «Сибирский крестьянский союз», — ставившая своей целью собирание контрреволюционных сил для вооруженного свержения Советской власти, созыва Учредительного собрания Сибири и создания правительства антикоммунистических партий. Почти во всех губерниях Сибири были созданы губернские, уездные и волостные комитеты «союза», по деревням и селам создавались низовые ячейки этой организации — тройки, пятерки, десятки.

В Барнауле в губернский комитет «союза» входили

Самохвалов, Кокорин и Тамаркина[1]. Один из организаторов «Сибирского крестьянского союза» Игнатьев во время поездки по Алтаю в качестве представителя Сибирского кредитного союза создал здесь до 400 комитетов и ячеек «союза» и снабдил их необходимыми инструкциями по подготовке вооруженного выступления[2]. На Алтае контрреволюция имела значительные кадры в лице не изолированных, скрывавшихся в тайге активных участников антисоветских мятежей лета 1920 года. Наибольшую активность проявляла банда Новоселова, сподвижника авантюриста Рогова, поднявшего в мае 1920 года мятеж против Советской власти. Лидеры «Сибирского крестьянского союза» ориентировались на подобного рода элементы и рассчитывали использовать их в первую очередь в подготовлявшейся антисоветской авантюре.

Пользуясь слабостью советского аппарата и местных организаций РКП(б), эсеры проникали в сельские и волостные Советы, кооперацию, органы народного образования и связи и вели подрывную работу.

Подготавливая вооруженное выступление против Советской власти, эсеры и их детище — «Сибирский крестьянский союз» — надеялись привлечь на свою сторону среднее крестьянство, выражавшее недовольство продразверсткой, перегибами и злоупотреблениями при ее проведении со стороны отдельных продработников, а также отсутствием промышленных товаров как хозяйственного, так и личного потребления.

«Сибирский крестьянский союз» предполагал поднять мятеж в начале февраля 1921 года во всех губерниях Западной Сибири, отрезать Сибирь от центральной России, прекратить доставку сибирского хлеба в центр страны, вызвать дальнейшее обострение продовольственных затруднений там и, тем самым, способствовать повсеместной активизации контрреволюционных сил.

Мятеж начался в ночь на 18 января 1921 года. Скрывавшийся до сих пор в тайге отряд Новоселова в эту ночь отдельными группами совершил налет на населенные пункты в районе сс. Хмелевка—Сорокино—Новокопылово. Это послужило сигналом к выступлению мест-

[1] Смирнов Д., М. И. Ворожцов (Анатолий). Барнаул, 1959, стр. 59.

[2] «Сибирские огни», № 2, 1922, стр. 126.

ного кулачества. Находившиеся в этом районе некоторые части 26-го кавалерийского полка 26-й стрелковой дивизии были застигнуты врасплох и разоружены[1]. Мятеж быстро распространился на соседние волости. В с. Сорокино был создан так называемый «Трудовой штаб крестьянской армии» в составе 8 человек (Новоселов, Леонов, Виноградов, бывший колчаковский офицер Астафьев и другие).

Для привлечения на свою сторону середняка мятежники выдвинули лозунги «Советы без коммунистов», «Долой продразверстку». Под влиянием кулацко-эсеровской агитации часть среднего крестьянства примкнула к мятежникам и оказывала им содействие. Была проведена мобилизация мужского населения, в результате мятежникам удалось поставить под ружье до 5000 человек[2].

Основные силы мятежников делились на три группировки. Одна занимала район с. Сорокино, другая — Пещерка, Залесово, Шатуново, третья — район Дмитро—Титово—Ларионово—Погорелка. Было создано несколько полков. Часть мятежников (до одной трети) была вооружена винтовками, остальные пиками и вилами[3]. Между районами мятежа поддерживалась постоянная связь. Общее оперативное руководство осуществлялось сорокинским штабом. В планы мятежников входило овладение железнодорожной линией Барнаул—Бийск.

Бандиты громили советские учреждения, расхищали продовольственные склады. Начался дикий, необузданный террор против коммунистов, работников советского аппарата и продовольственных органов, комсомольцев и беспартийных активистов. Так, в с. Аристово Залесовской волости бандиты провели облаву, схватили 16 человек, среди них четырех красноармейцев тотчас же убили. Остальных посадили в холодный амбар, подвергли зверским истязаниям, а затем по одному выводили за село на гору и расстреливали[4]. В с. Ново-Копылово был схвачен военком Чумышского волостного военкомата Черепенов И. В., возвращавшийся с губернской партийной

---

[1] ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 91, л. 98.

[2] «Красная Армия Сибири», № 3—4, 1923, стр. 88.

[3] ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 91, лл. 54—55.

[4] Смирнов Д., М. И. Ворожцов (Анатолий), Барнаул, 1959, стр. 67.

конференции из г. Барнаула. Его постигла та же участь[1]. В с. Средне-Красилово бандиты схватили несколько комсомольцев, в том числе председателя местной ячейки Гилева. Арестованных привели в штаб и всячески над ними глумились. Гилева под гиканье и улюлюканье пьяной толпы заставили мыть пол, награждая пинками и подзатыльниками. Всех арестованных ожидала зверская расправа. Их спас отряд красной конной разведки, неожиданно ворвавшийся в село[2].

Опасность мятежа на Алтае состояла в том, что он по замыслу его организаторов являлся сигналом к антисоветскому выступлению в рамках Западной Сибири. С началом мятежа на Алтае вновь оживились контрреволюционные элементы в соседнем Бухтарминском крае. В конце января — начале февраля начался мятеж в Ишимско-Петропавловском районе, быстро распространившийся на огромную территорию от Обской губы до Акмолинска и Атбасара. Промедление с ликвидацией мятежа могло повлечь за собой опасные последствия.

Перед губернской партийной организацией и советскими органами встала задача мобилизации и организации сил для ликвидации кулацко-эсеровского мятежа. Вновь, как и летом 1920 г., был создан орган чрезвычайной власти — чрезвычайная пятерка, реорганизованная затем в чрезвычайную тройку в составе председателя губисполкома Пахомова, председателя губЧК Щербака и командира 26-й стрелковой дивизии Гайлита[3]. При ней был создан военный совет в составе председателя Решетникова и членов Ворожцова (Анатолия), Вахрушева, Баврина и командующего группой войск Терегулова (командир 76-й бригады 26-й стрелковой дивизии). На военный совет возлагалась задача военно-оперативного руководства ликвидацией мятежа[4].

На местах как в селах, прилегающих к району мятежа, так и в селах, освобождаемых от мятежников, создавались революционные комитеты, которые брали на себя охрану революционного порядка и проведение в жизнь распоряжений вышестоящих органов.

---

[1] «Красный Алтай», 1 марта 1921.
[2] «Красный Алтай», 12 марта 1921.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13. д. 8, л. 20.
[4] ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 91, л. 55.

В район мятежа была направлена группа уполномоченных чрезвычайной пятерки, которые должны были изучить положение на местах, принять меры к предотвращению распространения мятежа, мобилизовать в селах силы для отпора мятежникам. Уездным и волостным комитетам РКП(б) было указано на недопустимость самовольных, без ведома следственных и судебных органов арестов местными партийными ячейками в деревнях лиц, подозреваемых в контрреволюции[1].

Президиум Алтайского губкома РКП(б) постановил провести мобилизацию в коммунистические отряды членов партийных ячеек в районе мятежа. В соответствии с приказом командующего коммунистическими войсками Алтайской губернии Родионова Л. Т. сюда были переброшены коммунистические отряды из Маслянино, Талменки, Овчинниково. Общая численность их вместе с отрядами Сорокинской волости составляла 600 штыков и сабель при нескольких пулеметах (8 отдельных кавзводов и 3 пехотных роты)[2]. Путем мобилизации, проведенной в партийных организациях, уже в первые дни мятежа общая численность бойцов в коммунистических отрядах губернии достигала 1500 человек, а вскоре коммунистические части были доведены до двух пехотных полков и одного кавалерийского дивизиона[3]. Коммунистические отряды, действуя бок о бок с частями Красной Армии, сыграли важнейшую роль в разгроме кулацко-эсеровского мятежа.

Был также сформирован специальный конный отряд милиционеров для ликвидации отдельных бандитских шаек в тылу частей Красной Армии и коммунистических отрядов.

Приказом помглавкома по Сибири В. И. Шорина на подавление мятежа были брошены 232-й полк из района с. Яминского, сводный отряд в составе роты 228-го полка и эскадрона 87-й бригады ВОХР численностью в 200 конников и 75 пехотинцев при нескольких пулеметах под командой М. И. Ворожцова (Анатолия) из рай-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 8, л. 10.

[2] Абраменко И. А. Боевые действия коммунистических отрядов — Частей Особого Назначения в Западной Сибири (1920—1923 гг.), «Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства», вып. IV, Томск, 1965, стр. 84.

[3] Там же.

она Барнаула[1]. Против мятежников действовали также вышедшие из района мятежа уцелевшие части 26-го кавполка, при этом 2-й эскадрон полка присоединился к частям 232-го полка, 1-й эскадрон с командой связи во главе с командиром полка Бойковым вышли в район с. Средне-Красилово, где 19 января соединились с отрядом из местных коммунистических ячеек, созданным уполномоченным губернской чрезвычайной пятерки Бавриным[2]. Объединенный отряд, командование которым было передано Шаркову (заместителю командира 26-го кавполка), вечером 19 января перешел в наступление против мятежников, занимавших д. Смирново (15 км западнее с. Сорокино). После боя, длившегося два с половиной часа, отряд занял деревню. В этом бою особенно отличился командир взвода коммунистического отряда Хивинцев Алексей. Он со своим взводом, сняв посты противника, первым ворвался в деревню, вызвав невероятную панику среди бандитов[3]. Мятежники, потеряв в этом бою 80 человек убитыми и 20 лошадей, бежали в направлении на с. Сорокино[4].

Сводным отрядом М. И. Ворожцова (Анатолия) 22 января была занята д. Ново-Копылова[5]. Таким образом, мощным натиском обоих сводных отрядов продвижение мятежников в направлении Барнаула было задержано, и они были отброшены к с. Сорокино.

С целью дальнейшей локализации мятежа и недопущения распространения его на север и северо-запад начдивом 26-й стрелковой дивизии Гайлитом Я. П. был поставлен перед штабом помглавкома по Сибири вопрос о создании в районе ст. Черепаново надежного заслона[6]. Из г. Колывани Новониколаевского уезда в срочном порядке на ст. Черепаново был переброшен батальон 256-го полка (до Новониколаевска на подводах, а оттуда по железной дороге) в составе двух рот, пулеметной команды, учебной школы, команд пеших и конных разведчиков, связи, медицинской и хозяйственной службами во главе

[1] ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 91, л. 1.
[2] Там же, л. 4.
[3] ЦГАСА, ф. 58, оп. 1, д. 374, л. 11.
[4] ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 91, л. 4.
[5] Там же, л. 19.
[6] Там же, л. 6.

с командиром полка Кусенером. Общая численность бойцов в батальоне составляла 550 человек при 5 пулеметах и 73 лошадях[1].

259-й полк 29-й стрелковой дивизии был выведен из г. Барнаула и размещен частью в окрестных населенных пунктах, частью вдоль Алтайской железной дороги с целью охраны ее[2]. С востока, из Кузнецкого района, в район мятежа был выдвинут отряд 308-го полка 35-й стрелковой дивизии в составе батальона, пулеметной команды, полковой пешей и конной разведки во главе с командиром полка Петровским. Отряд из района рудника Салаир, где он был занят на строительстве Кольчугинской железнодорожной ветки, должен был выйти к д. Хмелевка и, выбив из нее мятежников, занять этот район, оставаясь здесь в качестве заслона по тракту на Кузнецк и в тайгу, чтобы воспрепятствовать возможному прорыву мятежников в северо-восточном и восточном направлениях. Для прикрытия тракта Кузнецк—Тогул был сосредоточен в районе Кузнецка сводный отряд из частей 103-й бригады 35-й стрелковой дивизии[3].

Кроме того, по распоряжению штаба войск внутренней службы Сибири были созданы и приведены в боевую готовность подвижные резервы в Новониколаевске, Барнауле, Бийске и Кузнецке из частей 185-го и 186-го полков 21-й дивизии ВНУС. На части 260-го и 249-го полков 29-й стрелковой дивизии была возложена задача усиленной охраны участка Алтайской железной дороги от ст. Черепаново до Бийска и ст. Алейской. Бронепоезду № 86, находившемуся в Боготоле (Енисейская губерния), было приказано находиться в боевой готовности к выступлению в район мятежа[4]. В состояние боевой готовности были приведены 4-е сибирские пехотные курсы в Барнауле[5]. Командование войсками, оперировавшими против мятежников, было возложено на командира 76-й бригады 26-й стрелковой дивизии Терегулова.

Между тем, 23 января сводным отрядом М. И. Ворожцова (Анатолия) мятежники были выбиты из д. Ми-

---

[1] ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 91, лл. 18, 22—23.
[2] Там же, лл. 30—31
[3] Там же, лл. 45—47, а также, ф. 185, оп. 3, д. 869, л. 205.
[4] Там же, л. 40.
[5] Там же, л. 71.

ронская. Продолжая наступление, отряд ранним утром 24 января стремительно ворвался в с. Сорокино. В боях за д. Миронская и с. Сорокино мятежники потеряли до 400 чел. убитыми и до 350 человек пленными. В с. Сорокино была захвачена канцелярия главного штаба мятежников[1].

Одновременно с северо-востока, из д. Мунгай на д. Хмелевку вел наступление отряд 308-го полка под командой Петровского. В Хмелевке сосредотачивался полк мятежников под командой Городилова. 22 января в д. Мунгай в штаб отряда Петровского явились делегаты Новоселова с предложением отряду сложить оружие. Арестовав делегатов, Петровский двинулся с отрядом на Хмелевку и после ожесточенного боя занял ее, но в силу того, что мятежники начали окружать деревню и пытались выйти в тыл отряду, последний вынужден был отойти на исходные позиции в д. Мунгай. Рано утром 23 января отряд Петровского, возобновив наступление, выбил мятежников из Хмелевки и, продолжая преследование в направлении на с. Сорокино, вошел в соприкосновение с частями 26-й дивизии, наступавшими с запада. В этих боях отрядом Петровского было освобождено до 250 красноармейцев 26-го кавполка, захваченных ранее мятежниками[2].

Выбитые из Миронской, Сорокино и Хмелевки главные силы мятежников отошли вверх по р. Чумыш, в направлении на с. Дмитро-Титово. Часть их бежала на север, к с. Залесово. В районе Дмитро-Титово—Ларионова—Зубоскалово—Погорелка общая численность банд Новоселова-Леонова достигала 2 тыс. человек, объединенных в три полка[3]. Они оказывали упорное сопротивление частям 232-го полка и эскадрону 26-го кавполка. 23 января два батальона 232-го полка, выдвинувшиеся в район с. Дмитро-Титово, были окружены численно превосходящими силами мятежников. В течение нескольких часов красноармейцы отбивали яростные атаки противника. Кольцо окружения продолжало сжиматься. На исходе были патроны. Положение сложилось довольно критическое. Глубокой ночью на поддержку окруженным по-

---

[1] ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 91, лл. 43—43.
[2] ЦГАСА, ф. 185, оп. 3, д. 869, л. 205.
[3] ЦГАСА, ф. 42, оп. 1, д. 1259, л. 15.

дошел 3-й батальон вместе с учебной школой полка. Стремительной атакой кольцо было прорвано, части 232-го полка, соединившись, вышли из-под удара[1].

Вечером 26 января мятежники развернули наступление из деревень Дмитро-Титово, Погорелка и Кяхта на занимаемые 232-м полком деревни Оплеухино и Петушиха (на р. Чумыш). Бой продолжался всю ночь. Противник неоднократно предпринимал яростные атаки, пытаясь выбить красноармейцев с занимаемых позиций. Понеся большие потери, мятежники отошли на исходные рубежи[2].

Бок о бок с частями 232-го полка сражался против мятежников коммунистический отряд под командой Светлякова. Светляков — активный участник борьбы с авантюрой Рогова, с первых дней кулацко-эсеровского мятежа в январе 1921 года с отрядом в 65 человек героически сражался против мятежников. Находясь в селе Овчинниково, отряд Светлякова, отразил наступление крупной банды, двигавшейся от с. Сорокино к ст. Большая Речка с целью овладения железнодорожной линией Барнаул — Бийск. Преследуя отходящую по направлению к с. Сорокино банду, отряд соединился с частями 232-го полка и совместно с ними оперировал против мятежников[3].

Части 232-го полка (без двух рот, находившихся на лесозаготовках) с эскадроном 26-го кавполка были серьезно измотаны в многодневных боях с численно превосходящими силами противника. Остро сказывался недостаток продовольствия и фуража. Изношенные шинели и такая же обувь далеко не соответствовали сибирским погодным условиям этого времени года. Все это затрудняло нанесение решительного удара по главной группировке мятежников.

С целью нанесения концентрированного удара по главной группировке мятежников сводному отряду М. И. Ворожцова (Анатолия) по занятии им с. Сорокино была поставлена задача, наступая вверх по р. Чумыш, ударить по дмитро-титовской группировке с севера.

---

[1] ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 91, лл. 45—46.

[2] ЦГАСА, ф. 7, оп. 2, д. 592, л. 39.

[3] ЦГАСА, ф. 58, оп. 1, д. 374, л. 11.

27 января в с. Дмитро-Титово разгорелся ожесточенный бой. Мятежники, теснимые с севера и юга, упорно оборонялись. Понеся большие потери убитыми и до 1000 чел. пленными, Новоселов с остатками разгромленной и вконец деморализованной банды бежал по направлению к д. Жуланиха. В с. Дмитро-Титово был захвачен штаб банды со всей документацией[1].

Натолкнувшись в районе Жуланихи на мощный заслон в лице батальона 308-го полка и подоспевшего в этот район сводного отряда М. И. Ворожцова, Новоселов повернул на юг, в сторону г. Бийска.

С целью предотвращения захвата г. Бийска бандой Новоселова, в соответствии с приказом помглавкома по Сибири В. И. Шорина были приняты экстренные меры по усилению охраны города. Из частей 186-го полка ВНУС был создан и приведен в боевую готовность подвижной резерв в составе полной стрелковой роты, команды конных и пеших разведчиков и полуэскадрона. На усиление войск Бийского гарнизона на подводах из окрестных сел в город был переброшен батальон 234-го полка, находившийся здесь на лесозаготовках. Была усилена караульная служба и разведка[2].

Между тем банда Новоселова, преследуемая частями 232-го полка, сводного отряда М. И. Ворожцова, эскадрона 26-го кавполка и коммунистического отряда Светлякова, через Семено-Красилово, Сосновый Лог, Хомутино вышла в район Порошино—Горновое. Пути дальнейшего продвижения в сторону Бийска были преграждены частями Бийского гарнизона. С севера по пятам двигались преследующие части. Банда представляла собою стаю затравленных волков. Дни ее были сочтены.

Таким образом, к концу января от т. н. «крестьянской армии» остались лишь жалкие остатки. Банда Новоселова доживала последние дни. Такая же участь ожидала и две другие оставшиеся группировки. Одна из них под командой Виноградова находилась в районе Хмелевки, другая в районе сел Залесово, Борисово, Пещерка, Обухово (севернее с. Сорокино). Первой была ликвидирована северная группа, численность кото-

---

[1] «Красная Армия Сибири», № 3—4, 1923, стр. 88.
[2] ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 91, лл. 69, 73.

рой достигала 2000 человек[1]. На этом участке против мятежников действовал сводный батальон 256-го полка и коммунистические отряды под командой Соболева, Огнева, Росинского.

Сводный батальон 256-го полка, выгрузившись 25 января на станции Черепаново, двинулся на подводах, мобилизованных в окрестных селах, в район мятежа по маршруту Листвянка—Верхняя Бобровка—Талица. 26 января батальоном после шестичасового боя была занята д. Талица. В тот же день коммунистические отряды со стороны Сорокино начали наступление на с. Залесово. Мятежники возвели вокруг села сложную систему фортификационных сооружений: баррикады засыпанные политым водой снегом, засеки и лесные завалы на дорогах, опутанные веревками бороны на мостах, на подступах к улицам — завалы из спиленных деревьев с заостренными сучьями. Сооружением укреплений руководил местный учитель, бывший колчаковский офицер Шуляка. Первая попытка коммунистических отрядов ворваться в село окончилась неудачей. Пришлось произвести тщательную разведку, найти слабые места в обороне противника. 27 января мятежники были выбиты из села. Потеряв 143 человека, они частью отступили на дд. Пещерка и Борисово, частью разбежались по домам[2].

После освобождения с. Залесово коммунистические отряды, действовавшие в этом районе, были сведены в один отряд под командой Соболева, который совместно со сводным батальоном 256-го полка развернул наступление на дд. Пещерка, Борисово, Обухово. Решающее сражение с основными силами мятежников этого района, уцелевшими до сих пор от разгрома, произошло в д. Каменка. Противник был разгромлен наголову, понеся большие потери убитыми и до 100 человек пленными[3]. 31 января батальоном 256-го полка и сводным коммунистическим были заняты деревни Борисово, Пещерка и Бобровка[4]. Жалкие остатки разгромленных банд разбежались по домам,

---

[1] ЦГАСА, ф. 42, оп. 1, д. 1259, л. 19.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 5, л. 60.
[3] ЦГАСА, ф. 7, оп. 2, д. 744, л. 252.
[4] ЦГАСА, ф. 7, оп. 2, д. 592, л. 50.

частью по окрестным лесам. Так прекратила свое существование северная группа т. н. «крестьянской армии».

29—31 января ротой 308-го и полуротой 303-го полков 35-й стрелковой дивизии в районе дд. Каменская—Тягуново была разбита вторая группа под командой Виноградова, потерявшая большое число убитыми и до 50 человек пленными[1].

Наконец, в ночь на 31 января частями 1-го батальона 232-го полка и сводного отряда в составе частей 228-го полка и эскадрона 87-й бригады после двухчасового боя в с. Горновое было сломлено сопротивление третьей и главной группы мятежников во главе с Новоселовым. Были заняты сс. Горновое и Еланда. Остатки банд Новоселова поспешно ушли в северо-восточном направлении. 1 февраля они были настигнуты у д. Гилево и вновь изрядно потрепаны. Часть мятежников разошлась по домам, остальные же, разбившись на три группы, ушли: одна во главе с самим Новоселовым (до 60 человек)—на д. Чудотвориху, другая (до 200 чел.) — на д. Погорелка, третья (до 200 чел.) — на Сунгай. Вскоре эти группы, неотступно преследуемые частями Красной Армии и коммунистическими отрядами, частью разошлись по домам, частью рассеялись по лесам[2]. Новоселову удалось скрыться. Летом и осенью 1921 года он пытался оживить политический бандитизм на Алтае. Однако придать массового характера движению ему не удалось. Он примкнул к банде Соловьева и в декабре 1921 г. был убит[3].

Так был разгромлен кулацко-эсеровский мятеж на Алтае в начале 1921 года. Очередная ставка врагов Советской власти на непрочность союза рабочего класса и крестьянства оказалась битой. Решения X съезда партии о замене продразверстки продналогом, о переходе от политики военного коммунизма к новой экономической политике обеспечили надежную экономическую основу преодоления колебаний среднего крестьянства, дальнейшего упрочения союза обоих трудящихся классов—жизненной основы Советской власти.

---

[1] ЦГАСА, ф. 42, оп. 1, д. 1259, лл. 22, 25, 30.
[2] ЦГАСА, ф. 7, оп. 2, д. 744, л. 252.
[3] Смирнов Д., М. И. Ворожцов (Анатолий), стр. 67.

Е. И. ЛЯГУШЕВ

МЕРОПРИЯТИЯ СИМБИРСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПО БОРЬБЕ С ГОЛОДОМ (1921—1922 гг.)

Частичная засуха 1920 года и неурожай 1921 года на Юго-Востоке Европейской части Советской страны вызвали огромное народное бедствие и серьезные продовольственные и сырьевые трудности во всей республике.

Засуха 1921 года совершенно уничтожила посевы и травы в Самарской, Симбирской, Уральской, Астраханской, Царицынской губерниях, Чувашской области, частях Вятской, Пензенской, Оренбургской и других губерний Юго-Восточной части Советской Республики. Общая площадь, охваченных неурожаем местностей доходила до 30 млн. десятин (или $^1/_4$ часть всей посевной площади европейской России) с населением в 20 млн. человек[1].

В благоприятные годы вышеперечисленные губернии не только кормили свое население, но и давали хлебный излишек в 50—60 млн. пудов[2].

В 1921 году этот большой район из производящего превратился в потребляющий.

Неурожайные годы были обычным явлением в царской России. Во 2-й половине XIX и начале XX века примерно на каждые 4 урожайных года приходилось 7 лет неурожайных. Голодными годами были 1891 (25 губер-

---

[1] УОПА (Ульяновский областной партийный архив), ф. 1, оп. 1. ед. хр. 620, л. 10.

[2] Там же, л. 10.

ний), 1898 (19 губерний). Неурожаи 1901, 1907, 1911 гг. имели меньшие размеры[1].

Характерно, что неурожаи, главным образом, захватывали крестьянские хозяйства. Земли же помещиков меньше подвергались засухам и другим атмосферным и климатическим влияниям. Причина такой чувствительности крестьянских хозяйств заключалась в их низком уровне и отсталости, в рутинной технике, в примитивных формах севооборота, в большой истощенности почвы, недостаточном удобрении, низком качестве семян, отсутствии мелиорации.

Низкие урожаи и малоземелье заставляли крестьян прибегать к аренде земли, что ставило их в двойную зависимость от казны и помещиков. Это, в свою очередь, ухудшило положение крестьянского хозяйства и ускоряло его разорение.

Отсталость сельского хозяйства особенно ясна при сравнении урожая России с урожаем других государств[2].

(в млн. пудов)

Годы	Мировое производство хлеба	В России	В США
1851—60	8839	1980	1648
1874—84	12000	2277	3627
1905	15030	3240	5562

Из приведенных данных видно, что в середине прошлого столетия Россия производила хлеба на 332 млн. пудов больше, чем США, а в 1905 году отставала в производстве зерна от США почти в 2 раза. Средний урожай пшеницы с десятины в 1905 году в России был на 24 пуда меньше по сравнению с Соединенными Штатами Америки[3].

В. И. Ленин, характеризуя хищнические методы ведения сельского хозяйства, отмечал, что полукрепостническое помещичье хозяйство истощало землю и чудовищно жестоко эксплуатировало крестьян. Хищническая эксплу-

---

[1] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 626, л. 14.
[2] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 701, л. 1.
[3] Там же, л. 1.

атация земли и самодержавный строй имели прямую связь с голодовками.

Экономический крах, грозивший России полным развалом народного хозяйства, начался уже с первых дней мировой империалистической войны 1914—1918 гг. Отсталость аграрных отношений тесно переплеталась с загниванием и паразитизмом русского капитализма. В статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» В. И. Ленин подчеркивал, что страшный упадок промышленности являлся результатом классовой политики буржуазии, впервые пробравшейся к государственной власти. Российская буржуазия, в борьбе с надвигающейся пролетарской революцией, хищнически уничтожала производительные силы страны, вызвала голод, нищету трудящихся масс.

VI съезд большевистской партии, состоявшийся летом 1917 года, дал характеристику экономического положения России следующим образом: «Полное истощение в сфере производительного труда и дезорганизация производства, всемерное расстройство и распад транспортной сети, близкое к окончательному краху состояние государственных финансов и, как последствия всего этого, доходящий до голода продовольственный кризис, абсолютная нехватка топлива и средств производства вообще, прогрессирующая безработица, громадное обнищание масс и т. д. Страна уже падает в бездну окончательного экономического распада и гибели»[1].

В. И. Ленин неоднократно указывал, что только революционный рабочий контроль над производством, только социалистическая революция могли спасти страну от небывалого хозяйственного краха.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества — эру крушения капитализма и торжества коммунизма, уничтожила власть эксплуататоров и установила в России диктатуру пролетариата. Трудящиеся массы встали у власти в стране с полуразрушенной промышленностью, транспортом, с примитивным ведением сельского хозяйства. Под руководством Коммунистической партии и первого в мире пролетарского государства советский на-

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК, ч. 1, М., 1953, стр. 377.

род приступил к восстановлению и налаживанию экономики страны. Однако кратковременная передышка была сорвана начавшейся иностранной военной интервенцией и гражданской войной. В ходе жестоких боев Красной Армии с иностранными и белогвардейскими войсками, народное хозяйство Советской республики пришло в полный упадок. В. И. Ленин сравнивал советскую страну этого периода с человеком, избитым до полусмерти.

Известно, что в годы иностранной интервенции и гражданской войны Коммунистическая партия и Советское правительство вынуждены были организовать оборону страны, проводить политику «военного коммунизма». В результате продовольственной разверстки крестьяне сильно сократили посевную площадь. Это также не давало возможности молодому Советскому государству в кратчайшие сроки восстановить промышленность и снабдить крестьянство необходимым сельскохозяйственным инвентарем.

Таким образом, отсталость сельского хозяйства Советской Республики не являлась результатом нашей экономики, как это пытались утверждать внешние и внутренние враги народа, а была подготовлена всем прежним историческим развитием сельского хозяйства[1].

Таковы были основные причины голода в 1921 году.

Тяжело переживало голод население Симбирской губернии. С ранней весны установилась жаркая с юго-восточными ветрами-суховеями погода, которая быстро иссушила почву и пагубно повлияла на развитие озимых и яровых культур.

В адрес Симбирского губкома и губисполкома с мест шли тревожные вести о катастрофическом состоянии посевов. Серьезные опасения за урожай выражала губернская газета «Заря» 26 мая 1921 года: «В селе Ивановке, Ртищево, Каменской волости Симбирского уезда вследствие бездождья озимый клин внушает серьезные опасения о неурожае. Озимые начинают подсыхать. Яровые всходы были удовлетворительны, но теперь тоже начинают подсыхать».

Губком партии, не упуская сроков сева, дал указание на досев ярового клина. Согласно постановлению губис-

---

[1] А. Н. Коган. Система мероприятий партии и правительства по борьбе с голодом в Поволжье. 1921—1922 гг.

полкома дополнительно были выделены семена в количестве 15 тыс. пудов[1]. Но, несмотря на принятые срочные меры, было установлено, что к 20 мая по всей губернии незасеянных яровых полей оказалось: на крестьянских наделах 27,5%, в колхозах Сызранского уезда 20%. В совхозах из 3750 десятин было засеяно 3 тыс. дес. земли[2]. Площадь ярового клина в 1921 году сократилась на 26% по сравнению с 1920 годом[3]. Из 728,3 тыс. десятин посевной площади в 1921 году было засеяно всего лишь 360 тыс. десятин[4].

Главная причина недосева ярового клина состояла в нехватке рабочей силы, отсутствии потребного количества семян, в изнуренности и недостаточном количестве лошадей.

Симбирский губком, предвидя экономические трудности, в письме к укомам предупреждал, что «...наличие запасов составляет 1/3 необходимого максимального фондопотребления по губернии до нового урожая и в ближайшие месяцы Симбирская губерния почти обречена на голодовку... Общее положение Республики обязывает нас растянуть имеющийся потребительский фонд до нового урожая»[5].

Из урожая 1920 года по продразверстке было заготовлено 6 млн. 460 тыс. пудов хлеба. Из них к июлю 1921 года было израсходовано 6 млн. 117 тыс. пудов. Для продовольственных нужд населения оставалось 343 тыс. пудов хлеба[6]. Казалось, что этого хлеба по урезанной норме должно хватить до нового урожая. Однако действия кулаков и отсталых крестьян, направленные на хищение хлеба из общественных амбаров, сильно сократили продовольственные запасы. В результате бандитских действий было разворовано 150 тыс. пудов хлеба[7].

Перед лицом голода оказались тысячи трудящихся города и деревни; без корма оставался скот. Осенью 1921 года в губернии насчитывалось до полумиллиона

---

[1] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 514, л. 51.
[2] Там же.
[3] УОПА, ф. 7, ед. хр. 6, л. 39, 40.
[4] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 701, л. 30.
[5] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 514, л. 21.
[6] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 539. л. 31, 32.
[7] Там же.

человек голодающих. С приближением весны продовольственное положение значительно ухудшилось. На 1 июня 1922 года число остро нуждающихся в питании возросло почти до 1,5 млн. человек, из них 772 093 человека взрослых и 636 283 детей до 17 лет, что составляло 89 процентов всего сельского населения Симбирской губернии[1]. Самое большое количество голодающих приходилось на Симбирский уезд — 207 246 человек, или 15 процентов от общего количества всех голодных в губернии[2].

Запасов продовольствия почти не было. Уже с осени 1921 года начались мытарства крестьян в поездках за хлебом, уход из деревень в другие места. Люди ели желуди, лебеду, конский щавель, липовый лист и т. д. Прогнившая солома с крыш шла на прокорм скота. Население продавало дома, скот, инвентарь, который по самым низким ценам скупался кулаками. Лошадь или корова на рынке стоили 2—3 пуда муки[3]. Стоимость важнейших продуктов питания возросла более чем в 100 раз. Особенно резкое повышение цен наблюдалось в январе, марте и апреле 1922 года[4].

На почве голода распространялись эпидемические заболевания, возрастала смертность детей и взрослых.

На симбирских железнодорожном и водном вокзалах ежедневно подбирали по 30—40 человек погибающих от голода и болезней детей и взрослых. В 1922 году только от тифа и эпидемического поноса умерли 11 026 человек, а всего по губернии смертность составила 70 человек на каждую тысячу населения[5].

Голод вызвал остановку ряда предприятий, прекратились восстановительные работы в промышленности и на транспорте. В связи с этим возрастала безработица, резко сократилась покупательная способность трудящихся.

Внешние и внутренние враги молодого Советского государства пытались использовать трудности голода в своих интересах. Снова подняла голову русская эмиг-

---

[1] УОГА, (Ульяновский областной государственный архив), ф. Р-101, оп. 1, ед. хр. 337, л. 35.

[2] Там же.

[3] УОПА, ф. 7, ед. хр. 65, л. 39—40.

[4] УОГА, ф. Р-101, оп. 1, ед. хр. 337, л. 45.

[5] Я. Е. Шостак. Урожай и эпидемии в Ульяновской губернии за 1890—1927 гг., Ульяновск, 1928, стр. 9.

рантская и иностранная буржуазия. Во Франции и США строились коварные замыслы против Советской Республики.

Агрессивные намерения американской буржуазии выразил министр торговли США и руководитель АРА[1] Г. Гувер: «Сказать по правде, цель моей жизни состоит в том, чтобы уничтожить Советский Союз!».

«Буржуазные правительства, — как отмечал IX Всероссийский съезд Советов, — стремились при оказании помощи голодающим России навязать ей условия, равносильные ограничению ее суверенных прав, несовместимые с требованиями ее внешней безопасности».

Архивные документы убедительно доказывают, что США в помощи голодающим усматривали свои цели, направленные на подрыв и ликвидацию Советской власти, как это было в Венгрии в 1919 году.

В отчетном докладе на XIII губпартконференции, проходившей в мае 1924 года, подчеркивалось, что АРА, наряду с оказанием помощи голодающим, занималась поддержкой контрреволюции, на проведение которой «американское правительство затратило несколько миллионов рублей золотом»[2]. Поэтому не случайно в комитеты АРА принимались контрреволюционные элементы. В ряде случаев из АРА удалялись неугодные ей советские люди. В докладе на экстренной губернской конференции РКП(б) 6—7 марта 1922 года подчеркивалось, что в Сызранском комитете АРА нет русского представительства, а Конференция предупреждала партячейки, органы Советской власти и всех членов РКП(б), что к работе АРА необходимо относиться осторожно, проявляя бдительность. Отвод из АРА представителей по непригодности проводить официально через исполком или губисполком[3].

С дальнейшим пребыванием организаций АРА на территории Симбирской губернии участились случаи грубого отношения со стороны ее представителей к советским рабочим. Так, из переписки уполномоченного РСФСР при АРА с профсоюзом транспортных рабочих Симбгубкомитета видно, что работник АРА использовал артель Басырова без нарядов, устраняя от работы артель Ро-

---

[1] Русско-Американский комитет Помощи Детям (РАКПД).
[2] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1093, л. 5.
[3] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 701, л. 30.

дионова, которая имела наряд на эту работу. «И старшего артели выругал чисто по-русски, ни с кем не считаясь»[1].

Работники АРА нарушали правила телефонных разговоров по прямым проводам, распоряжения советских органов о борьбе с безработицей и помощи голодающим, вызывая тем самым конфликты и недоверие части рабочих к местным органам Советской власти.

Наряду с этим, представители АРА занимались прямой контрреволюционной деятельностью на территории Симбирской губернии. 12 мая 1922 года из Ардатовского уезда сообщалось, что сотрудница АРА Гильдебрандт замешана в нелегальной организации, за что была арестована. Мистер Джексон (из Алатыря) потребовал немедленного освобождения Гильдебрандт. В противном случае угрожал снятием всех пайков питания с Ардатовского уезда[2].

Подобные действия работников АРА вызывали колебания неустойчивой, отсталой части крестьянства. Как отмечалось на X губпартконференции 25—29 июня 1922 года в вопросе «О перспективах восстановления хозяйства», в юго-восточной части губернии было аровское течение, сторонники которого утверждали, что «не стоит предпринимать мер к восстановлению хозяйства до тех пор, пока американцы не получат права на частную собственность»[3]. Но мнение подавляющего большинства трудящихся было выражено в выступлении делегата VII губпартконференции Самохватова, который сказал: «Больше приходится рассчитывать на свою инициативу, на свою энергию, чем на помощь американского дядюшки»[4].

Большой вред делу организации помощи голодающему населению наносили кулаки. Они пытались использовать тяжелую продовольственную обстановку губернии в своих классовых целях. Взвинчивая рыночные цены на хлеб и другие продукты питания, кулаки за низкую плату скупали скот, жилые дома, сельскохозяйственный инвентарь и т. п., разлагали трудовую дисциплину, подстрекали измученных голодом крестьян на разграбление хле-

---

[1] УОГА, ф. 200, оп. 1, ед. хр. 33, л. 299.
[2] Там же, л. 267.
[3] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 540, л. 15.
[4] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 559, л. 37.

ба из общественных амбаров, организовывали заговоры и выступления против партийных и советских работников, поддерживали и расширяли бандитизм.

В докладе чрезвычайного уполномоченного Симбирского губернского продовольственного комитета Н. Афонина указывалось, что «...воздействие кулаков на население чрезвычайно велико, дисциплина совершенно пала... В Нагаткинской, Покровской, Шумовской, Загудяевской и Тюгаевской волостях оказывается брожение контрреволюции под флагом организации союза женщин... За последнее время появляются ночью в селе Нагаткино вооруженные люди, подготовляется определенная почва для контрреволюции»[1]. Эсеро-меньшевистские элементы, проникая в органы потребительской кооперации, пытались усилить бедствия народа. Они умышленно тормозили и срывали товарообменные и заготовительные операции как на внутреннем, так и на внешнегубернском рынке, и тем самым мешали нормальной деятельности этой важной организации по борьбе с голодом.

Губернская партийная организация внимательно руководила работой потребкооперации, укрепляя ее органы коммунистами и преданными людьми. На XI губпартконференции, проходившей 7—9 декабря 1922 г., отмечалось, что «В кооперативной работе до съезда потребкооперации было сильное влияние эсеров, однако губкому удалось путем реконструкции правления влить в него коммунистические силы»[2].

Реакционную позицию в быстрейшем осуществлении мероприятий по борьбе с голодной стихией занимало и духовенство. Оно враждебно относилось к Декрету ВЦИК от 22 февраля 1922 года об изъятии церковных ценностей, предназначенных для оказания помощи голодающим; пыталось привлечь население к защите церковного имущества. Однако во многих местах трудящиеся массы требовали скорейшего проведения в жизнь правительственного декрета. В ответ на эти требования широких масс, в том числе и верующих, духовные лица занялись кражей ценностей из церквей. В результате их мошеннической деятельности «в Шумовской церкви все ценные вещи были заменены, в Нагаткинской 7 мест ока-

---

[1] УОГА, ф. 127, оп. 5, ед. хр. 182, л. 10, 11.
[2] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 703, л. 5

залось пустых и не было части разных украшений»[1]. Духовенство, используя стихийное бедствие народа, участило молебны, совершало крестные ходы. Церковники, спекулируя религиозными чувствами населения, усилили антисоветскую работу среди верующих.

Подобные действия внешних и внутренних врагов усложняли хозяйственно-политическую обстановку в Симбирской губернии. Поэтому от коммунистов потребовались огромные усилия не только для борьбы с голодом, но и по ликвидации контрреволюционных проявлений.

Голод в Советской России вызвал ряд заявлений разных рабочих организаций капиталистических стран с изъявлением горячего желания помочь голодающим. Помощь трудящихся зарубежных стран явилась ярким проявлением дружбы и симпатии к голодающему населению Поволжья и других районов Советской Республики.

С другой стороны, империалистическая буржуазия пыталась использовать голод для осуществления своих коварных планов против нашего народа.

Советское правительство с благодарностью принимало искреннюю помощь трудящихся и отвергало наглые происки буржуазии.

Огромную роль в разоблачении замыслов контрреволюционных сил и в деле оказания действительной помощи голодающим сыграли коммунисты различных стран, которые проводили среди трудящихся работу по сбору денежных средств и продуктов питания для голодающих.

Так, голландские коммунисты направили в Советскую Республику 10 тыс. тонн различных продуктов, болгарские коммунисты собрали 42 900 рублей золотом и 40 вагонов продовольствия[2].

Денежную и продовольственную помощь голодающим оказали коммунисты Германии, Чехословакии, Италии, Франции и других стран. Рабочие Америки собрали 62 млн. 400 тыс. рублей[3]. Рабочие Италии собрали 3 млн. 577,5 тыс. рублей. Рабочие Чехословакии—15 млн. 200 тыс. рублей. Рабочие Германии — 7 млн. 900 тыс. рублей. Рабочие Франции —1 млн. 760 тыс. рублей. Рабочие Англии — 9 млн. 264 тыс. рублей. Рабочие Лат-

---

[1] УОПА, ф. 138, оп. 1, ед. хр. 3, л. 14.

[2] «Правда». 21 марта 1922 года.

[3] «Наш край». Под. редакцией проф. Е. И. Медведева. 1966 г. Куйбышевское книжное издательство.

вии — 200 тыс. рублей. Рабочие Австрии — 800 тыс. рублей. Рабочие Швейцарии — 1 млн. 75 тыс. рублей. Рабочие Болгарии — 163 тыс. рублей. Рабочие Голландии — 600 тыс. рублей.

Кампанию помощи голодающим поддержали прогрессивные организации и представители ряда европейских государств.

4 июня 1922 года в гор. Симбирск прибыла делегация Датского красного креста в составе: доктора Кребса, Томаса Айби и Тидеман. Делегация привезла с собой 50 тыс. пудов ржи, на 50 тыс. человек хинина 66 кг и противохолерной сыворотки[1].

Датская комиссия отпустила для Симбирской больницы 3 вагона ржи и больше половины привезенного хинина. Нансенская миссия в Москве получила из-за границы около 180 пудов разных медикаментов и перевязочного материала, из которых более половины было передано населению Симбирской губернии[2].

Симбирский горисполком вынес господину Кребсу от имени трудовых масс благодарность за оказанную помощь и особенную признательность за медикаменты[3].

Известную помощь голодающие губернии получали от АРА. В декабре 1921 года на содержании АРА в Симбирской губернии находилось 160 870 детей, в январе 1922 года—221 440 человек и т. д. С апреля 1922 года началась выдача кукурузы населению и питанием было охвачено 263 965 детей и 372 261 взрослый. Наряду с этим население снабжалось обувью, одеждой, медикаментами[4]. По Русско-американскому договору получены: сулема, 5 вагонов различных лекарств, 112 тыс. пар чулок, 23 тыс. пар обуви, 5 тыс. пальто, 5 тыс. платьев[5]. Но американская помощь очень дорого обходилась нашему государству.

Советское правительство несло все расходы по перевозке аровских грузов; отводили, ремонтировали, содержали и охраняли здания контор и столовых АРА, благоустраивали дороги, возводили и ремонтировали мосты.

---

[1] УОГА, ф. 200, оп. 1, ед. хр. 33, л. 316.
[2] Там же, л. 411.
[3] Там же, л. 410.
[4] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 540, л. 15.
[5] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 701, л. 30.

Наряду с этим, обеспечивали представителей транспортом, теплушками, благоустроенными квартирами и т. д. В докладе на губернской конференции РКП(б) 6—7 марта 1922 года обращалось внимание на то, что «подвозка грузов нам стоит дороже, чем товары»[1].

В сообщении хозяйственной части Симбгубисполкома от 24 июля 1922 года указывалось: «Со времени возникновения АРА по 1 июля 1922 года уплачено счетов и других расходов АРА в сумме 1.944.893.543 рубля[2].

Было установлено, что АРА ввозила в нашу страну товары, не находящие сбыта в США[3], превращая тем самым их в звонкую монету. Так, уполномоченный представитель РСФСР по Симбирскому району в циркулярном письме сообщал, что при обследовании некоторых уездов Симбирской губернии обмундирование АРА недоброкачественного характера, например, одеяла пришли в полную негодность»[4].

Однако в условиях жестокого голода Советскому правительству не приходилось отказываться от американской помощи, чтобы хоть сколько-нибудь умерить страдания голодающего населения.

Все честные люди земли с глубоким сочувствием относились к страданиям голодающих. Они высоко оценили мужество, находчивость, решительность коммунистов в борьбе с голодной стихией, терпение и веру народа в светлое завтра.

Немецкий журналист Франц Юнг, посетивший нашу страну во время голода, восхищался огромной проделанной работой и оптимизмом коммунистов. «Они (коммунисты. — **Е. Л.**) выдержали — и это сделало их передовыми и честными бойцами за коммунизм, которыми может гордиться Россия... Остаются лишь проделанная великая работа, огромные задачи и беспримерное мужество, противостоящее всему миру и легендарным препятствиям, которые капитализм сконцентрировал против него в своей глубокой к нему ненависти, — мужество, которое не слабеет ни на миг, которое после сотни битв, клеветы

---

[1] УОПА, ф. 1, ед. хр. 701, л. 30.
[2] УОГА, ф. 200, оп. 1, ед. хр. 33, л. 386.
[3] А. Э. Лифшиц. Самарская партийная организация в борьбе за восстановление народного хозяйства (1921—1925 гг.).
[4] УОГА, ф. 200, оп. 2, ед. хр. 1444, л. 9.

и плевков, снова поднимается и кричит: «Мы все те же коммунисты. Все для коммунизма!»[1].

Видный ученый и общественный деятель Фритиоф Нансен в своих записках писал: «Мне кажется вероятным, что Россия когда-нибудь и не в далеком будущем, не только спасет Европу в материальном отношении, но что глубоко необходимое духовное обновление также придет оттуда»[2]. Эти пророческие слова Нансена сбылись.

Голод обрушился на Советскую Республику в то время, когда Коммунистическая партия на своем X съезде приняла новую экономическую политику, рассчитанную на восстановление промышленности, транспорта и сельского хозяйства, на совершение культурной революции и укрепление союза рабочего класса и крестьянства.

Центральный Комитет Коммунистической партии и Совет Народных Комиссаров, возглавляемые В. И. Лениным, разработали систему мероприятий по оказанию существенной помощи населению губерний Среднего Поволжья.

Коммунистическая партия и Советское правительство считали, что преодолеть голод в стране можно на основе НЭПа. Еще в марте 1921 года В. И. Ленин в связи с частичным неурожаем 1920 года написал проект резолюции X съезда партии об улучшении положения рабочих и крестьян. Проект предусматривал проведение ряда мер по борьбе с голодом. Одним из таких мероприятий являлась замена продовольственной разверстки продовольственным налогом. Когда повторный неурожай 1921 года стал очевидным, ЦК РКП(б) 19 июля создал Центральную Комиссию помощи голодающим (ЦК Помгол) при ВЦИК под руководством М. И. Калинина.

Во всех губерниях Советской Республики были образованы местные комиссии помощи голодающему населению. В августе 1921 года приступила к работе Центральная агитационная комиссия при ЦК РКП(б) по разъяснению причин и размеров неурожая, борьбе с голодом, развитию инициативы и самодеятельности трудящихся масс.

---

[1] Ф. Юнг. Бедствующее Поволжье, Петроград, 1922, стр. 103—104.

[2] Е. И. Медведев, Н. И. Баженов. Связь с современностью и краеведением в курсе истории. 1962, стр. 132, гор. Куйбышев.

На местах создавались свои агиткомиссии (агиттройки).

Центральный Комитет Коммунистической партии внимательно относился к работе комиссий помгола, оказывал им всяческое содействие и помощь.

В. И. Ленин придавал исключительное значение делу помощи голодающим губерниям. На сообщение из Симбирского уезда в июле 1921 года о стихийном бедствии В. И. Ленин телеграфировал:

«Сообщаю, что Советской властью принимаются самые спешные и решительные меры по оказанию помощи пострадавшим от неурожая. Повсеместно объявлены сборы, ВЦИК обратился 12.VII с воззванием ко всему населению России об оказании всемерной помощи голодающим. Образован при ВЦИК специальный комитет помощи голодающим. Такой же комитет образован для получения помощи хлебом из-за границы. На днях к вам выедут уполномоченные ВЦИК. Делаем все возможное.

Пред. СТО — Ленин»[1].

Еще во время организационной работы по созданию комиссии помгола появилось и стало развиваться ошибочное мнение некоторых партийно-советских руководителей о том, что массовая эвакуация населения в благоприятные губернии является основным средством борьбы с голодом.

Коммунистическая партия и Советское правительство категорически выступили за немедленное прекращение стихийного переселения. Вывоз из голодающих губерний огромной массы людей привел бы к перегрузке транспорта, вызвал бы панику среди населения благополучных по урожаю районов, и в конечном итоге помешал бы плановой борьбе с трудностями голода.

Однако партия и правительство считали необходимым эвакуировать в плановом порядке часть населения и в первую очередь детей.

Продовольственное положение Симбирской губернии было настолько тяжелым, что VII губпартконференция 11 июля 1921 г. в своем решении высказала мысль о переселении. «...Крестьяне уже распродают скот, имущество и осаждают уездные центры» и на «требование широкого переселения, посланного губцентром, должен быть быстрый и удовлетворительный ответ»[2]. К марту 1922 го-

---

[1] Ленинский сборник, т. XXXV, стр. 267.

[2] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 539. л. 74.

да из губернии были эвакуированы в благоприятные по урожаю районы 6 тысяч детей и 70 тыс. беженцев[1]. Эвакуация детей и взрослых проводилась в плановом порядке с соблюдением санитарных правил и предоставлением питания в пути следования. Но эвакуация населения не являлась основным средством борьбы с голодом.

«Наша первая главная задача..., — говорил М. И. Калинин на IX съезде Советов РСФСР, — это помочь голодающим крестьянам засеять свои озимые поля»[2].

Чтобы не допустить повторного голода в 1922 году, органы Советской власти для доставки посевного материала в срочном порядке начали взыскивать выданную в прошлом году семссуду, собирать продналог, изымать излишки зерна у совхозов. Потребительской и сельскохозяйственной кооперации голодающих местностей было предоставлено право заготовки семенного материала в урожайных губерниях, производились закупки хлеба за границей.

Однако возвратить семссуду прошлых лет было просто невозможно из-за неурожая 1920 года, излишков семян у совхозов почти не имелось, производить заготовку зерна в урожайных губерниях было чрезвычайно трудным делом, закупить большое количество семенного хлеба за границей также не представлялось возможным.

ЦК РКП(б) и Советское правительство считали, что главным средством получения семян является сбор продовольственного налога в урожайных губерниях, и успех озимого сева зависел от того, как быстро будет завершена эта кампания.

В первую очередь работа Центральной комиссии помощи голодающим направлялась на сбор продналога в урожайных губерниях, установленного в размере 240 млн. пудов зерна. Кроме того, Советское правительство предполагало собрать по 15 млн. пудов хлеба в РСФСР и на Украине путем товарообменных операций. С губерний, пораженных засухой, продналог был снят[3].

---

[1] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 701, л. 29, 30.
[2] М. И. Калинин. Статьи и речи 1919—1935. Изд. 1936. стр. 66.
[3] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 626, л. 14.

Сбор первого продовольственного налога проходил под лозунгом борьбы с голодом.

Для успешного проведения продналоговой кампании в деревни были направлены лучшие партийные, комсомольские, профсоюзные работники, кадровые рабочие.

Развернулась широкая агитационная работа на страницах печати, были выпущены специальные плакаты, листовки, проводились митинги, доклады и т. п. местные партийные и советские органы обращались к крестьянскому населению с призывом о скорейшей сдаче продналога, чтобы обеспечить семенами Поволжье и накормить голодающих. Так, московский губпосевком в обращении к крестьянам Московской губернии писал: «Серп и молот — символ единения, должен не померкнуть, а сиять по-прежнему путеводной звездой. Туда на Волгу, где братья наши сейчас испытывают страдания неурожая, должна быть направлена наша помощь».

«Возвращайте озимую и яровую ссуду! Как можно скорее сдавайте продналог! Все это пойдет на обсеменение полей на Волге, где крестьянам нечего сеять»[1].

В итоге проведенных мероприятий к 13 сентября 1921 г. в урожайных районах было заготовлено 13,4 млн. пудов хлеба, из которых 7,783 млн. пудов направлено в голодающие губернии[2].

Вопрос обеспечения крестьянских хозяйств семенами находился в центре внимания и постоянной заботы партийных и советских органов на местах. В циркулярном письме от 13 августа 1921 года Симбгубисполком всем укомам и уисполкомам подчеркивал: «Главной целью партийной организации сейчас является обсеменение озимого клина. Размер его для всей губернии определен 500 тыс. десятин. Государство дало наряды на ввоз 1150 тыс. пудов семян из следующих губерний: Рязанской — 59 тыс. пудов, Гомельской — 450,5 тыс. пудов, Калужской — 307,5 тыс. пудов, Владимирской — 269 тыс. пудов, Тверской — 14 тыс. пудов, Пензенской— 50 тыс. пудов. Для обсеменения всего клина требуется 3750 тыс. пудов. Планировалось изыскать внутри губер-

---

[1] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 620, стр. 64.
[2] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 626, л. 14.

нии 2,5 млн. пудов[1]. Немедленная помощь со стороны государства в обеспечении крестьянских хозяйств семенами имела не только большое народнохозяйственное, но и огромное политическое значение.

С прибытием первых партий государственного семенного хлеба настроение населения поднялось, оно поверило в братскую солидарность рабочего класса и крестьянства, как в силу, способную преодолеть трудности голодного времени.

В отчетном докладе о деятельности Симбирской уездной организации РКП(б) за период с ноября 1921 года по февраль 1922 года указывалось: «Крестьянство переживает моменты, когда оно вновь повертывает свое лицо к РКП, доверяя ей руководство Советами, делом помощи голодающим и др. ...Крестьянство в массе убеждено, что только организованная сила РКП сумеет организовать борьбу с голодом»[2].

Симбирский губком и губисполком принимали необходимые меры к изысканию семян для озимого сева на местах. Учитывая, что засухой поражены не все уезды и даже волости губернии (хороший урожай составлял 2 процента посевной площади, средний — 10 процентов, плохой — 60 процентов, совершенно погибло — 28 процентов посева)[3], Симбгубисполком соответственно разделил население на 4 группы: первая группа (2 процента) обеспечивала себя семенами, продовольствием, а излишки хлеба использовала для товарообмена; вторая группа (10 процентов) обеспечивала себя семенами и продовольствием; третья группа (60 процентов) обеспечивала себя только семенами; четвертой группе (28 процентов) — оказывалась помощь из внутригубернских возможностей путем товарообмена с соседними губерниями и представлялись семена при раннем взмете пара[4].

В посевной кампании необходимо было учитывать и то, что при засушливой погоде развитие и созревание зерновых проходило ненормально. Поэтому, как указал делегат Самохвалов на VII губпартконференции: «В Симбирской губернии получаемые зерна чрезвычайно

---

[1] УОГА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1, л. 18.
[2] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 557, л. 4.
[3] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 539, л. 62.
[4] Там же.

тощи, чрезвычайно мелки и, по утверждению некоторых специалистов, ...непригодны для обсеменения»[1].

В этих условиях встала задача — предполагавшийся незначительный сбор хлеба обменять на зерно, пригодное к посеву. С целью полного обеспечения озимого сева президиум губисполкома предложил укомам и уисполкомам несколько договорных форм с крестьянами. В первую очередь семена выдавать крестьянам, рано поднявшим пар; такие крестьянские хозяйства освобождались от продналога или им скащивалась часть его; за ранний взмет пара земотдел премировал селения сельскохозяйственными орудиями. Ранний пар был вернейшим средством борьбы с засухой в будущем.

Огромную роль в успешном завершении озимого сева сыграла политико-воспитательная работа, на проведение которой были направлены тысячи коммунистов, комсомольцев, членов союза, женщин-работниц.

Центральная агитационная комиссия по борьбе с голодом при ЦК РКП(б) 27 августа 1921 года в обращении к рабочим и крестьянам писала: «Помощь голодающим не должна ограничиваться сдачей продналога. Помощь эта тогда будет действительна, если в ней примут активное участие все трудящиеся Советской России»[2].

Партийные и советские работники разъясняли крестьянам, что необходимо сохранить скот и инвентарь, не бояться расходования хлеба на посев и постоянно думать о будущем урожае.

Агитационная работа незамедлительно сказалась на деле. Симбирская агиткомиссия в протоколе своего заседания от 2 августа 1921 года отмечала: «Задачи, поставленные перед агитотделом, можно считать выполненными: паническое настроение, имевшее место в середине июля, которое пытались использовать враждебные элементы, улеглось. Крестьяне в надежде на продовольственную и семенную помощь государства подняли пар и широко использовали имевшийся у них скудный запас семян своего урожая»[3].

По данным Симбирского укома на 29 августа 1921

---

[1] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 539, л. 30.
[2] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 620, л. 10.
[3] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 626, л. 4.

года, пар в уезде поднят на 85 процентов (до начала агиткампании было взметано 28 процентов) и до 70 процентов засеяно парового клина[1]. Подъем пара и озимый сев успешно проходили по всей губернии.

Посевная кампания весной 1922 года потребовала еще больших усилий со стороны Симбирской партийной организации. Незначительный урожай, собранный в 1921 году, был почти непригоден к посеву, количество рабочего скота резко сократилось. В губернии не было ни одного села, которое имело бы в среднем одну голову скота на хозяйство. В Симбирском уезде на 24 десятины земли приходилось всего одна лошадь, в Сенгилеевском уезде из 25 тыс. лошадей осталось 3 тыс. истощенных лошадей. В среднем по губернии на одно крестьянское хозяйство приходилось 0,1 головы рабочего скота[2].

Советское правительство оказало крестьянам Симбирской губернии помощь в приобретении не только семенного материала, но и рабочих лошадей.

На весенний сев 1922 года (592 453 десятины) из государственного фонда было отпущнео 1160 тыс. пудов зерна[3].

Всего в посевной кампании 1922 года крестьянам было выдано 1 400 900 пудов зерновых культур и 549 576 пудов картофеля. Кроме того, в результате взаимопомощи крестьяне приобрели семенного материала в количестве 100 тыс. пудов[4].

Благодаря мерам, принятым ЦК партии, Советским правительством и губернской партийной организацией, весенне-посевная кампания прошла успешно. Крестьяне в среднем засеяли больше половины обрабатываемой площади.

Всего по губернии весной 1922 года было засеяно — 309 497 десятин, что составляло 52 процента общего ярового клина и 85 процентов засева 1921 года[5]. В 1922 году ожидался урожай 50 пудов с десятины.

Немало делалось для оказания помощи голодающим рабочим классом губернии. Проводились различные

---

[1] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 626, л. 5—8.
[2] УОПА, ф. 1, оп. 1, хр. ед. 540, л. 17—18.
[3] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 701, л. 30.
[4] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 540, л. 16.
[5] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 701, л. 30.

кампании по сбору средств, вещей, медикаментов: «Неделя помощи голодающим»; «Неделя помощи ребенку»; «Неделя Красного Креста» и др. В фонд Симбгубпомгола поступали денежные средства от субботников, воскресников, отчислений от зарплаты рабочих и служащих, от постановки концертов, различных вещевых сборов, лотерей и т. п.

Газета «Трудовая Коммуна», орган Ардатовского уездного комитета партии, писала в 1921 году:

«25—27 сентября «Трехдневник помощи голодающим». Да не будет в эти дни помощи ни одного гражданина, который бы не внес свою лепту в дело помощи голодающим.

Все, кто может и чем может, личным примером, участием, пожертвованием, как бы оно ни было скудно, должны пойти на борьбу с голодом»[1].

Рабочие завода им. Володарского открыли столовые для взрослого населения в слободах Канаве, Королевке, Часовне и детскую столовую на 200 человек.

Они же направили крестьянам Сенгилеевского уезда 44 пуда муки, 21 млн. 132,4 тыс. рублей и т. п.[2].

В ходе проведения субботников и воскресников не только оказывалась помощь голодающим, но и проводилась работа по восстановлению народного хозяйства. Рабочие ремонтировали машины, станки, паровозы, вагонные буксы, откачивали воду из груженых судов и т. п.

Большую работу в борьбе с голодом в условиях НЭПа проводила потребительская кооперация. Кооперация, охватывая процессы обращения: сбыт, снабжение и кредит, являлась широкой формой для осуществления экономического союза рабочего класса и крестьян. Местные партийные и советские органы всячески поддерживали и направляли деятельность потребительской кооперации. В письме укома Сызранского уезда к членам РКП(б) подчеркивалось: «Задача нашей партии, в условиях НЭПа, когда на рынке снова появился бывший торговец, с каждым днем развивая свой капитал, всемерно содействовать развитию и укреплению экономической мощи кооперации и не допускать, что-

---

[1] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 827, л. 43.
[2] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 718, л. 16.

бы крестьянин и рабочий шел в лавку частного торговца, — а шел в кооперацию»[1]. Несмотря на трудность работы в условиях неурожая, кооперативные органы проводили заготовку хлеба в других районах, информировали места о потребностях внешне-губернского рынка. Дееспособность потребкооперации улучшилась с получением денежных знаков из Центросоюза. Симбирский губсоюз потребкооперации приобрел для голодающих 253 тыс. пудов зерна, 10 тыс. пудов картофеля, содержал 258 питательных, 89 раздаточных пунктов, 608 столовых. Ежемесячно, с сентября 1921 года по август 1922 года, кооперация снабжала питанием в среднем 152 008 человек[2].

Потребительская кооперация губернии производила государственные закупки промышленного сырья, пищевых продуктов, хлеба. Так, на средства, полученные по декрету от 7 апреля 1921 года, Симгубсоюз к сентябрю месяцу того же года сумел заготовить для государства хлеба, мяса, масла, яиц, овощей и кожевенного сырья на 361,5 тыс. рублей[3].

Губпотребкооперация, объединяя женщин-крестьянок, молодежь, заготавливала тару, жёлуди, ягоды, грибы для товарообмена с другими губерниями. Через потребкооперацию реализовали свою продукцию кустарные промыслы.

В 1922 году произошло слияние потребительской и рабочей кооперации, что в значительной степени оживило кооперативную работу.

Начиная с конца 1922 года, сельское хозяйство медленно поднимается. Если в 1921—1922 году посевная площадь в Симбирской губернии составляла 489 тыс. десятин, то в 1922—1923 году она достигла 663 тыс. десятин[4]. В последующие годы посевная площадь быстро расширялась. Это видно из данных, относящихся к 1924 году[5].

---

[1] УОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 565, л. 5.
[2] УОГА, ф. 566, ед. хр. 87, л. 292—293.
[3] С. Н. Виноградский. Коммунистическая партия в борьбе за укрепление союза рабочего класса и крестьянства (1921—1925).
[4] УОГА, ф. 200, ед. хр. 19, л. 3.
[5] Там же, л. 3.

Годы	В тыс. десятин	% к 1911 году
1911	1493,6	100
1922	505,1	33,8
1923	902,1	60,4
1924	980,5	65,6
1925	1022,0	68,4

Одновременно принимались срочные меры к увеличению поголовья скота. По данным губстатбюро, прирост лошадей и коров проходил следующим образом[1].

Годы	Количество лошадей (в тыс.)	Количество коров (в тыс.)
1911	191,8	183,5
1922	121,4	155,6
1923	129,0	—
1924	155,6	185,7
1925	168,4	207,5

Таким образом, благодаря принятым мерам, число рабочих лошадей с 1922 по 1925 год увеличилось на 47 тыс. голов (на 39 процентов), а коров на 51,8 тыс. голов (на 32,9 процента).

Уверенными темпами возрождалась промышленность.

По мере подъема промышленного и сельскохозяйственного производства налаживался товарообмен между городом и деревней. Только оборот потребкооперации в течение 1923—1924 гг. возрос на 242 процента[2].

Дальнейшее восстановление и развитие народного хозяйства в Симбирской губернии, как и во всей стране, проходило в ускоренном темпе.

Таким образом, решающие успехи в подъеме народного хозяйства ярко продемонстрировали мудрость и дальновидность Коммунистической партии, гениальность, смелость, умение и решительность В. И. Ленина

[1] УОГА, ф. 200, ед. хр. 19, л. 3.
[2] УОПА, ф. 1, ед. хр. 1095, лл. 114—116.

в разрешении сложных задач социалистического строительства.

Ленинский Центральный Комитет партии и Советское правительство оказали огромную помощь Симбирской партийной организации, которой в исключительно трудных условиях приходилось решать сложные экономические задачи по восстановлению народного хозяйства, укреплять союз рабочего класса и крестьянства, делать все возможное и даже «невозможное» в борьбе с разрухой, нищетой, голодом и его последствиями. Продовольственная политика Коммунистической партии позволила в тяжелых условиях успешно провести посевные кампании, оказывала планомерную государственную помощь голодающему населению, развивала инициативу и самодеятельность трудящихся города и деревни, вливала и укрепляла в среду рабочих и крестьян веру, организованность и дисциплину.

Важнейшим итогом деятельности Симбирской партийной организации в период 1921—1922 годов явилось дальнейшее укрепление своих рядов, упрочение союза рабочего класса и крестьянства, вовлечение трудящихся масс в дело социалистического строительства.

Практика убедительно показывает, что Симбирская партийная организация могла добиться успеха в своей работе благодаря тому, что она исходила из интересов партии и народа в целом, руководилась и направлялась Центральным Комитетом Коммунистической партии.

М. Г. ИВАНОВА

ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ В ГЕРМАНИИ ПОСЛЕ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ. ОБРАЗОВАНИЕ РЕЙНСКОЙ ЛИГИ 1658 г.

Середина XVII века отмечена в истории международных отношений наибольшей активностью и наибольшими успехами Франции в традиционной борьбе с испанскими и австрийскими Габсбургами. Борьба французской монархии с Габсбургами заняла более сотни лет и была борьбой трех крупных держав — Испании, Германии, Франции за политическое преобладание в Европе.

Борьба эта развернулась и протекала в условиях позднего средневековья, когда в недрах феодального строя зарождались капиталистические отношения и шел процесс образования наций. Франция заметно опередила Германию и Испанию в своем национальном развитии. Из гражданских и религиозных войн второй половины XVI века она вышла сильной сложившейся абсолютной монархией и уже со времени короля Генриха IV (1594—1610 гг.) притязала на гегемонию в Европе, полагая, что «настала пора поставить на место господства императора или Испании господство Франции»[1]. Такова была главная линия всей внешней политики Франции XVII века. Она ставила перед собой две задачи: 1) достичь «естественных границ», что означало отодвинуть Северо-Восточную границу Франции до Шель-

---

[1] Маркс К. Хронологические выписки 4. Архив Маркса и Энгельса. Т. 8, стр. 230. М., 1946.

ды, а восточную до Рейна и включить в состав своих владений Бельгию, Лотарингию и Артуа; 2) сокрушить могущество Габсбургов и сделать Францию гегемоном в Европе. Постановка и разрешение этих задач приводили Францию к борьбе с Габсбургами.

Наибольшего напряжения эта борьба достигла в период Тридцатилетней войны 1618—1648 годов и на мирном конгрессе, проходившем на последнем этапе войны в городах Вестфалии Мюнстере и Оснабрюке.

Тридцатилетняя война началась в Империи австрийских Габсбургов между двумя группировками немецких князей, объединившихся в Католическую лигу и Протестантскую унию. Она явилась последней попыткой императора Фердинанда III Габсбурга, стоявшего во главе Католической лиги, объединить Германию под своей неограниченной властью. Французская монархия прекрасно понимала, что если эта попытка увенчается успехом, то рядом с Францией, на ее восточных рубежах вырастет огромная держава Габсбургов, исконных врагов Франции.

Избрав своим оружием принцип защиты «исконных немецких свобод», т. е. независимость немецких князей и «равновесия сил в Европе», французская монархия вмешивается во внутренние дела Германии, выступая на стороне протестантских князей. «Война в Германии, — писал по этому поводу глава внешней политики Франции Мазарини, — отнюдь не только религиозная война, но также война за подавление слишком большой амбиции Австрийского дома»[1].

Объединение Германии и усиление австрийских Габсбургов в Центральной Европе было нежелательным и вызвало тревогу в Голландии, Швеции и Дании, так как несло угрозу их господству на побережьях Северного и Балтийского морей и означало усиление католической реакции в Европе.

Внутригерманский вопрос принимает общеевропейский характер и выливается в общеевропейскую войну между Габсбургами (Империя, Испания, Италия) и антигабсбургской коалицией (Франция, Голландия, Швеция, Дания), душой которой все время оставалась Франция.

---

[1] Les Lettres du cardinal Mazarin pendant son ministere, t. 11, p. 758. Paris, 1879.

Тридцатилетняя война, которая проходила на территории Германии, закончилась 24 октября 1648 года подписанием Вестфальского мирного договора. Этот мир явился переломным моментом в борьбе Франции с Габсбургами, но не означал ее конца. Были разбиты и вышли из войны австрийские Габсбурги. Другая ветвь Габсбургов — испанская — оставалась в состоянии войны с Францией еще долгие годы. Готовясь к продолжению войны с Испанией, Франция внесла в Вестфальский мирный договор (Мюнстерский трактат) статью об изоляции Испании. Согласно этой статье император Фердинанд III, а также князья Германии обязывались ни под каким видом не оказывать помощи Испании в ее войне с Францией[1]. Эта статья вызывала особую ненависть императора, родственными и религиозными узами связанного с испанской монархией и помышляющего о реванше. Опираясь на наследственные владения австрийских Габсбургов, сравнительно мало пострадавшие от войны и уцелевшие от расчленения, и на поддержку Римского папы, император Фердинанд III с первых дней существования Вестфальского мира повел с ним борьбу. Так, летом 1650 года, когда представители французского короля и императора вырабатывали в Нюрнберге конвенцию о роспуске армий и освобождении крепостей и территорий, оккупированных во время войны, император переправил четыре тысячи войск союзнику испанского короля Лотарингскому герцогу Карлу IV[2]. Этот факт показал Франции, что император на деле не собирается выполнять условия мира и потребуются действенные меры для того, чтобы провести в жизнь пункт договора об изоляции Испании.

Германский вопрос снова оказывается в центре внимания французской дипломатии.

Задачей настоящей статьи является анализ политики Франции в послевоенной Германии, т. е. от Вестфальского мира 1648 г. до заключения Рейнской лиги 1658 г.

Основными источниками для исследования этого вопроса послужили ряд томов из «Коллекции француз-

---

[1] Dumont. Corps diplomatique universel du droit des gens, t. VI, part, II, p. 451.

[2] Lettres du cardinal Mazarin, t. VII, p. 429.

ских дипломатических инструкций»[1], «Письма кардинала Мазарини» в издании Шерюэля и Авенеля[2] и «Собрание договоров и трактатов» под редакцией Дюмона[3].

Среди источников для изучения дипломатической истории Франции в период от Вестфальского мира до Французской революции 1789—1794 годов коллекция французских дипломатических инструкций занимает по важности и значению одно из первых мест. К интересующему нас периоду и вопросу относятся тома: I, 11, 18, 28. В первом томе, посвященном французской дипломатии в Австрии, помещена инструкция к неофициальному представителю Франции в Вене Сежону. Она относится к июню 1650 г. и свидетельствует о стремлении французского правительства восстановить дипломатические отношения с Австрией, путем брачного союза отделить Вену от Мадрида, и подчинить политику австрийских Габсбургов в Европе влиянию Франции. С наибольшей полнотой деятельность французской дипломатии в послевоенной Германии, Германии 1648—1658 годов, раскрывает инструкция, адресованная французскому представителю во Франкфуртском собрании Курфюрстов (князей-избирателей) Роберту Гравелю. Она помещена в восемнадцатом томе, относится к 1656 г. и свидетельствует о том, что французская дипломатия в это время стремилась создать в Германии единый союз князей против Габсбургов, который бы укрепил Вестфальский мир, заставил австрийских Габсбургов выполнять пункт о невмешательстве во франко-испанскую войну и вынудил Испанию подписать мир на условиях, продиктованных Францией. Одиннадцатый том «Коллекции...» содержит инструкцию, адресованную отъезжающим в Германию в качестве чрезвычайных посланников Грамону и Льону. Чрезвычайное посольство направлялось в Германию в апреле 1657 г. в связи со смертью Фердинанда III и предстоящими выборами нового императора.

---

[1] «Recueil des instructions donnèes aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traitès de Westphalie jusqu'á la Rèvolution francaise». V. 1—28. Paris, 1884—1962.

[2] Les Lettres du cardinal Mazarin pendant son ministére (Recueil et publ. par A. Chèruel et Avenel), t. 1—9. Paris, 1879—1906.

[3] Dumont. Corps diplomatique universel du droit des gens, t. VI, part. 1—11, Amsterdam, 1726—1731.

Двадцать восьмой том «Коллекции инструкций» характеризует политику Франции в германских государствах. Первый выпуск этого тома вышел в свет в 1962 году. Он содержит инструкции к представителям Франции при дворе курфюрста Майнцского и свидетельствует о том, что центральной фигурой среди немецких князей-избирателей был курфюрст Майнцский Жан-Филипп Шенборн, верховный канцлер империи, глава коллегии курфюрстов, ставленник Франции. На него в первую очередь должны были опираться представители французского двора, как в вопросе создания союза немецких князей против императора, так и в вопросе выборов нового императора. В издании этого тома инструкций принимал участие современный французский историк Ж. Леве. В предисловии и примечаниях к инструкциям он показывает, что при «Рейнских дворах сталкиваются все проблемы европейской политики при старом режиме», и что политика Франции по отношению к немецким князьям на Рейне тесно вплетается в ее политику по отношению к Империи[1].

Вторым источником для написания статьи послужили «Письма кардинала Мазарини во время его министерства». Седьмой и восьмой тома этого чрезвычайно ценного девятитомного собрания содержат письма за 1657—58 гг. Значительная часть этих писем адресована к Гравелю, французскому резиденту во Франкфуртском собрании князей-избирателей, а также к чрезвычайным французским посланникам Грамону и Льону. Письма свидетельствуют о том, что со смертью императора Фердинанда III (апрель 1657 г.) для французской дипломатии настали горячие дни. Французский двор решил использовать этот момент для того, чтобы не допустить больше Габсбургов к императорской власти. «Его величество желает, — пишет Мазарини в письме от 15 июля 1657 г., — чтобы Империя не продолжалась больше в австрийском доме»[2]. При дворах немецких князей и в собраниях развертывалось настоящее дипломатическое

---

[1] «Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution francaise», t. 28, 1, p. VII.

[2] Les lettres du cardinal Mazarin pendant son ministère, t, VIII, p. 32.

сражение между Францией и Габсбургами. От исхода этой дипломатической борьбы в значительной степени зависели и прочность Вестфальского мира, и исход франко-испанской войны.

Третьим источником послужило «Собрание договоров и трактатов» (том VI, часть II). В нем помещены «Капитуляция», принятая новым императором Леопольдом I, Франкфуртский и Майнцский трактаты 1658 года, явившиеся основой Рейнской лиги. С образованием Рейнской лиги завершилась длительная и упорная борьба Франции за влияние в послевоенной Германии.

Если официальные королевские инструкции говорят о главных задачах французской дипломатии, а письма Мазарини раскрывают ее в действии, то тексты Капитуляции и трактатов 14—15 августа 1658 г. показывают, чего же добилась в конечном счете Франция в Германии после Тридцатилетней войны.

Борьба Франции с Габсбургами в середине XVII века и результаты активной деятельности французской дипломатии привлекли к себе внимание немецкой и французской историографии последней четверти XIX и начала XX веков. Интерес к этой проблеме был продиктован политической обстановкой в Европе, которая характеризуется в это время обострением франко-германских противоречий. Знакомство с французскими и немецкими работами показывает, что историки той и другой страны рассматривали капитуляцию, принятую Леопольдом I и Рейнскую лигу 1658 г., как подтверждение и дополнение к «инструменту мира» — Вестфальскому договору, как акты, порожденные нежеланием австрийских Габсбургов добровольно выполнять Вестфальский договор и в частности пункт об изоляции Испании в войне с Францией. На этом единство взглядов кончается и явственно проступает принципиально различный подход, продиктованный разными политическими взглядами и побуждениями авторов исторических трудов.

Так, одни французские историки рассматривают капитуляцию и Рейнскую лигу как «блестящий акт французской дипломатии», плод тонкой и гибкой политики Мазарини (Шерюэль, Вальфри), а другие, напротив, считают и тот и другой акт лишь «средством прикрыть поражение Франции в главном вопросе — отстранения

Габсбургов от императорского престола в Германии (Ауербах, Ж. Леве).

Одним из крупнейших исследователей и знатоков истории Франции середины XVII века, или, как принято называть в исторической литературе, времени Мазарини, явился А. Шерюэль. Он известен как автор целого ряда работ по истории Франции[1]. Ему же принадлежит и девятитомное издание «Писем Мазарини во время его министерства».

В своих трудах Шерюэль касается многих сторон жизни Франции времени Мазарини, но особенно тщательно и подробно он разрабатывает вопросы внешней политики Франции и ее дипломатии. Интерес Шерюэля к вопросам внешней политики времени Мазарини не случаен. В 80-х годах прошлого столетия во французском буржуазном обществе зреет идея реванша за позорное поражение, понесенное империей Наполеона III во франко-прусской войне 1870—71 годов. Французская буржуазная историография обращается к далекому прошлому и отыскивает в нем именно то время, когда в Европе на полях сражения с Габсбургами одерживало успехи французское оружие, а на дипломатической арене успешно действовали дипломаты французской монархии. Шерюэль был из числа историков, тесно увязывающих науку с политикой. Он всецело на стороне французского абсолютизма середины XVII века. Он восхищается политическим «гением» Мазарини, воспевает успехи французского оружия. Шерюэль рисует французскую монархию и ее оружие как носителей «мира», гарантов «свободы», «защитников слабых». Это особенно ярко видно в оценке Вестфальского мира. «Вестфальский мир, — пишет Шерюэль, — решил большинство вопросов, которые волновали Европу более века: он унизил австрийский дом, стремившийся со времени Карла V к универсальной монархии... Франция, увеличившись и укрепившись, выступала всюду как защитница слабых против тирании австрийского

[1] A. Chéruel, Histoire de France pendant la minorité de Loui XIV. Paris 1879.
A. Chéruel, Histoire de France sous le ministère de Mazarin. Paris 1882.
A. Chéruel, Ligue ou alliance du Rhin, Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques. Paris, 1885.

дома. Европейское равновесие благодаря искусной и настойчивой политике Мазарини, твердо восстановлено; система равновесия, гарантируемая Францией и Швецией, благоприятствовала независимым второстепенным державам и не позволяла больше торжествовать праву с помощью силы»[1]. Рейнскую лигу он расценивает как блестящий акт французской дипломатии, «который в течение нескольких лет давал Людовику XIV решающее влияние в Германии»[2].

В последней четверти XIX века вышли работы по французской дипломатии XVII века Вальфри[3]. Одна из них, посвященная миссии Льона в Испанию и в Германию, с исключительной полнотой раскрывает политику Франции в послевоенной Германии (1648—1658 гг.), которая, по мнению Вальфри, увенчалась наибольшим успехом. Капитуляция, подписанная Леопольдом I, и Рейнская лига — это два больших успеха, «дипломатия наибольшего результата, на который только можно было рассчитывать»[4]. Националистический и реваншистский дух работ Вальфри совершенно очевиден.

Иную позицию в оценке деятельности французской дипломатии в Германии занимает французский историк Б. Ауербах. В своей работе «Франция и Священная римская империя», вышедшей в свет в Париже в 1912 году, он заявляет о несогласии с Шерюэлем и Вальфри, которые прославляют Рейнскую лигу как «шедевр французской дипломатии».

Ауербах считает, что «эта комбинация высокой дипломатии по своей первоначальной программе и ближайшим целям была делом чисто германским»[5]. Привлечение к этому делу Швеции и Франции было со стороны немецких князей своего рода «элегантным способом их нейтрализации». Вступление Франции в Лигу в августе 1658 года было вызвано стремлением создать

[1] Les lettres du cardinal Mazarin pendant son ministère, t. II. p. LXXIV.
[2] A. Chéruel. Ligue ou alliance du Rhin p. 35. P. 1885.
[3] Valfrey, Hugues de Lionne (ses ambassades en Italie). Paris 1877—1881.
Valfrey, Hugues de Lionne (ses ambassades en Espagne et en allemagne). Paris 1881.
[4] Ibidem, p. 174.
[5] B. Auerbach, La France de la Saint Empire Romain germanique, p. 57, Paris 1912.

видимость реванша за провал французской дипломатии в вопросе выбора императора. Немецкие князья, пишет Ауербах, не пошли на то, чтобы изъять корону из рук национального кандидата Леопольда Габсбурга. «Франция здесь натолкнулась на сопротивление, которое сильно походило на германский патриотизм»[1].

В современной французской историографии вопрос об организации Рейнской лиги нашел отражение в трехтомной работе профессора Сорбонского университета Гастона Целлера. Его работа «Новое время» вышла в свет в 1953 году. Целлер утверждает, что лига возникла по инициативе самих немецких государей, под руководством самого влиятельного из них курфюрста Майнцского. Они стремились упрочить Вестфальский мир, которому угрожала политика австрийских Габсбургов. «Заключив его хотя и дорогой ценой, немцы пугаются всего, что может его нарушить и благосклонно рассматривают любую инициативу, направленную на его упрочение»[2]. По мнению Целлера, Лига носила оборонительный характер и являлась «лигой мира». Франция, заинтересованная в упрочении Вестфальского мира, заявила о своем согласии в ней участвовать. На этой же позиции стоит и другой современный историк Франции Ж. Леве. Он тоже не признает Рейнскую лигу, как оружие французской политики в Германии, и утверждает, что она возникла из обоюдного стремления Франции и князей Германии сохранить мир на Рейне, не допустить, чтобы политика австрийских Габсбургов была навязана всей Германии. «Лига будет существовать постольку, поскольку французские и рейнские интересы будут совпадать»[3].

Суть этого нового подхода к истории Рейнской лиги, который наблюдается во французской историографии XX века, сводится к следующему: 1) замолчать активную роль Франции в образовании регионального союза рейнских князей; 2) утвердить исключительно мир-

---

[1] Ibidem, p. 55.
[2] G. Zeller, Les temps modernes, dans Histoire des relations internationales, publiée sous la direction de P. Renouvin, t. 11 p. 271 Hachete 1953.
[3] G. Levet, «Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution francaise». V. 28, 1, p. IX.

ный характер Лиги, направленный на охрану Вестфальского мира и «немецких свобод», угрозу которым несли австрийские Габсбурги; 3) снять с Франции ответственность за усугубление и упрочение раздробленности Германии и отвести от нее обвинения в агрессивной политике, которую она фактически осуществляла по отношению к своему восточному соседу со времени Вестфальского мира.

Немецкая буржуазная историография, так же как и французская, рассматривая политику Франции в Германии 1648—1658 гг., исходила прежде всего из оценки Вестфальского договора. Но, в отличие от французской историографии, она рассматривала его как величайшее несчастье для всего немецкого народа и начало гибели Священной империи, как первопричину раздробленности и упадка страны, а всю вину за это возлагала на Францию и главу ее правительства Мазарини. При этом роль немецких князей, носителей феодального сепаратизма и раздробленности Германии, которые направо и налево торговали страной, соперничая между собою в том, кто выгоднее продаст себя иностранцам, или совершенно игнорировалась немецкими историками, или всемерно оправдывалась. Такой взгляд упорно насаждался германской шовинистической историографией еще с последней четверти XIX века.

Раньше всех вышла работа Бёма под названием «Рейнский союз и его история»[1]. Направленность этой работы видна с первых строк. Автор заявляет: «Ни одно столетие в своих новообразованиях и преобразованиях, в своих войнах не было столь близко к современности, как XVII столетие с его огромным количеством различных договоров, различных союзов»[2]. Бём встал на путь исторических параллелей. Он стремится отыскать в прошлом основания для обостряющихся франко-германских противоречий. Кроме того, он хочет показать, что в обстановке середины XVII века, когда Франция объединяла князей Германии против императора и тем открывала ворота для своего господства в Западной Германии,

---

[1] W. Böhm, Der Rheinbund (von 1658) und seine Geschichte. Zeitschrift f. preuss. Gesch. u. Liter., Ig. 5.
[2] Ibidem, p. 217.

«Великий Курфюрст» был единственным, кто защищал интересы империи[1].

В 1886 году выходит капитальная монография Иоахима. Автор на 500 страницах работы «Развитие Рейнского союза 1658 года» дает довольно подробную картину образования и развития Рейнской лиги. Но только в конце монографии он излагает свой взгляд на нее и определяет свое отношение к ее создателям. Становится ясно, что в отличие от Бёма, Иоахим берет под защиту князей Германии, стремится обелить их перед историей. Главную вину он возлагает на австрийский дом Габсбургов, который, предав забвению национальные и государственные интересы Германии, встал на сторону Испании и тем снискал всеобщую ненависть. Это и заставило князей Германии искать поддержки у чужих монархов, в частности, у Франции. «В то время была еще неизвестна традиционная заклятая враждебность Франции по отношению к немецкой нации... На нее многие смотрели, как на действительного друга немецких имперских сословий во всех стремлениях против австрийского дома»[2], — заявляет Иоахим в оправдание антинационального поведения немецких князей и в первую очередь курфюрста Бранденбургского Фридриха-Вильгельма, с молчаливого согласия которого стало возможно объединение рейнских князей под руководством и в интересах Франции.

Годом позднее, в 1887 году, выступает с работой по истории Рейнской лиги австрийский историк Прибрам. В начале своей работы он ставит очень скромную задачу — дополнить и уточнить вопрос развития Рейнской лиги, разработанный доктором Иоахимом, на основании богатых сокровищ венского и парижского архивов, которые Иоахиму были неизвестны. Однако вскоре становится ясно, что позиция Прибрама в вопросе о Рейнской лиги иная.

Если немецкие историки рассматривали Рейнскую лигу как плод французской дипломатии, как организацию, созданную, прежде всего, в интересах Франции, то Прибрам утверждает в своей работе совершенно об-

---

[1] Ibidem, p. 228. Речь идет о Фридрихе Великом Бранденбургском.
[2] E. Joachim, Die Entwicklung des Rheinbundes vom 1658. Leipzig. 1886. p. 228.

ратное. Он считает, что Рейнская лига не только не входила в планы французской дипломатии, но явно противоречила ее стремлениям вырвать из рук Габсбургов императорскую корону. Поэтому глава французской дипломатии Мазарини всемерно стремился задержать образование Рейнской лиги. Когда Рейнская лига была заключена, то она явилась, по мнению Прибрама, не блестящим актом французской дипломатии, а всего лишь «жалким средством прикрыть поражение», которое Франция потерпела в вопросе выборов императора»[1]

За последние годы в западногерманской буржуазной историографии наблюдается тенденция к пересмотру традиционной оценки Вестфальского мира и последующей политики Франции в Германии. Так, боннский историк Ф. Дикман в своей работе «Вестфальский мир», вышедшей в свет в 1959 г., не отрицая того, что 1648 год был годом национальной катастрофы Германии, заявляет, что «этого еще недостаточно для того, чтобы проклинать этот мир и бросать обвинения его создателям»[2]. Дикман ставит вопрос; «Не имел ли путь страдания немецкого народа и крушения его государства более высокий смысл?» и дает положительный ответ. Он утверждает, что Вестфальский договор 1648 года явился фундаментом нового порядка, при котором впервые проложили себе дорогу «принципы равенства обоих вероисповеданий... фактическое признание равенства государства, правовое закрепление достоинства сословий». Положительный характер Вестфальского договора он видит в новом правовом порядке, который, по мнению Дикмана, приобрел «величайшее значение для возникновения нашего современного мира»[3]. Очевидно, это начало того «кардинального переосмысливания» политической истории немецкого народа боннскими историками, к которому призывал на X международном конгрессе историков в Риме профессор Фрейбургского университета Риттер.

В 1959 году вышла книга немецкого марксистского историка Шильферта «Германия 1648—1659 годов». В

---

[1] A. F. Pribram, Beitrag zur Geschichte des Rheinbundes von 1658. Wien 1887. p. 161—162.
[2] Dickmann, Fr., Der Westfalische Frieden, Munster, 1959, p. 494.
[3] Ibidem, p. 495.

ней автор характеризует государственное положение «Священной империи» после Вестфальского мира и на страницах 29—32 касается образования Рейнской лиги. Он рассматривает Рейнскую лигу как организацию, которая должна была «служить интересам французского абсолютизма и была направлена прежде всего против австро-испанской коалиции», как организацию, с помощью которой «Франция смогла распространить свое влияние вплоть до центральной Германии»[1]. В то же время Шильферт видит главную причину этого явления в антинациональном поведении немецких князей, в приверженности их к сепаратизму и ненависти к австрийскому дому Габсбургов. Он пишет «Германия была ареной антинациональных махинаций... Князья частенько прибегали к помощи иностранных держав и щедро пользовались дарованной им Швецией и Францией по Вестфальскому миру «свободой» и «правом союза»[2].

В русской дореволюционной и в советской исторической литературе специальных работ по истории Рейнской лиги нет. Упоминания о ней встречаются в монографии А. Д. Эпштейна, посвященной истории Германии с 1648 по 1848 гг.[3], в V томе «Всемирной истории»[4] и в 36 томе БСЭ второго издания. Во всех трех случаях Рейнская лига рассматривается как орудие Франции в ее борьбе с Габсбургами за сохранение в Германии политических порядков, закрепленных в Вестфальском мире.

Вестфальский мир 1648 года, которым окончилась Тридцатилетняя война в Германии, не восстановил нормальных дипломатических отношений между Германией и Францией прежде всего потому, что Франция оставалась в состоянии войны с Испанией, а внутри Франции вширь и вглубь развертывалась Фронда, грозившая гибелью французскому абсолютизму. Император Германии Фердинанд III не спешил с ратификацией Вестфальского договора и, помышляя о реванше, стремился переправить свои войска Испании и ее союзникам. Уделяя большое внимание вопросу действитель-

---

[1] G. Schilfert, Deutschland 1648—1789. B. 1959, p. 30.
[2] Ibidem, p. 5.
[3] Эпштейн А. Д. История Германии от позднего средневековья до революции 1848. Изд. ИМО, М., 1961, стр. 194—19
[4] Всемирная история, том V, стр. 403—405, Соцэкгиз, 1958.

ного разоружения Германии, французское правительство предпринимает первые шаги к налаживанию отношений с Германией.

В июне 1650 года агент французского короля Сежон отправляется в Вену. Цель его миссии предложить императору вступить в брак с герцогиней Монпансье, дочерью Гастона Орлеанского и путем этого брачного союза оторвать Фердинанда III от испанских Габсбургов, приобщить его к внешнеполитическим интересам Франции. В Инструкции, данной Сежону, изложены всевозможные осложнения на пути этого бракосочетания[1]. Миссия Сежона не имела успеха. Император выставил условия, неприемлемые для Франции. Он потребовал обмена Брейзаха и Эльзаса, приобретенных по Вестфальскому договору, на владения, которые герцогиня Монпансье принесет императору в качестве приданого[2]. Но, по-видимому, миссия Сежона положила начало возобновлению дипломатических отношений между Парижем и Веной.

После неудачной попытки подчинить австрийских Габсбургов путем брачного союза, французская дипломатия стремится опереться на немецких князей, поднять их доверие к Франции, как защитнице «исконных немецких свобод». Эта политика защиты независимости князей от «притеснений» и «тирании» Вены, политика отделения Империи от императора была не новой для Франции. Она восходит еще ко времени Генриха IV, ее последовательно и твердо проводил Ришелье. «Такая политика, — отмечает Эпштейн, — ограждала Францию от подозрений в нарушении равновесия и позволяла ей впредь консервировать раздробленность Германии под предлогом защиты ее мелкодержавных властителей от новых абсолютистских притязаний Габсбургов»[3]. При Мазарини эта традиционная политика французской дипломатии получила официальное признание. Вестфальский мир закрепил за Францией права гаранта и защитника «исконных немецких свобод и вольно-

---

[1] «Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu à la Révolution francaise» t. 1, p. 33.

[2] Ibidem, p. 37.

[3] Эпштейн А. Д. История Германии от позднего средневековья до революции 1848. Изд. ИМО. 1961, стр. 145.

сти»[1]. Опираясь на это право, французская дипломатия развивает активную деятельность по руководству немецкими делами от берегов Рейна до Балтики.

Что же встретила французская дипломатия в Германии? По Вестфальскому договору император Фердинанд III не только подтвердил прежние иммунитеты и привилегии немецких князей, но и предоставил им право заключать частные союзы как между собой, так и с иностранными государствами[2]. С этого времени с внутренним единством Германии было покончено не только де-факто но и де-юре. Вестфальский мир означал официальную ликвидацию «священной Римской империи». Немецкий марксистский историк Шильферт в своей работе Германия 1648—1789 годов отмечает: «Она была конгломератом отдельных территорий, правители которых считались лишь со своими собственными интересами...»[3]

После подписания Вестфальского мира армии обеих сторон еще долгое время оставались в состоянии боевой готовности. Император медлил с роспуском и разоружением своих войск. Французское правительство также не спешило отводить свои гарнизоны. Не покидали крепостей и территорий также и испанские войска, расположенные в западных районах Германии. Немецкие, французские и испанские солдаты хозяйничали в Германии, топтали и грабили ее земли. Наибольшая опасность шла из бургундских земель со стороны испанцев и лотарингского герцога Карла IV, которых фактически поддерживал император.

Видя приверженность императора к испанскому двору, немецкие князья боялись, что если франко-испанская война затянется, то Германия снова будет вовлечена в войну. В целях организации защиты своих земель от испанских и лотарингских войск, под знаменем которых нередко сражались императорские войска, западногерманские князья приходят к мысли об организации совместной защиты. Однако различные политические и религиозные интересы и распри князей не да-

---

[1] Dumont. Corps diplomatique universel du droit des gens, t. VI, part. I, p. 459.
[2] Ibidem, p. 451.
[3] G. Schilfert, Deutschland 1648—1789. B. 1959, p. 5.

вали возможности думать об объединении в масштабе всей Германии. Яркую картину этой всесторонней разобщенности немецких князей рисует Прибрам. Он пишет: «...В то время как французы, испанцы, англичане были полны чувством национальной гордости и в часы опасности выступали сплоченно против общих врагов... немец был немцу самым большим врагом. Этому способствовали религиозные и политические обстоятельства»[1]. Это же положение подчеркивает и другой немецкий историк Лампрехт, когда говорит: «Немцы в первую очередь дрались против немцев»[2]. При таких обстоятельствах защита земель, свободы и независимости отдельных княжеств могла пойти по линии организации региональных союзов и объединений. Больше всего боялись за свою свободу и независимость князья рейнских земель, где были расположены войска обеих воюющих сторон.

21 марта 1651 года представители трех духовных рейнских князей — курфюрстов Майнцского, Кельнского и Трирского собрались во Франкфурте и заключили соглашение. Это было оборонительное соглашение, рассчитанное на взаимную поддержку в случае военной опасности. Оно предусматривало организацию общесоюзного войска численностью в 305 конных и 2100 пеших воинов. Соглашение было подписано на 3 года[3]. Оборонительный союз трех рейнских духовных князей был вызван к жизни тревожным положением на западных границах империи. Но с самого начала он выходил за рамки обычного местного союза, так как допускал в свои ряды князей других округов. Было послано приглашение трем имперским округам — Франкфуртскому, Швабскому и Вестфальскому, принять участие во Франкфуртском соглашении от 21 марта 1651 года. Таким образом, делали ставку на расширение числа союзников и увеличение военной силы. Это обстоятельство позволяет рассматривать данное местное оборонительное соглашение трех католических князей, как

---

1 A. Pribram, Beitrag zur Geschichte des Rheinbundes von 1658. Wien 1887. p. 100.

2 K. Lamprecht, Deutsche Geschichte, Bd. VI, 1904, p. 364.

3 Dumont. Corps diplomatique universel du droit des gens, t. VI, part, II, p. 97.

действительного предшественника Рейнского союза 1658 года.

Соглашение, подписанное католическими князьями рейнской Германии, вызвало тревогу среди протестантских государей Германии. Осенью того же года в городе Гильдесгейме был создан союз ряда протестантских князей, в состав которого вошли: герцоги Брауншвейгский и Люнебургский, ландграф Гессен-Кассельский и король Швеции в качестве владельца Бремена, Вердена и Висмара, которые отошли к нему по Вестфальскому договору[1]. Протестантский союз образовался на аналогичных с католическим соглашением условиях, с целью защиты своих территорий и своей независимости.

Оба союза — католический и протестантский — возникли внутри Германии, опираясь на статьи Вестфальского договора, были вызваны к жизни напряженным положением на западных границах, недоверием к австрийскому императору Фердинанду III, который, нарушая мирный договор 1648 года, поддерживал испанских Габсбургов (передавал им войска, и, нарушая права князей, расквартировывал свои войска вдоль Рейна). Союзы возникли как средство коллективной защиты и взаимной помощи и, хотя были организованы по религиозному принципу, представляли собой в первую очередь политические образования, так как были направлены против императора.

В декабре 1652 года император Фердинанд III созывает в Ратисбоне собрание сословных представителей— Рейхстаг, с целью разрешить на нем ряд задач: 1) рассмотреть и ратифицировать Вестфальский договор; 2) уверить князей в готовности венского двора выполнять мирный договор и тем самым сделать ненужными возникшие союзы католических и протестантских князей; 3) провести выборы своего сына в римские короли[2]. Ратисбонское собрание проходило с декабря 1652 по май 1654 года в целом под знаком торжества политики венского двора. Эрцгерцог Фердинанд был избран в римские короли и тотчас же коронован под именем

---

[1] Valfrey, Hugues de Lionne (ses ambassades en Espagne et en Allemagne) Paris 1881, p. 157.

[2] Anquetil, Motifs des guerres et des traités de paix de la France, Paris, An 6 de la République, p. 76.

короля Фердинанда IV. Император добился ратификации Вестфальского договора и введения в собрание восьми новых членов, главным образом из подданных Австрийского дома, что усилило позиции Габсбургов в Рейхстаге. В своем намерении добиться ликвидации союзов немецких князей император, однако, потерпел поражение. Князья остались убежденными в необходимости укрепления союзов.

По истечении трех лет, в декабре 1654 года, союз католических князей был возобновлен, но в измененном составе. На этот раз его подписали четыре духовных католических князя: архиепископы Кельнский и Трирский, епископы Мюнстерский и Пфальцский. В августе 1655 года в союз вступил курфюрст Майнцский. Вскоре он был избран председателем. Встав во главе союза рейнских католических князей, курфюрст Майнцский выступил с предложением пригласить какую-либо из великих держав Европы, не взирая на то, к какому вероисповеданию она принадлежит, принять участие в союзе католических князей. Это должно было усилить союз. Одновременно он вступает в переговоры с князьями Брауншвейга, Гессен-Касселя и курфюрстом Бранденбурга на предмет объединения католического и протестантского союзов в один союз[1].

Энергичная деятельность курфюрста Майнцского, направленная на расширение союза, на объединение с протестантами, а также намерение привлечь к союзу одну из великих держав Европы, серьезно встревожили императора. Венский двор решает провести в католический союз императора Фердинанда III и курфюрста Баварии Фердинанда Мария с тем, чтобы обеспечить переход руководства делами союза в руки главы империи и поставить союз католических князей на службу своим интересам. Представитель венского двора Фольмар встречается по этому вопросу с курфюрстом Майнцским, ведет с ним переговоры, но успеха не имеет[2].

Франция формально не участвовала в создании Католической лиги и Протестантской унии немецких князей. Но условия для их возникновения были подготовлены ею, когда она провела в Вестфальский договор

---

[1] K. Lamprecht, Deutsche Geschichte, Bd VII, p. 458. A. Pribram, Beitrag zur Geschichte des Rheinbundes, p. 115.

[2] A. Pribram, Beitrag zur Geschichte des Rheinbundes, p. 166.

статью о праве князей во всякое время заключать союзы между собой и с иностранными державами для сохранения безопасности. Так как оба союза возникли на основе Вестфальского договора, то Франция на «законном основании» как гарант Вестфальского договора и как противник Габсбургов приветствовала и поддерживала их образование.

Поведение венского двора, его намерения подчинить себе католический союз стали известны Франции. Мазарини срочно направляет во Франкфурт, где заседала коллегия курфюрстов, Роберта Гравеля в качестве своего постоянного представителя. Предварительно Гравель должен был побывать в Майнце, встретиться с курфюрстом и выяснить его истинные намерения относительно союза князей. Роберту Гравелю были даны две инструкции, написанные лично Мазарини. Одна касалась его миссии в Майнц[1], другая определяла его поведение и задачи во Франкфуртском собрании[2]. Обе инструкции свидетельствуют о том, что в центре внимания французской дипломатии в Германии стоял вопрос организации единого союза немецких князей. Наиболее полно раскрывает эту политику вторая инструкция. Она датирована апрелем 1656 года.

Гравелю рекомендовалось в публичных выступлениях и личных аудиенциях подчеркивать дружеские намерения Франции, разузнавать настроение и положение князей, указывать на необходимость возобновить в союзном договоре все пункты Мюнстерского трактата и бороться за точное выполнение их. Указывалось на необходимость напомнить князьям Германии, что одним из главных условий Вестфальского мирного договора является требование невмешательства императора и немецких князей в войну Франции с Испанией, отказ от помощи Испании, от предоставления своей территории для переправы войск. В то же время Гравелю дается указание договориться с князьями Германии, которые были соседями Франции, о предоставлении французскому королю возможности продвигать свои войска в противовес тем, которые посланы императором на по-

---

[1] «Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution francaise», t. 28, part. 1, p. 19—22.

[2] Ibidem, t. 18, p. 35—36.

мощь Испании. В задачу Гравеля входило объединить германских князей, как католиков, так и протестантов, в один союз и противопоставить их дому Габсбургов. «Необходимо, — говорится в инструкции, — чтобы лига состояла из сторонников обеих религиозных партий и поэтому ничего нельзя упускать, чтобы побудить влиятельных князей обеих религий к вступлению в один союз... Если лига не будет общей, она будет скорее вредной чем полезной»[1]. Инструкция определяет направление дальнейшего роста и развития лиги. Лига должна будет включить в свой состав четырех курфюрстов из восьми, все наиболее населенные земли Германии, влиятельных представителей обеих религий, в частности курфюрстов Бранденбургского (протестант) и Майнцского (католик). Франция тоже должна войти в этот союз, но не раньше чем в нее будут приняты Швеция и Бранденбург. «В таком виде лига явится, — писал Мазарини в письме к Д'Авогуру, французскому посланнику в Швеции, — уздой, которая положит предел амбициям австрийского дома и тем нарушениям, которые этот дом постоянно допускает по отношению к Мюнстерскому трактату»[2].

Шведский король Карл Густав в первые годы организации союзов немецких князей обращал на германские дела мало внимания. Это было время его успехов в войне с Польшей, его наибольшей славы и охлаждения в отношениях с Францией. Напротив, Мазарини стремился вовлечь Швецию в союз. В письме к тому же Д'Авогуру Мазарини рекомендует разъяснить шведскому королю, что последствия нарушения Вестфальского мира относятся одинаково как к Франции, так и к Швеции[3]. «Постарайтесь доказать шведскому королю,—пишет Мазарини в другом письме, — что его настоящий и смертельный враг — это Австрийский дом, а настоящий союзник — Франция»[4]. Но к весне 1657 года поведение короля Карла Густава изменилось. К этому времени в Ливонии победоносно начали продвигаться русские войска, венский двор открыто встал на

---

[1] Ibidem, p. 35.
[2] Lettres de Mazarin, t. VII, p. 203.
[3] Ibidem.
[4] Ibidem, p. 420.

сторону Польши и успешно работал над образованием коалиции северных государств против Швеции. Теперь для Карла Густава любая, даже самая незначительная поддержка казалась ценной, и, когда весной 1657 г. ему прислали приглашение принять участие в переговорах во Франкфурте, он тотчас же направил туда своего представителя.

До весны 1657 года все переговоры об образовании единого союза немецких князей не вышли из подготовительной стадии. Французские дипломаты успели лишь заключить одностороннее соглашение с курфюрстом Пфальцским и договор с Бранденбургом.

В апреле 1657 года умер император Фердинанд III. Еще ранее умер его старший сын, коронованный Фердинанд IV. Второй сын, Эрцгерцог Леопольд не достиг необходимого возраста и в силу этого не мог быть избран императором. Наступил 15-месячный период междуцарствия. Все стороны поставили вопрос о союзе в зависимость от исхода выборов. «Известие о смерти императора, — пишет Мазарини французскому посланнику во Франкфурт, — полностью изменило положение вещей; то что требуется королю Франции, теперь будет гораздо легче провести в жизнь...»[1]. Период междуцарствия Франция решила использовать для того, чтобы не допустить больше к императорской власти ненавистный дом Габсбургов[2]. В этом ее поддерживали протестантские государства Европы—Англия и Швеция. Но Франция натолкнулась на упорное сопротивление со стороны испанских Габсбургов. Вопрос о выборах нового императора вышел далеко за пределы империи. «Если наблюдать весь процесс выборов с самого начала и до конца, — замечает историк Эрдманнсдӧрфер,— то в глаза бросается не немецкий, а европейский его характер»[3]. И это действительно так. Все 15 месяцев были наполнены острой дипломатической борьбой, главными силами в которой выступали Франция и Испания в лице Мазарини и Пеньярандо, Гравеля и Фуэнтеса. Обе стороны развивали самую активную деятель-

---

[1] Ibidem, p. 451.

[2] Ibidem, t. VIII, p. 32.

[3] Erdmannsdörfer, Deutsche Geschichte vom Westfalischen Frieden bis zum Regierungsantritt Friedriche des Grosen 1648—1740, Bd. II, 1892, p. 295.

ность среди князей, раздавая им пенсии и подарки. Деньги были главным средством в отношениях с князьями. Даже немецкий историк Иоахим, который старался в своей монографии обелить князей перед немецким народом, вынужден был признать, что «руки немногих остались тогда чистыми» и что немецкие князья с одинаковой готовностью брали золото как французское, так и испанское. «Здесь обнаруживается самое большое зло», — заключает Иоахим[1].

С апреля по июль 1657 года Мазарини занимается предварительными переговорами. В своей корреспонденции к французским посланникам в различных государствах он постоянно касается вопроса о выборах нового императора. Так, в послании к Д' Авогуру Мазарини рекомендует подчеркнуть перед шведским королем, что в отстранении Габсбургов от императорской власти он заинтересован больше чем Франция, так как австрийские Габсбурги выступили против него в союзе с Польшей[2]. Он посылает Гравелю специальный меморандум, с которым рекомендует выступить в собрании курфюрстов во Франкфурте. В нем перечисляются все действия покойного императора, направленные на нарушение Вестфальского договора и напоминается, что австрийские Габсбурги непрерывно ведут атаки на германские «свободы». Мазарини торопит Бордо, французского посланника в Англии, употребить все свое влияние на Кромвеля, чтобы склонить его на свою сторону в вопросе выборов императора.

Расчет Мазарини на поддержку Англии в этом вопросе имел под собой серьезные основания в силу довольно острых англо-австрийских противоречий, которые вытекали как из внутренней, так и из внешней политики этих двух государств. Англия была передовой буржуазной республикой с господством протестантизма. Австрия — оплот феодализма и католической реакции. Поддерживая реакционные силы в Англии, Австрия выступала ее домашним врагом. Являясь оплотом католицизма в Европе, она препятствовала образованию союза протестантских государств в Европе, над

---

[1] E. Ioachim, Die Entwicklung des Rheinbundes vom 1658. Wien 1887, p. 504.

[2] Lettres de Mazarin, t. VII, p. 528.

которым работал Кромвель. Все это неизбежно должно было привести Кромвеля к борьбе с Габсбургами. Кромвель стремился объединить силы протестантов, создать большую протестантскую лигу из европейских держав для ослабления Габсбургов[1]. С этой целью (наряду с торговыми интересами на Балтийском море) он заключает договоры в 1654 году сначала с Швецией, а затем и с Данией, выступает посредником между воюющими странами на севере Европы в 1657 году. Ему нужен был мир на Севере для того, чтобы направить силы протестантских государств на борьбу с общим врагом протестантов — австрийскими и испанскими Габсбургами. Когда умер император Фердинанд III, Кромвель решил объединить протестантских государей вокруг задачи избрания нового императора, не принадлежащего к фамилии Габсбургов. Уже в мае 1657 года Кромвель в беседе с агентом курфюрста Бранденбургского Шлецером высказал подобную мысль[2].

Руководители внешней политики Франции и Англии — Мазарини и Кромвель — понимали, что в их общих интересах не допустить после смерти Фердинанда III перехода императорской власти в руки Габсбургов. Вот почему в Парижском договоре 1657 года между Францией и Англией этот момент нашел свое отражение. Статья XIV этого договора гласила: «Протектор обещает также употребить все средства, чтобы выборы римского императора пали на Христианнейшего короля или, по крайней мере, помешать, чтобы на трон вступил кто-либо из Австрийского дома или их союзников»[3].

Таким образом, вопрос о выборах императора выходил далеко за пределы Империи и держал в напряжении всю европейскую дипломатию. Франция, Англия, Швеция, Испания и Австрия — все сосредотачивают свое внимание на этом вопросе, так как борьба за императорский престол была важным этапом в борьбе Габ-

---

[1] Ibidem, t. VII, p. p. 251, 434—435.

[2] Подробно этот вопрос см.: С. И. Архангельский, Внешняя политика Оливера Кромвеля. «Исторический журнал», № 5—6, 1943. Его же, отношения Англии с протестантской и католической Европой. «Вопросы истории», № 1, 1946.

[3] Dumont. Corps diplomatique universel du droit des gens, t. VI, part. II. p. p. 178—179.

сбургов и антигабсбургской коалиции за господство в Европе.

В июле 1657 года Мазарини отправляет во Франкфурт чрезвычайное посольство в составе двух выдающихся дипломатов Грамона и Льона. В их задачу входило оказать решающее влияние на курфюрстов в вопросе о выборах, добиться отстранения австрийских Габсбургов и возвести на престол другого немецкого князя, не связанного с Испанией[1]. Мазарини рекомендует послам при встречах с курфюрстами сделать ударение на том, что им представился «редкий случай показать всей Европе, что императорская должность не есть наследство одного только дома, которым совет Испании может распоряжаться по своей прихоти ,как он и делал это до настоящего времени, но что она зависит от их голосов»[2]. Опираясь на прочные позиции Роберта Гравеля во Франкфуртском собрании, чрезвычайное Французское посольство должно было дать Мадридскому двору дипломатическое сражение перед лицом всей Европы. Для того чтобы выиграть это дипломатическое сражение, Французское правительство ассигнует 3 млн. «Как бы ни были истощены финансы, деньги будут добыты, — писал Мазарини Грамону. — Но необходимо также принять все меры предосторожности, чтобы ничего не потерять... Или надо сделать так, чтобы император не был из Австрийского дома, или же надо сохранить наши деньги на армию и вооружение против императора»[3]. Инструкция, данная Грамону и Льону, свидетельствует о том, что по мере того как растет надежда вырвать императорскую корону из рук Габсбургов и передать ее другому князю, Мазарини берет под сомнение целесообразность союза немецких князей и особенно участие в нем Франции. «Король считает эту лигу за исключительно деликатное дело, — пишет Мазарини.—Она была предложена еще при жизни императора. Тогда цель союза была очень хороша... Сегодня же польза этого объединения кажется много сомнительнее, так как если выбор падет на какого-либо князя, не

---

[1] Lettres de Mazarin, t. VII, p. 37.

[2] A. Pribram, Beitrag zur Geschichte des Rheinbundes von 1658. p. 135.

[3] Lettres de Mazarin, t. VIII, p. 124.

принадлежащего к дому Габсбургов, то союз явится излишним»[1]. Вопрос о Рейнской лиге снимается с повестки дня французской дипломатии.

Кого же французская дипломатия противопоставляла Леопольду Габсбургу в качестве претендента на императорский престол?

В этой связи обращают на себя внимание и приобретают исключительный интерес два письма Мазарини, написанные в июле 1657 года и адресованные Грамону и Льону. Одно из них, от 15 июля, гласит: «Король не думает об Империи для себя, а думает только о том, чтобы исключить Австрийский дом и поставить на престол другого принца, который не был бы связан с испанской короной»[2]. Эти строки направлены, по-видимому, на опровержение слухов о том, что Людовик XIV хотел стать императором. Второе письмо от 29 июля, напротив, утверждает, что король может взять на себя роль суверенного владыки в Германии и Италии. «Если князья Германии отклонят кандидатуры курфюрста Баварии Фердинанда Мария и пфальцграфа Нейбургского и предпочтут короля Франции, то надо будет постараться над этим с большой сдержанностью»[3].

Намерение Мазарини возложить императорскую корону на голову Людовика XIV, нашло свое отражение в дополнительных статьях к Парижскому договору с Англией, подписанных в мае 1657 года[4].

Но, по-видимому, Мазарини, трезво оценивая положение вещей, мало верил в осуществление этой заветной мечты. Вся дальнейшая переписка, начиная с 29 мая и до самых выборов, свидетельствует о том, что он больше надеялся на передачу короны курфюрсту Баварии Фердинанду Марию.

Коллегия курфюрстов со времени Вестфальского мира состояла из 8 членов — трех духовных курфюрстов и пяти светских. Это были архиепископы Майнцский, Кельнский и Трирский, курфюрсты Пфальцский, Бранденбургский, Саксонский, король Чешский и курфюрст

---

1 A. Pribram, Beitrag zur Geschichte des Rheinbundes von 1658. p. 145.
2 Lettres de Mazarin, t. VII, p. 37.
3 Ibidem, p. 71.
4 Dumont. Corps diplomatique universel du droit des gens, t. VI, part. II, p. 178—179.

Баварский. Председательство в коллегии курфюрстов принадлежало курфюрсту Майнцскому, верховному канцлеру Империи, Иоганну Филиппу Шенборну, который пользовался большим влиянием среди всех духовных рейнских курфюрстов. Его поведение могло быть решающим. Теперь на него было возложено руководство выборами. Мазарини рассчитывал встретить в нем союзника, так как Иоганн Филипп стал архиепископом Майнца только лишь благодаря Франции. В письме от 5 июля 1657 года Мазарини говорит о том, что курфюрсты Майнцский, Кельнский, Трирский находятся на стороне Франции и надо только договориться с курфюрстом Пфальцским, чтобы считать дело выигранным[1]. Мазарини не сомневался, что курфюрст Пфальцский будет на стороне Франции, ибо еще в июле 1656 г. он подписал с Францией договор, по которому за значительное вознаграждение обещал одобрительно встречать все намерения французского короля в Империи.

Среди светских курфюрстов самой крупной фигурой был Леопольд Габсбург, король Венгрии и Чехии, сын покойного императора, претендент на престол. Он находился под влиянием испанских Габсбургов. В Вене неотлучно пребывал испанский посланник Даго Фуэнтес, который поддерживал Леопольда и направлял его действия. Одновременно испанский дипломат Пеньярандо вел большую работу среди князей Германии. Затем следовал курфюрст Баварии Фердинанд Мария. Человек слабый и нерешительный, он находился под влиянием окружающих его родственников. Мать курфюрста была сестрой покойного императора, теткой Леопольда и стремилась склонить курфюрста Баварии на сторону австрийских Габсбургов, а жена, принцесса савойская, считала, что Фердинанд Марий должен оспаривать императорскую корону у Леопольда. Обе стороны, французская и испанская, упорно боролись за голос Фердинанда Мария. Мазарини, как уже говорилось, выдвинул курфюрста Баварского в качестве претендента на императорский престол. Венский двор зорко наблюдал за поведением курфюрста Баварского. Однако, уже в августе 1657 года Фердинанд Мария послал в Вену твердое заверение в том, что он не будет выдви-

---

[1] Lettres de Mazarin, t. VII, p. p. 12—13.

гать свою кандидатуру в императоры и отдает свой голос в пользу Леопольда Габсбурга[1].

Курфюрст Бранденбургский с 24 февраля 1656 года имел с Францией оборонительный союз на шесть лет и во Франции считали, что это обеспечивает за Францией голос курфюрста и в вопросе о выборах императора.

Такова была обстановка в Германии к моменту прибытия туда чрезвычайного посольства Грамона и Льона.

Иоганн Филипп Майнцский, человек тщеславный и властолюбивый, руководя выборами, имел и очень настойчиво преследовал собственную цель: укрепить свое исключительное положение в коллегии курфюрстов и в Империи не только на время выборов, но и на дальнейшее, он стремился встать между будущим императором и Империей, как независимая и руководящая сила. Так как сложность положения Империи уходила своими корнями в затянувшуюся франко-испанскую войну, то, по мнению курфюрста Майнцского, немецкие курфюрсты должны выступить посредниками между воюющими сторонами и добиться мира для Империи, а для себя исключительного уважения и веса во всей Европе. С сентября 1657 года курфюрст Майнцский начал действовать в этом направлении. Довольно осторожно, но твердо он дает понять двору Франции, что ни для него, ни для его коллег не представляется возможным посадить молодого короля Франции на императорский трон и что они склонны отдать свои голоса королю Леопольду, предварительно приняв от него клятву точно соблюдать Мюнстерский трактат и заключить вместе с Францией военный союз, который будет действовать, если император Леопольд нарушит мир[2].

Такое решение духовных курфюрстов вызвало у Мазарини негодование, ибо в нем он увидел угрозу своему главному плану — изъять императорскую коро-

---

[1] Erdmannsdörfer, Deutsche Geschichte vom Westfalischen Frieden bis zum Regierungsantritt Friedriche des Grosen 1648—1740. Bd. 11, p. 300.

[2] «Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution francaise», t. 28, 1, p. XIII. Lettres de Mazarin, t. VIII, p. 114.

ну из рук Габсбургов. Он шлет своим посланникам во Франкфурт гневное и протестующее письмо и поручает Грамону и Льону заявить, что король Франции «отнюдь не может быть доволен подслащенной пилюлей, которую ему предлагают проглотить... Король не может быть доволен возведением на престол австрийского князя, какие бы при этом не предлагались меры предосторожности»[1].

В феврале 1658 г. выяснилась позиция курфюрста Бранденбургского. Он вступил в союз с Польшей и Австрией против Швеции и это определило его поведение в выборном вопросе, он отдавал свой голос за Леопольда[2].

В течение января и февраля 1658 года стало ясно, что пять курфюрстов из 8 готовы подать свои голоса за Леопольда Габсбурга. Это были курфюрсты: Баварский, Бранденбургский, Саксонский, Майнцский и Трирский. Шестым был сам Леопольд. Дело Франции было проиграно. Исход пятнадцатимесячной дипломатической борьбы за императорскую корону закончился в пользу австрийских Габсбургов. Потрачено зря огромное количество денег, сил, времени. Причины этого лежали в ряде обстоятельств как частного, так и общего порядка.

Во-первых, острые противоречия между Швецией и Бранденбургом из-за Померании привели курфюрста Фридриха-Вильгельма Бранденбургского на сторону Австрии. Объединить усилия всех протестантов на севере Европы не удалось. Во-вторых, расчеты Мазарини перевести императорский двор из Вены в Мюнхен, возложив императорскую корону на голову Фердинанда Мария, не увенчались успехом, курфюрст Баварии остался верен австрийским Габсбургам, кабинет Мюнхена оказался недоступен французскому влиянию. И в этом большая заслуга испанской дипломатии, которая проявила исключительное упорство и твердость. Мазарини сам признавал, что «никогда министры Испании не проявляли такой твердости в делах австрийского дома Габсбургов, как маркиз Даго Фуентес после смерти императора»[3]. В-третьих, французская дипломатия

---

[1] Ibidem, p. 156.
[2] Ibidem, p. 192.
[3] Ibidem, p. 72.

натолкнулась на сопротивление князей, которое по выражению Ауербаха «сильно походило на германский патриотизм». Суть этого «патриотизма», на наш взгляд, заключалась в стремлении князей сохранить в Германии то равновесие между княжеской территориальной свободой и независимостью, домом Габсбургов и странами победительницами, которое было определено и закреплено в Вестфальском мире. Это равновесие больше всего устраивало немецких князей. Выразителем этих стремлений был верховный канцлер Германии, глава коллегии курфюрстов Иоганн Филипп Майнцский. Он прекрасно понимал, что усиление влияния Франции в делах Германии означает зло не меньшее, а большее. Проводя двурушническую политику, лавируя между Габсбургами и Бурбонами, он дезориентировал французскую дипломатию, вошел в секретные переговоры с венским двором и за 100 тысяч экю отдал свой голос Леопольду.

Австрийские Габсбурги устояли. В июле 1658 г. Леопольд был избран императором. Поражение, понесенное Францией в выборном вопросе, не означало полного поражения французской политики в послевоенной Германии. Франция не утратила своих позиций и своего влияния при дворах большинства курфюрстов. Последние по-прежнему смотрели на нее как на гаранта и защитника исконных «немецких свобод» и Вестфальского мира. В силу этого Мазарини меняет гнев на милость и возвращается к своему первоначальному плану — укрепление союза с князьями против Габсбургов. Новому императору была навязана капитуляция (условия, продиктованные суверену перед вступлением его на престол), содержание которой во многом было подготовлено Францией. Капитуляция Леопольда I содержит 47 статей, написанных в виде обязательств Леопольда перед коллегией курфюрстов и ограничивающих его власть как главы Империи[1].

Анализ статей капитуляции показывает, что составители ее преследовали две цели: во-первых, заставить императора выполнять условия Вестфальского договора и в первую очередь пункт о нейтралитете Германии

---

[1] Dumont. Corps diplomatique universel du droit des gens, t. VI, part. II, p. p. 226—234.

в войне испанских Габсбургов с Францией (статьи 13 и 14); во-вторых, еще раз подтвердить полную свободу имперских чинов и, прежде всего, курфюрстов и князей. Так, статья 13 капитуляции обязывала Леопольда не вводить без согласия курфюрстов в пределы Империи какие-либо войска; строго и неуклонно соблюдать мирные договоры, заключенные в Мюнстере и Оснабрюке, ни под каким видом или предлогом не оказывать помощи внешним врагам французской короны, не снабжать ее противников ни оружием, ни денежными средствами, ни солдатами, ни продовольствием, ни вообще чем-либо; не позволять каким-либо войскам действовать в нарушение Мюнстерского—Оснабрюкского мира, располагаться на землях Империи лагерем или иметь здесь зимние квартиры, или проходить по ее территории[1].

Ст. 14 касалась непосредственно войны, которая шла в это время между Испанией и Францией в Бургундском округе и в Италии. Она обязывала императора Леопольда I никоим образом не вмешиваться в войны, которые идут в настоящее время в Италии и в Бургундском округе, ни в качестве императора, ни руководствуясь интересами Габсбургского австрийского дома; не оказывать врагам французской короны, или врагам ее союзников в Италии, или в Бургундском округе помощи солдатами, деньгами, оружием или чем-либо прочим, а также не оказывать им каким-либо иным способом содействия и поддержки[2].

Перечисленные 13 и 14 статьи отвечали задачам французской дипломатии, они лишали нового императора возможности оказывать поддержку Испании в войне с Францией. Эти статьи явились предметом острой борьбы в коллегии курфюрстов, в результате которой статьи были распространены и на Францию. В них говорилось, что Французская корона равно, как и ее союзники, не станут оказывать помощи солдатами, деньгами, оружием или другими способами врагам императора, империи, австрийского дома, какого-либо курфюрста, князя или городов, действующих совместно или каждому в

---

1 Ibidem, p. 220.
2 Ibidem.

отдельности[1]. Это положение несколько снижало ценность капитуляции для Франции и в полной мере отражало стремление курфюрстов к равновесию сил в Германии.

Леопольд обязывался также позаботиться о том, чтобы обе враждующие короны—французская и испанская—заключили мир[2].

Все остальные статьи капитуляции касались отношений императора и империи. Император подтверждал всем чинам империи, включая и имперское дворянство, их суверенные права, юрисдикции, вольность, привилегии, конституционные права и права, возникшие из обычая, какими они обладали до этого времени, без всякой урезки и ограничений[3]. Капитуляция предоставляла право курфюрстам собираться по собственному усмотрению и принимать решения как на общих собраниях курфюрстов, так и на отдельных совещаниях рейнских курфюрстов. Леопольд обязывался не препятствовать собраниям курфюрстов и одобрять их решения[4].

Леопольд подтверждал и обязывался: 1) соблюдать исключительное право курфюрстов и князей объединяться в союзы и лиги, которые созданы ради совместной защиты той или иной провинции, ради блага Империи[5]; 2) не вступать в союзы и не заключать договоры с иностранными державами, а равно не предпринимать в Империи что-либо без согласия курфюрстов, князей и имперских городов[6]; без ведома и согласия коллегии курфюрстов не отдавать что-либо из владений Священной Римской Империи в дар, или закладывать, или предоставлять во временное пользование, или отчуждать навсегда и, вообще, причинять ей какой-либо ущерб[7], не строить на территориях и в провинциях, принадлежащих курфюрстам, князьям или городам, ни одной новой крепости и не укреплять заново старых крепостей[8]; 3) вербовать войско в целях обороны Империи

---

1 Ibidem, p. 220.
2 Ibidem.
3 Ibidem, p. 227.
4 Ibidem, p. p. 227—228.
5 Ibidem, p. 228.
6 Ibidem, p. 229.
7 Ibidem.
8 Ibidem.

и выводить его за пределы Империи только с согласия курфюрстов[1]; не увеличивать без согласия коллегии курфюрстов прежде введенные пошлины и не вводить новых пошлин[2]; не предоставлять кому-либо без ведома и согласия курфюрстов привилегий и прав на чеканку монеты[3].

Капитуляция подтверждала все старинные права и конституционные свободы курфюрстов, князей и имперских городов, предоставленные им в Золотой булле 1356 года, Аугсбургском мире 1555 года, закрепленные и развитые далее в Вестфальском договоре 1648 года. Она подчеркивала все бессилие и всю никчемность коронованной особы — императора, который существует лишь по воле восьми курфюрстов. Это особенно видно из 36 статьи Капитуляции[4].

В целом капитуляция отражает интересы курфюрстов, князей и стоящих за их спиной иностранных государств — Франции и Швеции. Она свидетельствует о дальнейшем развитии мелко-государственного партикуляризма в Германии, который так рьяно защищала французская монархия. Последняя зорко наблюдала за положением дел в Германии, строго оберегала «свободу и вольности» германских князей. Франция прекрасно понимала, что она может упрочить свое положение гегемона в Европе и расширить свои границы до Рейна только при условии сохранения раздробленности Германии. Объединение Германии было невыгодно и для Швеции, установившей вследствие внутренней слабости Германии свое господство на северо-востоке Европы. «Единство Германии, — отмечал Энгельс, — не было только германским вопросом. Со времени Тридцатилетней войны уже ни одно общегерманское дело не решалось без весьма ощутительного иностранного вмешательства»[1].

Опасность потери императорской короны заставила Леопольда I Габсбурга принять столь тяжелые и унизительные условия Капитуляции, в том числе статьи 13

---

1 Ibidem, p. 230.
2 Ibidem.
3 Ibidem, p. 232.
4 Ibidem.
5 Ф. Энгельс. Роль насилия в истории. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2-ое, том 21, стр. 425.

и 14, наиболее ненавистные ему, так как они были направлены на отрыв политики Вены от политики Мадрида, на изоляцию Испании и разгром ее в войне с Францией. В конечном итоге все это означало крушение последних надежд австрийского дома Габсбургов дать Франции и Швеции реванш за поражение в Тридцатилетней войне, за позорный Вестфальский мир.

Как только был решен вопрос о выборах императора и Леопольд I Габсбург занял императорский престол, у французской монархии отпали все колебания по вопросу о союзе князей Германии. Теперь французская монархия рассматривает будущую лигу не только как гарантию Мюнстерского трактата, но и как гарантию выполнения Капитуляции[1]. Однако первоначальный план союза, который предполагал объединение рейнских католических князей с протестантскими князьями и в частности с Бранденбургом и Швецией не мог быть осуществлен. Фридрих-Вильгельм Бранденбургский готовился к войне с Швецией из-за Померании, и в силу этого, еще 15 февраля 1658 года заключил соглашение с домом австрийских Габсбургов[2]. Вопрос о Бранденбурге отпал. Рейнские курфюрсты хотели избежать принятия в союз и Швеции. Они выдвинули дополнительные условия, затрудняющие вступление Швеции в союз. Так они считали возможным принять короля Швеции в союз лишь в качестве владельца Бремена и Вердена, но не как герцога Померании и при условии полной гарантии нейтралитета Бремена и Вердена на случай войны Швеции с Бранденбургом.

30 июля 1658 года все участники переговоров о союзе, за исключением Швеции и Бранденбурга, собрались во Франкфурте на заседание, которое продолжалось две недели. Под влиянием французской дипломатии было решено, что король Швеции войдет в союз, но только в качестве владельца Бремена и Вердена.

14 августа 1658 года состоялось окончательное оформление союза немецких князей, известного в истории под именем Рейнской лиги, так как в него вошли в первую очередь рейнские курфюрсты и князья, а в

---

[1] Lettres de Mazarin, t. VII, p. p. 266, 348.
[2] Ibidem, p. 192.

основу было положено соглашение, достигнутое ими еще в 1654 году.

Рейнскую лигу образовали курфюрсты Майнцский, Кельнский, Пфальцский, герцоги Брауншвейгский и Люнебургский, ландграф Гессен-Кассельский, король Швеции в качестве герцога Бремена и Вердена, а также Франция.

В вводной части Франкфуртского договора, подписанного 14 августа 1658 года, указаны причины, побудившие князей вступить в союз. Это были: «тяжелые и нетерпимые насилия, связанные с войной (расквартирование войск, переходы войск, военные грабежи, налоговое обложение), которые имели место в отдельных землях Империи и были чинимы императором вопреки Вестфальскому договору, установившему мир в Германии»[1]. В статьях 1, 5 и 22 Франкфуртского договора говорится о целях этой лиги, подчеркивается ее мирный и частный характер, указывается, что союз создается «для сохранения права, справедливости, немецкой свободы и Вестфальского мира и ни в коем случае не направлен против порядка, установленного в Римской империи; напротив, он создан для защиты и охраны его от насилия»[2].

Для осуществления указанной защиты права, справедливости немецкой свободы и Вестфальского мира каждый союзник должен был, согласно принятому решению предоставить, в случае необходимости, в распоряжение союза определенное количество конницы и пехоты. Договор определял контингент военных сил в 10 тысяч, учреждал военный совет, в котором были представлены все члены, и должность командующего войсками союза с титулом генерал-капитана[3].

Союзники договорились, что они будут сохранять нейтралитет в случае войны короля Швеции Карла-Густава с его соседями, но с оговоркой, что если Карл-Густав будет атакован в его владениях Бременском и Верденском, он имеет право на помощь союзников, кто бы ни был агрессор[4].

---

[1] Dumont. Corps diplomatique universel du droit des gens, t. VI, part. 11, p. 235.
[2] Ibidem, p. p. 236—237, 239.
[3] Ibidem, p. p. 237—238.
[4] Ibidem, p. 236.

Продолжительность действия данного договора определялась в три года, но оговаривалось, что, если по истечении трех лет союзники будут находиться в состоянии войны, договор остается в силе до конца военных действий.

На следующий день все подписавшие соглашение во Франкфурте отправились в Майнц к Грамону и Льону. Там было подписано соглашение с Францией.

В вводной части Майнцского соглашения, подписанного 15 августа Францией, а также в статьях 1, 2 и 4, говорится, что король Людовик XIV согласен на образование с курфюрстами и союзными князьями оборонительного союза на базе Вестфальского мира[1] и обязуется не вводить в действие армий против Империи, не вести враждебных действий против курфюрстов и князей или против их государств и провинций, не облагать их контрибуцией, зимними постоями или другими военными повинностями, не нарушать их спокойствия и не допускать набора солдат во Франции или в Эльзасе для нападения на Империю или курфюрстов и князей, которые вошли в этот союз или войдут впредь; не помогать их врагам ни пушками, ни порохом[2], а также поставить на свои средства в союзную армию 1600 человек пехоты и 800 конных с надлежащим числом пушек[3].

Все вышеприведенные статьи содержат обязательства французского короля по отношению к курфюрстам и другим союзным князьям. В свою очередь, курфюрсты и князья обещают соблюдать мир с королем Французского королевства и со всеми землями, которые ему подвластны; не помогать ни прямо, ни косвенно войсками или деньгами тем, кто захочет, в ущерб мирному договору, атаковать короля или земли, приобретенные им во владение по мирному договору, или земли, в которых он имеет право содержать гарнизоны[4].

Майнцский договор был объявлен частным соглашением в целях сохранения мира. В нем говорилось, что курфюрсты и князья, вошедшие в союз с Францией, никоим образом не примут участия во франко-ис-

---

1 Ibidem, p. p. 239—240.
2 Ibidem, p. 240.
3 Ibidem.
4 Ibidem.

панской войне. Однако этот договор обязывал всех членов союза и каждого в отдельности, чьи государства находятся на реках и, главным образом, на Рейне, и всюду, где это воможно в силу расположения местности, не допускать, чтобы войска, посланные во Фландрию или другие места против французского короля и его теперешних союзников, переходили через их земли, а также становились на зимние квартиры, не допускать размещения армий и продовольственных запасов[1]. Эта статья Майнцского договора — односторонняя и составлена в интересах Франции: она обязывает курфюрстов и союзных князей не пропускать через свои территории армии, действующие против французского короля, но в ней ничего не говорится об армиях Франции и ее союзников.

Срок действия Майнцского договора так же, как и Франкфуртского — три года, начиная со дня ратификации. Указывалось, однако, что, если к тому времени мир между Францией и Испанией не будет достигнут, действие договора с согласия всех союзников будет продлено. Договоренность об этом должна была быть достигнута во Франкфурте за полгода до истечения срока.

Таким образом, Франкфуртским и Майнцским соглашениями от августа 1658 года закончилась длительная и упорная работа курфюрста Иоганна-Филиппа Майнцского и французской дипломатии, руководимой Мазарини над созданием союза немецких князей под руководством Франции. В состав союза вошли главные княжества западной и северной Германии как католические, так и протестантские. Католическая партия была представлена королем Франции Людовиком XIV, двумя духовными курфюрстами — Майнцским и Кельнским, и пфальц-графом Нейбургским; протестантская партия — королем Швеции Карлом-Густавом, тремя имперскими князьями — Брауншвейгским, Люнебургским и Гессен-Кассельским. Союз, таким образом, примирил католическую лигу и протестантскую унию и создал единую лигу, вошедшую в историю под именем Рейнской, согласно расположению земель договорившихся сторон.

[1] Ibidem, p. 240.

Всеми делами Рейнской лиги ведал постоянный совет, состоявший из представителей союзников, заседавших во Франкфурте. Совет решал спорные вопросы, ведал организацией порядка и размещением союзных взносов, поступавших от каждого члена союза, как в виде денег, так и в виде военных сил, в случае, если будет необходимость поднимать войска для защиты прав и независимости союзников.

Официальная цель Рейнской лиги — защита Вестфальского мира — была четко выражена и во Франкфуртском, и в Майнцском трактатах[1]. Император Леопольд I, уведомленный об организации Рейнской лиги, не мог, в силу этой официальной цели, противиться заключению лиги, тем более, что лига основывалась на статье Вестфальского мира, которая разрешала всем государствам Империи заключать частные союзы как между собой, так и с иностранными государствами[2]. Официально лига была призвана усилить охрану статей Мюнстерского и Оснабрюкского трактатов, а также служить гарантией выполнения Капитуляции Леопольдом I. В этом отношении лига немецких рейнских князей, заключенная 14-го августа во Франкфурте, была оборонительным союзом.

Но как только члены Франкфуртского союза 15 августа подписали Майнцское соглашение, по которому Франция присоединялась к их союзу, стало очевидным, что действительная цель союза выходит далеко за рамки княжеской обороны и защиты мира в Империи. Данные Франции в § 5 обязательства означали, что немецкие князья снова заключают союз против императора с чужим монархом. Немецкие союзники открывали Франции двери для свободного вмешательства в дела Империи под флагом «обороны». Острие этого союза было направлено против императора. Так Майнцское соглашение объявляло о невмешательстве союзных князей в войну между Испанией и Францией, что было в интересах Франции; король получил право располагать всеми союзниками внутри или вне Империи для сохранения «постоянной дружбы и мира в Империи»[3].

---

[1] Ibidem, p. p. 235, 240.
[2] Ibidem, t. VI, part. 1, p. 451.
[3] Ibidem, t. VI, part, 11, p. p. 236, 240.

Немецкие князья, объединенные в союз, обязуются оказывать помощь королю Франции за свой счет в деле охраны его владений на территории Германии, не помогать врагам Франции войсками или деньгами, не допускать переправы войск, предназначенных для действий против Франции, через свои территории, расквартирования их, хранения вооружения и съестных припасов. Все это указывало на то, что Рейнская лига была орудием французской политики в Германии. С помощью Рейнской лиги французская монархия намеревалась определять и, действительно, определяла на протяжении ряда лет внутреннюю и внешнюю политику Германии. Рейнская лига должна была служить оплотом Франции на ее восточной рейнской границе и гарантом того, что императорские войска не пройдут через территорию союзных князей в Нидерланды на помощь испанским Габсбургам.

Однако Рейнская лига вставала на сторону и второй иностранной державы, враждебной австрийскому дому — Швеции. Швеция, вошедшая в союз, обеспечивала, благодаря Рейнской лиге, неприкосновенность своих территорий в Германии, что было для нее очень важно, так как она находилась в войне с Бранденбургом, союзником Австрии.

Рейнская лига оказалась, следовательно, не только оборонительным союзом немецких рейнских князей, но и наступательным союзом Франции и Швеции с князьями Империи против императора. Лига была в то же время и военным союзом. Устанавливалось, что она будет иметь в готовности армию в 10.000 человек, которая призвана предупреждать нарушения Вестфальского мира[1].

Формально президентом этого оборонительного, наступательного и военного союза был избран архиепископ и курфюрст Иоганн-Филипп Майнцский, но фактически главное влияние в союзе и руководство его делами принадлежало Франции. Обильными денежными субсидиями французский двор привлек к себе на службу большинство германских князей и курфюрстов с берегов Рейна, сумел объединить их, несмотря на различия религиозного и политического порядка. Франция

[1] Ibidem, p. p. 237, 240.

обязалась помогать имперским князьям, сохранять территориальное статус-кво, установленное Вестфальским миром.

Французский король Людовик XIV по существу один управлял делами лиги, созданной в сердце Германии. Он вмешивался во внутренние дела Германии, направлял их в своих интересах, ничуть не задумываясь над положением немецкой нации и немецкого государства, над судьбами немецкого народа. Французская дипломатия действовала в Германии по принципу «разделяй и властвуй», она не упускала ни одной возможности для того, чтобы вбить лишний клин, создать лишнее препятствие на пути воссоединения Германии.

Заканчивая характеристику политики Франции в послевоенной Германии, следует отметить: 1) Французская дипломатия, руководимая Мазарини и представленная в Германии Гравелем, Грамоном и Льоном, не имела успеха в борьбе за императорскую корону. Австрийские Габсбурги устояли; 2) Леопольд I Габсбург получил корону ценою отказа от самостоятельной внешней политики и в частности ценою разрыва с Испанией, а также дальнейшего ослабления центральной власти в Империи; 3) Французская дипломатия ценою огромных усилий и затрат добилась слияния двух союзов немецких князей в Германии, католического и протестантского, в одну Рейнскую лигу, где религиозные различия отступили на задний план перед общей политической задачей — борьбой с австрийскими Габсбургами.

Важнейшим итогом деятельности французской дипломатии в послевоенной Германии явилось то, что мадридское правительство было вынуждено начать мирные переговоры с Францией, так как рассчитывать на помощь императора больше не приходилось. А еще ранее, в марте 1657 года, Франция заключила военный союз с Англией против Испании. У Испании не было больше союзников, способных оказать ей действенную помощь в войне с Францией. Она вынуждена была просить мира.

Главная задача французской дипломатии в послевоенной Германии была разрешена успешно. Успех этот стал возможен лишь потому, что французская политика встретила в Германии исключительно благоприятную

обстановку, которая заключалась в стремлении немецких князей любыми средствами, в том числе и союзом с иностранными державами в ущерб всей Германии, защищать и отстаивать свою территориальную свободу и независимость.

В Германии, разбитой и обессиленной Тридцатилетней войной, не было той общественной силы, которая могла бы противостоять союзу немецких князей с иностранными державами, направленному на раскол Германии.

М. Г. ИВАНОВА

УСТАНОВЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОГО СТРОЯ В ЗАПАДНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

(Материалы в помощь учителю)

Изучение курса истории средних веков в школе является важным составным звеном в подведении учащихся к марксистско-ленинскому пониманию истории, как единого и закономерного процесса развития человеческого общества, в основе которого лежит смена способов общественного производства. Средние века — это время господства феодального способа производства, феодального общества и государства. Они составляют определенную ступень в развитии общества, более прогрессивную по сравнению с рабовладельческой формацией.

История средних веков или история феодализма трудна для понимания учащихся шестых классов в силу отдаленности времени, широты хронологических рамок (она охватывает 12 столетий), многотемности и синхронистичности курса, большого количества новых исторических понятий, которые должны усвоить учащиеся. В задачу учителя входит не только сообщить учащимся сумму конкретных исторических знаний, фактов, событий, но и добиться сознательного усвоения основных исторических закономерностей и процессов; составить у учащихся ясные и четкие представления об условиях труда и быта, организации производства и эксплуатации, составе общества и управления, о борьбе народных масс в эпоху феодализма, или, как учил В. И. Ленин: «Дать живую картину известной форма-

ции при строго научном объяснении ее»[1]. Достичь этого можно лишь при условии глубокого изучения и познания самим учителем марксистско-ленинской теории феодализма, путем умелого и строгого отбора фактического материала, предназначенного для учащихся, и широкого использования исторических документов и наглядности как в подготовке, так и при проведении уроков по истории средних веков.

Знакомство с постановкой преподавания истории в шестых классах школ города Ульяновска, районного центра Майны, работа с учителями-заочниками и педагогическая практика студентов свидетельствуют о значительном улучшении постановки преподавания истории средних веков. Стремясь активизировать процесс восприятия и усвоения сложного материала, учителя прибегают к различным методическим приемам и средствам. Используют отрывки из документов и художественной литературы, развертывают по ним беседу с учащимися, привлекают картины и таблицы, проводят работу с конкретными картами, практикуют проведение повторительно-обобщающих уроков, прибегают к техническим средствам (диафильмы, диапозитивы, учебное кино). Все это говорит о том, что идет решительная перестройка преподавания истории в 6-х классах в сторону активного и сознательного усвоения материала учащимися. Этому в значительной степени способствует введение учебника Е. В. Агибаловой и Г. М. Донского[2], выпуск «Художественно-исторической хрестоматии»[3] и ряда других пособий для учителей.

Учебник Е. В. Агибаловой и Г. М. Донского «История средних веков» доступно и просто излагает материал, дает четкие выводы и обобщения, богато иллюстрирован. Все это во многом меняет условия преподавания и требует от учителя более глубокой и всесторонней подготовки.

В задачу настоящей статьи входит оказать учителю практическую помощь в подготовке к проведению уроков по одной из узловых тем курса «Установление

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 139.

[2] Е. В. Агибалова, Г. М. Донской. История средних веков. Учпедгиз, М., 1963.

[3] Художественно-историческая хрестоматия. Средние века. Изд. «Просвещение», М., 1965.

феодального строя в Западной и Центральной Европе», раскрыть теоретическое и конкретно-историческое содержание проблемы генезиса феодализма, для этого: 1) проследить разложение общинно-родовых порядков у германцев и эволюцию общины, становление крупного землевладения и класса зависимых крестьян, дать характеристику основной хозяйственной организации эпохи феодализма — поместья; 2) отобрать и представить в распоряжение учителя конкретный материал по развитию агрикультуры и агротехники в период средневековья, с помощью которого учитель сможет показать учащимся, что в эпоху становления феодализма, как и в течение всех средних веков материальное производство не стояло на месте, а все время развивалось, хотя и крайне медленно; 3) познакомить с некоторой, на наш взгляд, минимально-необходимой литературой вопроса как общего, так и методического порядка.

Для рассмотрения вопросов возникновения и становления феодализма в Европе исключительно важное значение имеют такие работы Ф. Энгельса, как «Происхождение семьи, частной собственности и государства», главы VII и VIII[1], «К истории древних германцев», «Франкский период» и «Марка»[2]. В этих работах Ф. Энгельс рисует картины разложения родового строя у древних германцев, взаимоотношения последних с римским миром. На примере франкского государства, которое явилось колыбелью современных французской, германской и итальянской наций, Энгельс показал, что феодализм происходил из синтеза германского и романского начала.

Большое внимание уделяет Ф. Энгельс древне-германской общине, показывает ее эволюцию, анализирует ее разложение и, на примере франкского общества, показывает как шло становление крупной феодальной земельной собственности и класса феодально-зависимых крестьян, или процесс феодализации варваров со времени завоевания ими территории римской империи. Указанные работы Ф. Энгельса дают ключ к марксистско-ленинскому пониманию истории народов Западной и

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, изд. 2.
[2] Там же, т. 19.

Центральной Европы в переходный период от первобытно-общинного строя к феодальному или в период, предшествующий феодализму.

В этой связи хочется обратить внимание учителей на исследование советского историка А. И. Неусыхина. В своей монографии «Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII веков»[1], А. И. Неусыхин, опираясь на работы Ф. Энгельса, а также на работу К. Маркса, «Формы предшествующие капиталистическому производству»[2], исследует богатейший документальный материал «варварских» правд и развертывает подробную историческую картину разложения, а затем и исчезновения свободного общинного землевладения, образования класса зависимых крестьян и эволюцию старинной организации общины.

Исчерпывающий и глубокий анализ феодальной экономики дали К. Маркс и В. И. Ленин. В «Капитале» К. Маркс показал, что обязательным условием феодального производства является наделение непосредственного производителя средствами производства или «вещественными условиями труда»[3]. Крестьянин самостоятельно ведет свое хозяйство.

Феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно большим количеством крестьян. Могущество феодалов определяется «числом их подданных, а это последнее,—подчеркивает К. Маркс,— зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство»[4].

В 47 главе III тома Капитала К. Маркс показал, что прибавочный продукт, создаваемый непосредственным производителем, т. е. крестьянином, самостоятельно ведущим свое хозяйство, присваивается феодалом, что основой для этого присвоения служит собственность феодала на землю. Осуществляется это присвоение чужого труда или продукта в эпоху феодализма в форме взимания феодальной ренты за землю. К. Маркс пока-

---

[1] А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. АН СССР, М., 1956.

[2] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Политиздат, 1940.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 183, изд. 2.

[4] Там же, Соч., т. 23, стр. 729.

зал, что земельная рента, взимаемая феодалами с крестьян, является не чем иным, как экономической реализацией феодальной собственности на землю[1]. Маркс различал три вида феодальной ренты: отработочную или ренту-барщину, натуральную или продуктовую и денежную ренту и показал, что эволюция ренты есть не что иное, как изменение форм феодальной эксплуатации.

В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» развил и углубил характеристику феодального способа производства. Он обогатил ее выяснением ряда вопросов русского феодализма. Вслед за К. Марксом В. И. Ленин рассматривает последовательную смену форм феодальной ренты как результат поступательного развития феодальных производственных отношений.

В. И. Ленин показал, что отработочная система эксплуатации или рента-барщина была бы невозможна «без известной гражданской неполноправности земледельца»[2]. Ленин конкретизирует это понятие гражданской неполноправности. Она выражается в принадлежности к низшему сословию, в прикреплении крестьянина к наделу, в праве феодала подвергать крестьянина телесному наказанию. Гражданская неполноправность крестьянина была результатом его личной зависимости от феодала, результатом прямой власти феодала над крестьянином или то, что Маркс называет «вне-экономическим принуждением». Развивая это положение, Ленин пишет: «Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство»[3]. В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин дает во всей полноте характеристику барщинного, т. е. крепостнического феодального хозяйства[4].

Несомненно, что характеристика становления феодализма в той форме, в какой она дана в трудах классиков марксизма-ленинизма и в марксистских исследованиях наших дней недоступна для учащихся шестых классов. Но ею в полной мере должен быть вооружен

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 353.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 401, т. 3, стр. 313.
[3] Там же, Соч., т. 3, стр. 185.
[4] Там же, стр. 183—185.

учитель. Хорошо овладев марксистской теорией и историей феодализма, учитель может постепенно с помощью фактов, ярких примеров и образов раскрыть перед учащимися важнейшие черты феодального способа производства, феодального хозяйства, сделать необходимые обобщения, выводы, составить у учащихся ясное и верное представление о феодальном строе, привить им целую систему понятий и представлений, связанных с характеристикой феодального способа производства, общества и государства.

Для того чтобы учащиеся представили, поняли и глубоко усвоили сущность феодализма, необходимо облечь материал в живые, конкретные исторические образы. Большое значение в освещении далекого прошлого имеют исторические документы. В их создании принимали участие люди, жившие в те далекие времена, при иных, чем у нас, общественных отношениях, и когда учитель тем или иным методическим приемом знакомит учащихся с историческими документами, он доносит до них колорит эпохи, перед учащимися встают иные образы и понятия. В сочетании с показом соответствующих иллюстраций (картин) они займут прочное место в сознании учащихся.

Работа с историческим документом имеет очень большое образовательное и воспитательное значение. Уделяя документу соответствующее место в преподавании, учитель способствует обогащению конкретно-исторических представлений у учащихся, создает в их сознании образы далекого прошлого и тем усиливает интерес к истории как науке, прививает им первоначальные навыки самостоятельной работы, будит мысль.

О возросшем интересе к использованию документального материала в практике преподавания истории средних веков в школах страны свидетельствует выход в свет ряда общих и поурочных методических пособий[1].

---

[1] В. Н. Семенов. Первые уроки по истории средних веков в VII классе, изд. Акад. педагогических наук, М., 1958.

А. А. Вагина и Н. В. Сперанская. Документальный материал на уроках истории, гл. IV, учпедгиз, 1959.

Я. Б. Козоровицкий, Л. И. Козоровицкая, З. С. Цыпина. Документ и картина на уроках истории средних веков Изд. «Просвещение», М., 1964.

Опыт изучения истории средних веков в VI классе. Сборник, Составитель П. В. Гора. Изд. «Просвещение», М., 1965.

Учитель найдет в них различные методические рекомендации и советы по использованию документов и других средств наглядности на уроке. Однако следует отметить, что в целом эта работа все еще не заняла должного места в практике преподавания и носит эпизодический характер.

В известной мере это можно объяснить тем, что школы не располагают специальными сборниками документов по истории средних веков. Старая «Хрестоматия по истории средних веков»[1], рассчитанная на учителей, стала редкостью, особенно в сельской местности, а новая «Хрестоматия по истории средних веков»[2] является пособием для студентов университетов и педвузов и не содержит методического аппарата и комментариев, необходимых для учителя. Сборники документов, рассчитанные на учащихся шестых классов, отсутствуют вообще. Все это затрудняет использование документов в практике работы учителя.

Вторым не менее важным средством конкретизации представлений у учащихся при изучении эпохи феодализма является изобразительная наглядность. Серия учебных картин по истории средних веков[3] и «Альбом по истории культуры средних веков»[4] предоставляют в распоряжение учителя большой наглядный материал. Оба издания принадлежат Д. Н. Никифорову, составлены в соответствии со школьной программой, включают описание картин и таблиц и дополняют друг друга по содержанию.

Серия «Картины по истории средних веков» содержит, главным образом, картины, изображающие конкретные исторические события, эпизоды («Вступление Жанны д'Арк в Орлеан» или «Грюнвальдская битва» и другие), и типичные явления средневековой жизни, такие, как «Право охоты феодала» или «Сдача оброка

---

[1] «Хрестоматия по истории средних веков», пособие для преподавателей средней школы под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина, тт. 1—3, М., 1953.

[2] «Хрестоматия по истории средних веков» под ред. академика С. Д. Сказкина, тт. 1—2, Соцэкгиз, М., 1961.

[3] Д. Н. Никифоров. Картины по истории средних веков. Учпедгиз, 1953.

[4] Альбом по истории культуры средних веков. Учпедгиз, М., 1959, 1969.

феодалу». «Альбом по истории культуры средних веков» представляет в распоряжение учителя значительный иллюстративный материал по развитию производительных сил, сельскохозяйственной техники, обработки металла, строительству; знакомит с живописью, скульптурой и архитектурой, с развитием научных знаний в средние века. Крупный формат и яркие краски, особенно серии «Картины по истории средних веков», дают возможность свободно пользоваться этими изданиями в классе.

Для подготовки учителя к урокам ценным пособием является «Альбом по истории средних веков», подготовленный и изданный В. Ф. Семеновым и А. А. Кирилловой[1]. Он предназначен для студентов педагогических институтов и учителей средних школ и составлен в соответствии с программой высшей и средней школы по истории западноевропейского и восточного феодализма. Ценность этого пособия состоит в том, что все материалы, представленные в альбоме, иллюстрируют феодальную действительность с помощью произведений средневекового искусства, а не на репродукциях с картин более поздних авторов. Альбом содержит комментарии, краткий словарь и литературу по истории средневекового искусства. В классе отдельные материалы альбома могут демонстрироваться только с помощью эпидиоскопа.

Наглядность в сочетании с документальными свидетельствами способствует созданию в сознании учащихся живых, конкретных и образных представлений об изучаемой эпохе. В брошюре «Документ и картина на уроках истории средних веков»[2] обобщен опыт учителя Нижне-Тагильской школы Л. И. Козоровицкой по использованию исторических документов в сочетании с наглядностью в ходе изучения ряда тем по истории средних веков в шестом классе.

---

[1] Профессор В. Ф. Семенов, доцент А. А. Кириллова. Альбом по истории средних веков. Пособие для учителей и студентов. Учпедгиз, М., 1960.

[2] Я. Б. Козоровицкий, Л. И. Козоровицкая, З. С. Цыпина. Документ и картина на уроках истории средних веков. Изд. «Просвещение», М., 1964.

РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫХ ПОРЯДКОВ У ГЕРМАНЦЕВ

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩИНЫ

В результате великого переселения народов германские и славянские племена завоевали Римскую империю и осели на ее землях. Известно, что они принесли на смену зашедшему в тупик рабовладельческому строю свободную общину и тем «вдохнули умиравшей Европе новую жизненную силу»[1]. Но при этом их собственные хозяйственные и общественные отношения, их общественный строй претерпевают большие изменения.

Курс истории средних веков или истории феодализма начинается в школе с рассмотрения вопросов расселения, образа жизни и занятий древних германцев, с разложения у них общинного строя, как предпосылки процесса феодализации. Община, как первоначальная форма организации общества, прошла в своем развитии долгий путь, она изменялась по мере развития и совершенствования орудий труда, накопления навыков и опыта в труде, то есть по мере развития производительных сил общества. «Не все первобытные общины, — пишет К. Маркс, — построены по одному и тому же образцу. Наоборот, они представляют собой ряд социальных образований, отличающихся друг от друга и по типу, и по давности своего существования и обозначающих фазы последовательной эволюции»[2]. В истории известны три типа общин, сменявших друг друга: кровнородственная, земледельческая, соседская; последнюю Маркс и Энгельс называют у германцев маркой. Каждый тип общины существовал в разное время, соответствовал определенному уровню развития общественного производства, означал новую ступень в развитии варварских народов Европы.

Древнейшая форма общины — родовая община — покоилась на кровнородственных связях, неделимости имущества и общности хозяйства. Она имела место у германцев времени Юлия Цезаря. Через 150 лет или ко времени Тацита (1 в. н. э.) кровнородственная община у германцев преобразуется в земледельческую. В

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 154.
[2] Там же, Соч., т. 19, стр. 417.

земледельческой общине исчезает общность хозяйства и неделимость имущества. И хотя главное средство производства — земля по-прежнему принадлежит роду, но пахотные земли уже поделены на участки, возделываются отдельно каждой большой семьей, состоящей из супругов, их сыновей с женами и детьми. Каждая большая семья имеет свой дом, двор, ведет индивидуальное хозяйство и все результаты труда остаются в ее пользовании. Все прочие земли, кроме пашни (леса, луга, пустоши, пастбища), оставались в нераздельном или в совместном пользовании земледельческой общины. Да и пахотные земли, поделенные на участки, община передавала хозяйствам лишь во временное пользование, оставляя за собой право передела пахотных земель. Римский историк Тацит сообщает нам в своем труде «Германия», что германцы производят раздел земли «по числу возделывателей» и «по достоинству, но при этом они «каждый год меняют пашню»[1]. Таким образом, поземельные отношения в земледельческой общине характеризуются коллективным землевладением и индивидуально посемейным землепользованием. Индивидуальное возделывание земли стало возможным прежде всего потому, что наблюдается прогресс в развитии хозяйства, большое значение и дальнейшее развитие получает земледелие. В условиях индивидуального хозяйства, индивидуального труда и присвоения его результатов впервые возникает возможность накопления и зарождения имущественного неравенства.

Тацит дает указание на зарождение неравенства у германцев. «Самые зажиточные, — отмечает Тацит, — отличаются одеждой»[2]. «При сожжении тел знаменитых мужей употреблялось дерево известных пород»[3], «землю они делят между собой по достоинству»[4], «большая знатность или выдающиеся заслуги отцов доставляют звание вождя даже юношам»[5]. Мы встречаем у Тацита и прямые указания на появление зна-

---

[1] Тацит. Германия, «Хрестоматия по истории средних веков» под редакцией Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина, т. I, изд. 1949, стр. 70.

[2] Там же, стр. 67.

[3] Там же, стр. 70.

[4] Там же, стр. 69

[5] Там же, стр. 65.

ти[1], дружинников[2] и рабов[3]. Все это свидетельствует о том, что у германцев времени Тацита шел процесс разложения первобытнообщинного строя, когда на смену кровнородственной общине шла земледельческая община, а строй родовой демократии сменялся строем военной демократии[4]. Однако это был еще начальный период разложения первобытнообщинного строя, дофеодальный, ибо складывающаяся земледельческая община покоилась на коллективной собственности на землю и не знала еще классового деления, хотя элементы неравенства уже имели место.

Говоря о земледельческой общине у древних германцев, К. Маркс определяет хронологические рамки ее существования. Он пишет: «Она е щ е не существовала в эпоху Юлия Цезаря и у ж е не существовала, когда германские племена покоряли Италию, Галлию, Испанию и т. д.»[5]. Земледельческая община была переходной от кровнородственной общины к соседской общине — марке.

В процессе завоевания германцами римской территории, в продолжительных походах перемешивались роды, племена и даже целые народы, утрачивались кровнородственные связи. Далее, проникая в глубь римских территорий, германцы столкнулись с существующим у римлян уже много лет институтом частной собственности на землю. Все это ускорило разложение первобытнообщинного строя у германцев и привело к распаду земледельческой общины. Земледельческая община сменялась соседской общиной — маркой. Распад ее происходил не только под влиянием внешних

---

1 Тацит. Германия. «Хрестоматия по истории средних веков» под редакцией Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина, т. I, стр. 63, 64, 65.

2 Там же, стр. 65—66.

3 Там же, стр. 69.

4 Понятия строй родовой демократии и военной демократии — для учителя, учащимся их давать не следует, но, опираясь на свидетельства Тацита о том, что «Германцы не решают никаких дел — ни общественных, ни частных — иначе как вооруженные» (Хрестоматия средних веков, стр. 65, гл. XIII), необходимо подчеркнуть, что в народном собрании участвовал не весь народ, а лишь воины (женщины и рабы исключались), и подкрепить это иллюстрацией из альбома Никифорова, таблица № 3.

5 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 417.

факторов. Земледельческая община таила в себе элементы своей гибели. Она была дуалистична, т. е. двойственна в своей основе. С одной стороны, земледельческая община покоилась на коллективной собственности на землю, земля неотчуждаема, пахотные участки периодически переделяются между членами земледельческой общины; с другой стороны, в ней индивидуализировался процесс производства и присвоения, развилось индивидуально-парцеллярное землепользование, а это создавало условия для накопления движимого имущества (скота, денег, рабов), которое образует собственность, не подлежащую контролю общины или по выражению К. Маркса «элемент разлагающий первобытное, экономическое и социальное равенство»[1]. Германцы, завоевав римские территории, отняли у римлян две трети всей земли и поделили ее между собой. В пределах каждого рода необходимая земля и отчасти луга были поделены между отдельными хозяйствами равными участками по жребию. Однако вскоре после переселения, германцы отказались от дальнейших переделов, стали обносить свои участки изгородью и передавать их по наследству по мужской линии от отца к сыновьям, братьям и т. д. Так был совершен переход от индивидуального пользования участком земли к частному владению пашней в рамках общинной собственности на землю. Повсюду было сохранено общее владение лесами, водами и пустошами и верховное право общины на поделенную землю, т. е. германцы сохранили поземельный соседский коллектив или общину — марку, которая, по выражению Ф. Энгельса, оставалась до конца средневековья «основой почти всей жизни германской нации»[2].

Становление соседской общины — марки — процесс постепенный и длительный. Начало его восходит ко времени завоевания германцами Западной Римской империи, т. е. к V веку. Долгое время марка сохраняла пережитки ранних типов общин: родовой и земледельческой, т. е. находилась в переходной стадии.

Именно такой порядок вещей рисует Салическая правда. Салическая правда возникла на рубеже V—VI

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 419.
[2] Там же, стр. 495.

столетий в правлении франкского короля Хлодвига из рода Меровингов. Хлодвиг, завоевав большую часть римской провинции Галлии, объединив силой оружия все племена франков, положил начало франкскому государству. Внутри этого государства, с одной стороны, шла ожесточенная борьба между пришлым населением — завоевателями франками и коренными жителями — покоренными римлянами, а с другой стороны, активно шел процесс разложения старинных родоплеменных отношений, укреплялся институт частной собственности в среде самих франков, назревала потребность в его защите. Все это и породило необходимость в издании государственных письменных законов. Первым таким законом и явилась Салическая правда, в основу которой было положено ранее действовавшее устное обычное народное право салических (приморских) франков. Салическая правда представляет собой перечень штрафов за различные преступления. Она содержит большое количество постановлений в защиту прав на отдельные виды собственности. Она свидетельствует о том, что институт частной собственности на дом, двор, усадьбу, скот и прочую движимость стал нормой общественной жизни франков. Но земля принадлежит общине, является неотчуждаемой собственностью коллектива свободных общинников-земледельцев. Об этом ярко свидетельствует 45 статья Салической правды «О переселенцах». В ней говорится: «Если кто захочет переселиться в виллу (поселок) к другому и если один или несколько из жителей виллы захотят принять его, но найдется хоть один, который воспротивится переселению, он не будет иметь права там поселиться»[1]. Пользование пахотной землей раздельное, каждый огораживает свое поле (ниву), свой сад, свой огород, свой луг изгородью[2]. Сам факт возведения изгородей, разведения садов свидетельствует о том, что возделанные земли больше не переделяются и находятся в постоянном пользовании семьи с правом передачи ее по наследству. Но Салическая правда устанавливает ограничение в наследовании земельных наделов. Она призна-

[1] «Хрестоматия по истории средних веков» под редакцией Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина, т. 1, изд. 1949, стр. 110.
[2] Там же, стр. 106, 108, 109.

ет право наследовать землю только за мужчиной, «земельное же наследство ни в коем случае не должно доставаться женщине, но вся земля пусть поступает мужскому полу»[1].

Статья о наследовании надельных земель указывает на то, что возделанные земли у франков времени Салической правды превратились в частно-владельческие, т. к. они неизменно остаются в домохозяйстве и переходят по наследству, но они не стали еще частной собственностью, т. е. свободно отчуждаемой собственностью или аллодом земледельца, т. к. верховное право на землю принадлежит общине и земледелец не может свободно отчуждать ее.

Примерно через 50—60 лет в порядке дополнения к Салической правде был издан эдикт короля Хильперика, радикально изменивший наследование земли у франков. Эдикт признавал право наследования пахотной земли не только за мужчиной, но и за женщиной. «Если кто имея соседей, — гласит эдикт, — оставит после своей смерти сыновей или дочерей, пусть сыновья, пока живы, владеют землей согласно салическому закону. Если же сыновья вдруг умрут, дочь подобным же образом пусть получает эти земли, как получили бы их сыновья, если бы оставались живы. А если умрет брат, другой же останется в живых, брат пусть получает земли — не соседи. Если же брат, умирая, не оставит живого брата, тогда сестра пусть вступает во владение этой землей»[2]. Это дополнение к Салической правде свидетельствует о том, что в случае отсутствия прямого наследника по мужской линии, землю наследует женщина — дочь или сестра, но земля не достается общине. С этого времени община утрачивает право собственности на пахотную землю. Земля становится аллодом, т. е. свободно отчуждаемой собственностью, уже не большой, а малой семьи. Земледельческая община окончательно переросла в марку или соседскую общину, а древний германец — в свободного общинника-аллодиста. Этому соответствовало и состояние сельскохозяйственного производства: был совершен переход от

---

[1] «Хрестоматия по истории средних веков» под редакцией Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина, т. 1, изд. 1949, стр. 113.
[2] Там же.

переложного и подсечного земледелия к двухпольной системе использования земли.

Итак, в результате переселения народов изменилась не только политическая карта Европы, но и ее социально-экономическое лицо. На территории обширной Римской империи образовался ряд варварских королевств, в которых основным производителем был уже не раб и не колон, а свободный общинник-аллодист, или по образному выражению Ф. Энгельса «свободный франкский крестьянин»[1]. Такой порядок существовал в Европе повсюду в период с VI по VIII вв. Он был установлен франками и бургундами на территории Франции, вестготами — в Испании и в южной Франции, остготами и лангобардами — в Италии, англо-саксами — в Англии. С возникновением соседской общины — марки кончился дофеодальный период в истории варварской периферии Римской империи, он кончился вместе с крушением самой империи и образованием на ее территории варварских королевств. Начинается становление феодализма, занявшее собой время с VIII по XI век. Сущность процесса становления феодализма заключается в разложении аллода, в образовании крупного землевладения, поглотившего аллод, в образовании классов крупных землевладельцев-феодалов, с одной стороны, и класса феодально-зависимых крестьян — с другой.

ФОРМИРОВАНИЕ КРУПНОГО ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ. ОБРАЗОВАНИЕ ЛИЧНО ЗАВИСИМОГО (КРЕПОСТНОГО) КРЕСТЬЯНИНА

Обращаясь к рассмотрению проблемы становления феодализма в Европе, следует иметь в виду, что в средние века деревня является отправной точкой истории, ибо свойственный средневековью феодальный способ производства развился преимущественно из аграрного строя германцев, славян и кельтов. Важнейшим средством производства в эпоху феодализма, основой всего хозяйства является земля. Земля служит сферой приложения рабочих рук, усилия всего общества обраще-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 154.

ны были на ее возделывание, земля служила важнейшим средством существования всего общества, характер собственности на землю, определял отношения людей в производстве, определял структуру всего феодального общества. В. И. Ленин, развивая и углубляя теорию феодализма, разработанную К. Марксом, показал, что производственные отношения феодального способа производства покоились на крупной земельной собственности, на монополии феодалов на землю — главное условие производства.

Как же возникло крупное землевладение? Как перешла земля из рук свободных крестьян-общинников в руки нового общественного класса — феодалов? Какова судьба «свободного франка», который был главной фигурой общества и главным производителем в период с V до VIII в. Вот круг тех вопросов, ответ на которые дает возможность понять и раскрыть процесс становления феодализма, занявший собой время с VIII по XI век.

«С того момента, — пишет Ф. Энгельс в работе «Франкский период», — как возник аллод, свободноотчуждаемая земельная собственность, земельная собственность как товар, возникновение крупной земельной собственности стало лишь вопросом времени»[1]. Однако крупная земельная собственность возникла у германцев задолго до того, как разложился аллод. Она возникла у них в ходе и в результате завоеваний. Завоевания привели германцев в римские области, где уже много столетий земля была частной собственностью, а крупное землевладение — основой хозяйства.

Крупное римское землевладение частично сохранилось и после германских завоеваний, оно продолжало существовать и в рамках варварских королевств. Далее, в ходе захватнических войн военачальники и вожди у всех переселившихся германских племен превратились в королей и королевская власть сделалась постоянным учреждением, реальной силой. Факт быстрого усиления королевской власти в ходе завоеваний можно проследить и проиллюстрировать на примере франкского короля Хлодвига, используя при этом занимательный и красочный эпизод с Суассонской чашей,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, изд. 2, стр. 497.

о котором повествует современник Меровингов Григорий Турский, написавший десятитомную «Историю франков»[1].

Совершив под руководством королей завоевание Римской империи, германцы в качестве победителей отняли у римлян до $^2/_3$ и более земель[2] и поделили их между собой, кроме того, в их полное обладание перешли обширные римские государственные именья, крупные лесные массивы. Но ставшая к этому времени реальной силой королевская власть сначала объявила королевским имуществом народные общинные земли, а затем включила в свои владения и римские государственные земли. В дальнейшем королевское имущество продолжало расти за счет массовых конфискаций земель у тех, кто в чем-либо был несогласен с крупнейшей королевской властью и оказывал ей сопротивление, у всякого рода «бунтовщиков». Усиление королевской власти сопровождалось наступлением королей на общинные земли. В первом томе «Хрестоматии по истории средних веков» приводится ряд формул захвата общинных земель[3]. Словом, первым крупным землевладельцем у германцев становится король. В источниках Каролингской эпохи упоминается 170 королевских вотчин только в стране франков и алеманов, не считая всех прочих территорий Франкского государства. Кроме этого, Каролингам принадлежало более пятнадцати обширных лесов и огромные пустоши в Паннонии, Тюрингии и Саксонии[4].

Но королевское земельное имущество растрачивалось так же быстро, как и росло. Короли раздаривали земли своим дружинникам, должностным лицам и особенно епископам и аббатам, с помощью которых укрепляли свою власть и на вновь завоеванных землях и над своими соплеменниками. Так были заложены основы позднейшего крупного землевладения как светского, так и церковно-монастырского. Светская и духовная

---

[1] «Хрестоматия по истории средних веков», т. 1, стр. 99—100, изд. 1949.

[2] См. Бургундскую правду. «Хрестоматияпо истории средних веков», изд. 1961. т 1 стр. 418 и Вестготскую правду, стр. 563.

[3] **Там же, стр. 428—425.**

[4] И. М. Кулишер. История экономического быта Западной Европы, т. 1, стр. 44, М.—Л., 1926.

знать была вторым после короля крупным земельным собственником в варварских государствах периода феодализации. Анализируя все эти явления во Франкском государстве, Ф. Энгельс писал: «Первым делом франкского короля, превратившегося из простого верховного военачальника в настоящего монарха, было превратить это народное достояние в королевское имущество, украсть его у народа, раздать его в виде подарков или в виде пожалований своей дружине»[1].

Особенно быстро росло крупное церковное и монастырское землевладение. Уже король Хильперик из рода Меровингов жалуется, что его казна совершенно опустела и все богатства перешли в руки церкви. В VIII веке собственность церкви и монастырей в одной только Галлии составила третью часть всей заселенной территории, т. е. значительная часть свободной крестьянской собственности стала достоянием духовных феодалов, а сидящие на этих землях крестьяне превратились из собственников земли-аллодистов в держателей земельных наделов — от церкви или монастыря. Земельное имущество церкви и монастырей, как показывают монастырские писцовые книги, исчислялось количеством содержащихся в них крестьянских наделов. Так, небольшим монастырем считался монастырь, владения которого составляли 200—300 гуф[2], средний монастырь владел землей от 1 до 2-х тысяч гуф, большой — от 3 до 8 тысяч гуф. Встречались и такие монастыри, которые владели землей размером в 12—15 тысяч гуф[3]. Ф. Энгельс в работе «Франкский период» приводит еще более разительный пример земельных владений монастырей. Монастырь Сен-Жермен-де-Пре, расположенный в черте Парижа, владел в начале IX века земельной собственностью в размере 429 987 гектаров, что составляло около 8 тысяч мансов, т. е. крестьянских наделов, а владения монастырей Сен-Дени, Люксейль и Сен-Мартен в Туре вместе составляли 810 тысяч гектаров земли или 15 тысяч крестьянских мансов[4]. Монастырские и церковные владения росли за

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 150, изд. 2.
[2] Гуфа или манс — крестьянский надел, равный примерно 54 гектарам.
[3] И. М. Кулишер. История экономического быта Западной Европы, т. 1, стр. 45—46, М.—Л., 1926.
[4] К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 501.

счет королевских дарений. Известно, например, что только монастырь Вейсенбург получил за время правления Меровингов 74 дарения, а за 46 лет правления Карла Великого — 111 дарений.

Однако быстрый рост церковно-монастырского землевладения шел не только за счет королевских пожалований, но и за счет дарений и приношений со стороны широких кругов верующих. Дело в том, что всякий имел право свободно отчуждать принадлежащие ему земли в пользу церкви, невзирая на мнение других членов общины и даже без согласия своих ближайших родственников. Крупные землевладельцы, мелкие собственники и даже целые марки под влиянием религиозных чувств и вымогательств духовенства отдавали земли в дар церкви и монастырям на «спасение души». Развилось «учение», что в дарениях этих выражается любовь к богу, что приношение даров церкви равносильно молитве, что сама мысль дарить есть благословенье божье и освобождает от грехов. По существу церковники, играя на религиозных чувствах людей, занимались вымогательством. Земли передавались в пользу церкви не только за обещание «вечного блаженства», но и под угрозой «адских мук». За всякое выступление против дарений церкви угрожали муками ада. В условиях безраздельного господства церковно-религиозного мировоззрения среди людей того времени, их полной темноты и невежества обещания «благодати» в «потустороннем мире» и угроза «адских мук» являлись действенными мерами в руках церковников.

Земельные владения церкви и монастырей за счет приношений и дарений частных лиц росли исключительно быстро. В этой связи представляет интерес обращение Карла Великого к епископам и аббатам на собрании земских чинов в городе Ахене в 811 году. Обращение свидетельствует о тех насильственных методах, к которым прибегали духовные феодалы, чтобы «владения свои каждодневно всячески приумножать тщиться, приманивая блаженством небесного царства, устрашая вечными муками ада и во имя божие богатых и бедняков, несведущих... простецов лишая имущества, а законных наследников — их наследства»[1]. Ко-

[1] «Хрестоматия по истории средних веков», т. 1, стр. 141, изд. 1949.

королевская власть была обеспокоена ростом церковных и монастырских земель за счет дарений со стороны народа, т. к. это вело к стремительному уменьшению числа свободных собственников земли, обязанных несением военной службы перед государством. Поэтому в том же 811 году в специальном капитулярии Карл Великий пишет: «Пусть ни епископы, ни аббаты, ни графы, ни викарии и никто другой никоим образом... злыми ухищрениями имущество бедных... ни покупать, ни силой отнимать не осмеливаются»[1].

Огромные земельные владения церкви, монастырей и крупных светских магнатов из числа королевских чиновников и дружинников возделывались и обрабатывались в значительной своей части свободными поселенцами.

Откуда же взялись эти свободные поселенцы на господской земле?

Очевидно, прежде чем «свободные франки могли сделаться чьими-либо поселенцами, они должны были каким-нибудь образом потерять аллод»[2]. Действительно, рост крупного землевладения шел за счет мелкокрестьянской собственности или крестьянского аллода. Известно, что каждый свободный землевладелец был обязан службой перед королем. По первому зову короля он должен был явиться в полном снаряжении и заботиться о своем пропитании на службе в течение первых шести месяцев. Эта воинская повинность была крайне обременительна для крестьян.

В годы правления Карла Великого внутренние междуусобные и особенно внешние войны велись почти непрерывно, они несли крестьянам страшное разорение, надолго отрывали их от хозяйственных занятий. Поэтому многие из числа свободных крестьян, стремясь освободиться от несения воинской службы и защитить свое имущество и хозяйство от грабежа и разорения, уходили под покровительство землевладельческой светской и церковно-монастырской знати. «Но это покровительство, — подчеркивает Ф. Энгельс, — им приходилось приобретать дорогой ценой... Они должны были передавать покровителю право собственности на свой зе-

---

[1] «Хрестоматия по истории средних веков», т. 1, стр. 141.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 502

мельный участок, получая последний от него обратно в виде зависимого держания на различных и меняющихся условиях, но всегда только взамен выполнения повинностей и уплаты оброков; раз попав в такого рода зависимость, они мало-помалу теряли и свою личную свободу; через несколько поколений они были уже в большинстве своем крепостными»[1].

Обо всех этих явлениях ярко и убедительно рассказывают документы, приведенные в «Хрестоматии по истории средних веков». В разделе «Феодализация Франкского общества в V—IX веках» документ 1 (пункты «а», «б», «в»)[2] характеризует процесс роста крупной земельной собственности за счет мелкокрестьянской собственности и то как прежде мелкие землевладельцы под давлением нужды теряли право собственности на землю и превращались в держателей земли. Отдельные документы, как, например, «Престарная грамота», могут быть даже зачитаны в классе. Она гласит: «Так как известно, что ты собственность свою в округе таким-то недавно за монастырем святой Марии утвердила и за это просила у нас и у названного монастыря дачи (тебе) прекария, то вот этою грамотою за тобой утвердили, чтобы пока ты жива, владела бы и держала в пользовании эту землю, но не имела бы права каким бы то ни было образом отчуждать ее, а если бы решилась это сделать, землю бы тотчас же потеряла»[3].

Так постепенно шел процесс мобилизации земли в руках светских и духовных феодалов, процесс поглощения мелкокрестьянской собственности — аллода крупным земельным собственником, создавалось первое и основное условие феодального способа производства.

Мобилизуя крестьянские земли в своих руках, крупные земельные собственники не сгоняли крестьян с земли. Они оставляли крестьян на прежнем участке, но не на правах собственника, а на правах держателя земли от господина. Феодал как бы наделял крестьян землей.

Производственные отношения при феодализме ха-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21 стр. 152.
[2] «Хрестоматия по истории средних веков». т. 1, стр. 138—139.
[3] Там же, стр. 138.

рактеризуются не только наличием крупной земельной собственности феодалов, но и наличием мелкокрестьянской собственности на орудия производства, инвентарь, скот, т. е. собственностью крестьянина на свое частное хозяйство, основанное на личном труде. Для того, чтобы возникло феодальное производство, необходимо соединение этих двух сторон производства: феодального землевладения с крестьянским трудом и крестьянскими орудиями сельскохозяйственного производства. Это соединение происходит в рамках феодального поместья, которое покоилось на крупной земельной собственности феодала и на базе крестьянского труда.

Дело в том, что «наделение» крестьянина землей было вторым необходимым условием феодального производства. Этим и объясняется тот факт, что вся земля в феодальном поместье разделялась на барскую или господский домен и крестьянско-надельную, т. е. ту часть, которая отдавалась крестьянам в наследственное держание и пользование. Свой надел крестьянин обрабатывал своим трудом, своим инвентарем, он получал с него свое содержание и вел на нем свое личное хозяйство. За пользование наделом крестьянин должен был обрабатывать господский домен — барскую землю (поле, огород, сад, луг и т. п.) своим трудом, своим инвентарем, со своим рабочим скотом, т. е. он должен был нести барщину, во время которой кормился за свой счет. Кроме этого, он должен был отдать господину долю урожая, собранного в своем хозяйстве, долю своего продукта, т. е. нести оброк. «Собственное» хозяйство крестьянина на своем наделе было условием помещичьего хозяйства, имело целью «обеспечение» не крестьянина — средствами к жизни, а помещика — рабочими руками»[1].

Крестьянское хозяйство было основной экономической ячейкой феодального производства. Благополучие и могущество феодального Господина зависело от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство на помещичьей земле. Но это «самостоятельное» хозяйство крестьянина находилось в зависимости от феодала, т. к. оно велось на земле, которая была собственностью феодала и крестьянин не мог распоряжаться этим важней-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 184.

шим условием производства. Он зависел от феодала. То была экономическая зависимость крестьянина, благодаря которой он в первую очередь и попадал в орбиту феодальной эксплуатации. В. И. Ленин неоднократно в ряде своих работ: «Экономическое содержание народничества...», «Развитие капитализма в России», «Аграрный вопрос в России конца XIX века» и в других, раскрывал сущность экономических отношений феодалов-помещиков и крестьян. Она состояла в том, что «надел», которым «обеспечивал» крестьянина помещик, служил не более как натуральной заработной платой, служил всецело и исключительно для эксплуатации крестьянина помещиком, для «обеспечения» помещику рабочих рук, никогда для действительного обеспечения самого крестьянина»[1].

Натурально-хозяйственный характер таких экономических отношений выступает в крайнем разнообразии тех работ и натуральных платежей, которыми крестьяне были обязаны феодалу за свой надел. Богатый материал такого порядка дает в руки учителя «Полиптик аббата Ирминона» или писцовая книга Сен-Жерменского монастыря близ Парижа, которая была составлена в начале IX века[2].

«Полиптик» рисует типичное феодальное поместье, в котором половина земли составляла господское хозяйство, а другая половина была разделена на мансы и передана в пользование крестьян. «Полиптик» подробно перечисляет размеры и содержание крестьянских наделов и все виды повинностей и платежей, взимаемых с них. Так, пункт 3 главы VIII рассказывает: Вульфард-колон и жена его, свободная, при них детей трое, держит один свободный манс, который содержит земли пахотные, виноградники и луга, несет оброк вином, поросятами, курами, яйцами, дранкой, а также пашет господскую землю под озимые и яровые, справляет полевую барщину, рубку леса, подвозную повинность, ручные работы сколько ему прикажут[3]. Кроме того, феодал по-

1 В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 516.

2 «Хрестоматия по истории средних веков», изд. 1949, т. 1, стр. 157—159.

3 «Хрестоматия по истории средних веков», изд. 1961, т. 1, стр. 447—451.
Издание 1961 года дает более обширный материал по этому вопросу.

лучал с крестьянского хозяйства в виде оброков воск, холст, дранку, обручи, тес, факелы, топоры, копья, горчицу, мыло, мед, гусей, ястребов, кречетов и многое другое. Такое разнообразие оброков свидетельствует о натуральном характере барского хозяйства.

Крестьяне, наделенные землей и ведущие свое хозяйство свободно, могут обойтись без феодалов и, казалось бы, в любое время могут отказаться работать на феодала. Но тут вступает в силу третье необходимое условие феодального способа производства — «внеэкономическое принуждение»[1]. В. И. Ленин подчеркивает, что «внеэкономическое принуждение» дополняло экономическую зависимость крестьян, а не являлось главным.

Что же такое «внеэкономическое принуждение»? Как оно возникло? С помощью каких средств оно осуществлялось?

Как показывает сам термин «внеэкономическое принуждение» предполагает не земельную, т. е. не экономическую, а личную зависимость крестьянина от своего господина, потерю крестьянином не хозяйственной, а личной свободы. Дело в том, что характерным атрибутом феодальной земельной собственности является известная доля политической власти. Короли, раздавая земли своим приближенным, слугам, дружинникам, епископам и аббатам сначала в виде дарений, а затем в виде пожизненных пожалований (бенефициев) передавали постепенно в руки земельных магнатов право судебной власти, сбора налогов и пошлин на их землях, сначала в пользу казны, а затем и в личную пользу феодала (иммунитетные права), возлагали на них ответственность за набор военных сил в королевские войска из числа свободных поселенцев и, тем самым, подчиняли последних феодалу и в военном отношении. Приведенные в «Хрестоматии» образцы иммунитетных грамот ярко иллюстрируют факт передачи судебной и податной власти в руки феодальных сеньоров. «По просьбе епископа такого-то, — читаем в одной из иммунитетных грамот, — пожаловали мы ему благодея-

---

[1] Термин «внеэкономическое принуждение»» учащимся давать не следует. Его нужно заменить термином «личная зависимость».

ние, состоящее в том, что в пределы поместий церкви этого епископа... не смеет входить ни одно государево должностное лицо для слушания дел или взыскания каких-либо судебных штрафов, но сам епископ и преемники его... в силу полного иммунитета, пусть владеют всеми означенными правами... И никакое лицо, обличенное властью, ни в какое время не осмеливалось входить на землю церкви... И все что могла бы получить там казна со свободных или несвободных и иных людей, проживающих на землях... церковных, пусть навеки поступают на лампады означенной церкви»[1].

Настоящий документ свидетельствует о следующем: 1) означенная в нем территория изымается из общегосударственного, судебного и податного управления; 2) владельцу иммунитетной территории предоставляется право взимать в свою пользу судебные штрафы и все виды сборов, которые раньше поступали в государственную казну; 3) все проживающие на иммунитетной территории люди в судебном и податном порядке становились всецело зависимыми от феодала-епископа. Феодал судил всех жителей своих поместий, налагал на них штрафы. Обладая властью и вооруженной силой, феодал мог подвергнуть крестьянина наказанию, бросить в тюрьму, заковать в цепи за малейшее неповиновение, т. е. осуществить внеэкономическое принуждение, связанное с прямой властью феодала над личностью крестьянина. Самым ярким и массовым проявлением внеэкономического принуждения являлось прикрепление крестьян к земле, лишение их права ухода со своего надела. Формы и степени внеэкономического принуждения, отмечал Владимир Ильич Ленин, могут быть самые различные «начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»[2].

Рост частной власти земельных магнатов через иммунитеты сопровождался убылью числа свободных поселенцев на землях феодалов и ростом рядов лично-зависимых, крепостных крестьян. Другим, не менее действенным путем потери личной свободы и закрепления крестьян являлось оформление «кабальных грамот». «Кабальная грамота» рассказывает о потери крестья-

---

[1] «Хрестоматия по истории средних веков», т. 1, стр. 146.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 185.

нином личной свободы в связи с крайней степенью обнищания. Вот один из образцов «кабальной грамоты». «Всем ведомо, что крайняя бедность и тяжкие заботы меня постигли, и совсем не имею чем жить и одеваться. Поэтому, по просьбе моей, ты в величайшей нужде моей не отказал вручить мне из своих денег столько-то солидов; а у меня совсем нечем выплатить эти солиды. Поэтому я просил совершить и утвердить закабаление тебе моей свободной личности, чтобы отныне вы имели полную свободу делать со мной все, что вы полномочны делать со своими прирожденными рабами, именно: продавать, выменивать, подвергать наказанию»[1].

Так к IX веку, в результате процесса феодализации, изменилась социальная картина франкского общества, исчезли в массе своей свободные крестьяне, их место заступили феодально зависимые крестьяне различного происхождения и правового положения, но почти все поземельно и лично зависимые от феодала. К середине IX века процесс феодализации франкского государства и общества нашел свое завершение в издании Мерсенского капитулярия короля Карла Лысого, который предписывал, чтобы каждый свободный человек в обязательном порядке нашел себе сеньора. Свободный крестьянин становится теперь большой редкостью.

Процесс феодализации происходил первоначально в рамках варварских государств, из которых франкское государство в правление Карла Великого охватывало почти всю территорию Западной и значительную часть Центральной Европы. Однако следует иметь в виду, что процесс феодализации шел далеко неравномерно. Он шел довольно интенсивно там, где германское и римское начало выступали в известном равновесии, как, например, на территории Галлии и Австроазии, ибо пришедшие сюда франки встретились с сильным влиянием античного наследия (институт частной собственности, крупное землевладение, деньги, классы). И, наоборот, процесс феодализации шел значительно медленнее на исконных германских территориях (Саксония, Фризия, Аллемания, Бавария, Тюрингия), где преобладало коренное германское население, очень слабо затронутое римским рабовладением и колонатом, римски-

[1] «Хрестоматия средних веков», т. 1, стр. 142.

ми порядками. Если на территории Галлии и Австразии процесс феодализации достиг высокого уровня в VIII веке, там к этому времени уже разложился свободный аллод и сложилось крупное феодальное поместье каролингской эпохи, то в восточных от Галлии областях, где феодализм развивался преимущественно в результате разложения первобытно-общинного строя германцев, феодализм установится лишь к концу XI века.

РАЗВИТИЕ АГРОТЕХНИКИ И АГРИКУЛЬТУРЫ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

«Экономические эпохи, — отмечает Карл Маркс в I томе «Капитала», — различаются не тем, что производится, а тем как производится, какими средствами труда»[1]. Общественно-экономические формации отличаются друг от друга прежде всего уровнем развития производительных сил. Необходимо, следовательно, выяснить, в чем конкретно проявлялась трудовая деятельность основных производителей крестьян в эпоху, предшествующую феодализму и в период становления феодализма, какими были орудия и навыки труда в земледелии, как они изменялись по мере накопления коллективного опыта, как повышалась производительность труда. Надо проследить развитие сельскохозяйственной культуры и техники. Это даст возможность конкретизировать представление учащихся о роли труда в развитии общества, подвести их к выводу о том, что история общества есть в первую очередь история самих производителей, т. е. трудящихся масс.

Документальный материал позволяет нам взять за исходную точку условия жизни и состояние хозяйства у древних германцев до завоевания ими Римской империи, в период I века до нашей эры — II века нашей эры, наметить и проследить развитие агрикультуры, изменение материальных условий жизни общества в варварских королевствах VI—VII вв. и, наконец, в каролингское время VIII—IX века. Сравнение состояния и развития производительных сил, условий труда и быта в указанные отрезки времени дает возможность составить у учащихся верное представление о непрерывном

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 191.

развитии экономики в раннее средневековье, позволяет показать источники этого развития.

Основным тружеником в ранее средневековье был крестьянин, сначала свободный (V—VII века), а затем феодально зависимый. В отличие от раба — основного труженика Римской империи — крестьянин был наделен средствами производства, вел свое хозяйство, имел семью и в силу этого он был заинтересован в труде, в его производительности, стремился к совершенствованию орудий и навыков труда, к повышению его продуктивности.

Знаменитый римский полководец Гай Юлий Цезарь, завоевывая Галлию, столкнулся на Рейне с германскими племенами и в своих донесениях римскому сенату сообщал о германцах: «Они питаются не столько хлебом, сколько, главным образом, молоком, и за счет скота; они много охотятся»[1]. В другом донесении он сообщает: «Они не особенно усердно занимаются земледелием и питаются главным образом молоком, сыром и мясом»[2]. Из сообщений Юлия Цезаря видно, что древние германцы были народом, в хозяйственной жизни которого ведущее место занимали скотоводство и охота; земледелие им было известно, но играло второстепенную, вспомогательную роль, как у всех кочевых и полукочевых народов, еще не осевших прочно на земле. «Вся их жизнь, — свидетельствует Юлий Цезарь, — проходит в охоте и в военных занятиях»[3]. Интересным дополнением к характеристике образа жизни и занятий древних германцев может служить сообщение греческого географа и историка Страбона. Он пишет в своей «Географии»: «Всем обитателям этой страны (Германии) одинаково свойственна легкость подниматься для переселения. Причиной этого является простота их образа жизни и то, что они не занимаются земледелием и не собирают сокровищ, а живут в хижинах и обеспечивают себя только на данный день. Их пропитание получается главным образом от скота, как у кочевников; поэтому они, подражая этим последним, складыва-

[1] «Хрестоматия по истории средних веков», т. 1, стр. 59.
[2] Там же, стр. 60.
[3] Там же.

ют весь домашний скарб на телеги и уходят, куда решат, со своим скотом»[1].

Через 150 лет в описании римского историка Тацита многое в жизни германцев выглядит совсем иначе, чем при Цезаре. От Рейна до Эльбы и далее передвижение племен прекратилось и они осели на землю. Совершился переход от кочевой жизни к оседлой, а следовательно, в хозяйственной деятельности германцев большее место стало занимать земледелие. Тацит отмечает, что германцы возделывают землю под пашню, сеют ячмень и пшеницу.

«...Они не разводят фруктовых садов, не отделяют лугов, не орошают огородов; они требуют от земли только (урожая) посеянного (хлеба)»[2]. Очевидно, вследствие низких урожаев, в пище все еще преобладают «дикорастущие плоды, свежая дичь или кислое молоко»[3]. Однако германцы уже имеют подземные кладовые, которые служат убежищем на зиму и местом хранения продуктов. Они различают плоды летние и зимние. Вместо хижин они строят дома из неотесанных бревен.

«С Тацитом и Птолемеем, — пишет Ф. Энгельс, — прекращаются письменные источники о событиях и условиях внутренней жизни германцев»[4]. Рим к этому времени отказался от завоевательных войн с германцами и перешел к обороне, познавательный интерес римлян к германцам притупился, сами же германцы в это время еще не имели письменности и не могли оставить письменных свидетельств о своей жизни в период III—IV веков. Правда, на помощь приходит археология. Археологические раскопки свидетельствуют о том, что в III—IV веках материальная культура германцев стала богаче, были достигнуты значительные успехи в обработке железа, в гончарном искусстве и т. п.

Начиная с V века, по мере развития классов и образования государств у германцев возникают свои письменные законы — варварские Правды, которые являются не только правовым юридическим источником,

---

1 «Хрестоматия по истории средних веков», т. 1, стр. 72.
2 Там же, стр. 278—279, изд. 1961.
3 Там же, стр. 277.
4 Ф. Энгельс. К истории древних германцев. Соч. К. Маркса, Ф. Энгельса, т. 19, стр. 468.

но и ценнейшим историческим памятником. Варварские Правды позволяют выяснить образ жизни и занятия, состояние и характер хозяйства, агрикультуру и агротехнику германских племен V—VII веков. Нам известен целый ряд варварских Правд: вестготская, остготская, бургундская, лангобардская и другие. Из них всех наиболее подлинно выражает германскую действительность Салическая правда франков, т. к. она значительно меньше других затронута римским влиянием.

Салическая правда свидетельствует о том, что в хозяйственной жизни франков V—VI столетий безраздельно господствовал аграрный строй. Из статей Салической правды видно, что сельское хозяйство франков стало многоотраслевым: франки занимаются животноводством, земледелием, птицеводством, рыболовством и пчеловодством[1], что, несомненно, являлось большим шагом вперед по сравнению со временем Цезаря и Тацита.

От переложенной или подсечной системы использования земли франки перешли к двухполью. Пахотную землю они делили на два поля: одно засевали, а другое отводили под пар или на «отдых». Поля, отведенные под посев и пар, ежегодно менялись. Франки вспахивали землю легким плугом[2], разрыхляли ее бороной[3]. Они возделывали землю не только под ниву, т. е. под посев зерновых культур. Им было известно огородничество и луговодство, они разводили сады и виноградники. «Если кто-нибудь по вражде или по коварству, — читаем мы в Салической правде, — откроет чужую загородку и впустит скот на ниву, или на луг, или на виноградник, или на какое-нибудь другое обработанное место... он должен возместить вред и, кроме того, принуждается к уплате 1200 денариев, что составляет 30 солидов»[4]. Франки сеяли пшеницу, ячмень, лен, засаживали поле репой, бобами, горохом, чечевицей[5], выращивали яблони, груши[6] и виноград[7]. Земледелие станови-

[1] Анализ Салической правды даю по тексту издания МГУ, 1950, стр. 14—17, 19, 30—31

[2] Салическая правда, МГУ, 1950, стр. 32.

[3] Там же, стр. 35.

[4] Там же, стр. 20.

[5] Там же, стр. 30.

[6] Там же.

[7] Там же, стр. 31.

лось многоотраслевым, урожайность повышалась.

Большие перемены произошли и в области животноводства. Было положено начало перехода от экстенсивного животноводства к интенсивному. Об этом свидетельствует стойловое содержание скота, наличие хлевов для свиней, заготовка кормов[1], большое внимание к вопросам размножения или воспроизводства скота. Салическая правда особо охраняет скот-молодняк, супоросную свинью, жеребую кобылу, стельную корову и т. д. Франки разводили свиней, крупный и мелкий рогатый скот[2]. Но главной отраслью в животноводстве было свиноводство. Салическая правда обстоятельно перечисляет возрастные разновидности свиней. Крупный рогатый скот (волы, быки, коровы) имели хозяйственное значение как упряжные животные, употреблялись в качестве тягловой силы. Салическая правда говорит и о коневодстве, о табунах лошадей в 7—12 голов. Лошадь в то время была дорогой, считалась благородным животным, она предназначалась главным образом для верховой езды. Франки занимались также оленеводством[4] и птицеводством. Они разводили кур, уток, гусей, журавлей, лебедей и другую домашнюю птицу[5]. Мелкая домашняя птица была в хозяйстве обычным явлением. Салическая правда говорит и о пчеловодстве. Она упоминает об улье с пчелами под крышей, упоминает пасеку в семь и более ульев[6].

В целом, франки времени Салической правды выступают оседлыми земледельцами с довольно высоким для того времени уровнем агрикультуры.

Ранне-феодальный порядок каролингской эпохи (с половины VIII до конца IX века) довольно богато представлен документальными памятниками, среди которых наряду с правовыми и юридическими памятниками имеются специально посвященные сельскому хозяйству, непосредственно отражающие уровень развития производительных сил каролингского общества. К подобного вида памятникам относятся следующие:

---

1 Салическая правда, МГУ, 1950, стр. 25, 31.
2 Там же, стр. 14—15—17.
3 Там же, стр. 38.
4 Там же, стр. 35.
5 Там же, стр. 18—19.
6 Там же, стр. 18.

1. «Полиптики» или «Писцовые книги» монастырей. Самая обширная и подробная из всех дошедших до нас «Полиптик аббата Ирминона», составленная в начале IX века в монастыре святого Германа вблизи Парижа. Она вскрывает перед нами различные формы эксплуатации, разные степени зависимости крестьян, размеры феодальной ренты.

2. «Образцы описей земель церковных и королевских» или примерные отчеты о состоянии и имуществе поместий, составленные для королевских ревизоров в виде формул»[1], а некоторые даже в виде конкретных описаний определенных поместий.

3. «Капитулярий о поместьях» или Вотчинный устав Карла Великого, составленный в VIII веке. Он дает возможность выяснить внутреннюю структуру поместья, организацию управления, натуральный характер хозяйства и состояние агрикультуры.

4. «Статуты Адаларда» или записки Адаларда, аббата монастыря Корби в Северо-Восточной части нынешней Франции. Памятник относится к 822 году и рисует детальную картину большого монастыря. Описаны ремесленные мастерские, мельницы, пивоварни, огороды, плодовые сады; перечислены натуральные поборы с зависимых крестьян и доходы от монастырских владений

5. Поэма монаха Вандальберта — поэта Прюмского монастыря на Рейне «О названиях, признаках, культурах и климатических свойствах двенадцати месяцев». Этот памятник первой половины IX века дает описание сельской жизни и сельскохозяйственных работ по месяцам.

6. «Книга об обработке огородов» Вальфрида Страбона. Относится к первой половине IX века и представляет собой стихотворное описание устройства небольшого огорода и растущих в нем овощей, лечебных трав и цветов.

Все эти документальные памятники разнообразны по происхождению, форме и содержанию и представляют большую ценность для выяснения вопросов экономики каролингского феодализма. Они указывают на то

---

[1] Формулы — образцы, по которым писались реальные документы различного содержания.

обстоятельство, что в каролингский период необычно возрос интерес к вопросам сельского хозяйства. И это не случайно. Во-первых, произошло объединение ряда варварских племен и королевств в единую монархию Каролингов, что обеспечивало относительный покой и порядок внутри страны, войны были перенесены за и на границы государства; во-вторых, процесс образования крупного феодального землевладения развернулся во всю ширь именно в каролингское время; в-третьих, активно шел процесс слияния различных категорий, зависимых крестьян в одну основную категорию — крепостных крестьян, труд которых был значительно производительнее труда рабов и колонов. Все это благоприятствовало и делало выгодным занятие сельским хозяйством вообще и земледелием в частности. Вот почему каролингское время отмечено крупными лесными расчистками, в результате которых значительные лесные пространства были завоеваны под пашню.

Анализ всех вышеупомянутых источников[1] дает возможность раскрыть перед учащимися вопросы: какими были сельскохозяйственные орудия, способы использования земли, виды злаков и урожайность, характер удобрений, система полеводства, короче говоря, нарисовать картину состояния агрикультуры и агротехники, а также позволяет выяснить формы феодальной эксплуатации, виды и размеры крестьянских повинностей и платежей за землю, раскрыть анатомию социально-экономических отношений в рамках поместий каролингской эпохи.

Источники позволяют проследить рост производительных сил в сельском хозяйстве, характерные черты аграрного строя, эпохи, методы возделывания земли, развитие полевых культур. Так, поэма Вандальберта «О названиях, признаках, культурах и климатических свойствах двенадцати месяцев» различает три срока обработки почвы: весенний, летний и осенний. Автор указывает, что летом производилась предварительная вспашка поля свободного от посева, т. е. пара. «Переворачивая с помощью волов землю, — читаем мы в поэ-

---

[1] Отрывки данных источников приведены в «Христоматии по истории средних веков» под ред. Грацианского и Сказкина, т. 1, более полно представлены в «Социальной истории средневековья» под ред. Удальцова, т. 1, 1927.

ме, — земледелец в этот месяц подготовляет почву к тому, что по положению сеется осенью[1]. Наличие летней вспашки в практике того времени указывает на существование трехпольной системы землепользования, которая идет на смену двухпольной системе времени Салической правды. Трехпольная система землепользования состоит в том, что вся наличная пашня делится на три части: поле яровое, поле озимое и поле, отведенное под пар. Разделение пахоты на две категории — под культуры яровые и культуры озимые — было, очевидно, повсеместным явлением для помещичьего хозяйства, т. к. в большей или меньшей степени засвидетельствовано во всех аграрных источниках каролингской эпохи. Особенно ярко этот факт прослеживается в «Полиптике аббата Ирминона», где перечисляются имеющиеся в поместье Сен-Жерменского монастыря крестьянские держания и причитающиеся с мансов повинности. Среди всех платежей и работ особо указывается, сколько держатель манса, справляя барщину, должен вспахать под озимые и сколько под яровые культуры[2]. Источники свидетельствуют и о том, что в практике возделывания земли широко применялось удобрение полей навозом[3]. Вывоз навоза на господские поля является обычной барщинной повинностью крепостных крестьян того времени.

В поместьях светских и духовных феодалов из числа зерновых культур возделывали пшеницу, ячмень, рожь, овес и просо, из технических — лен и коноплю[4]. Ячмень был одним из распространенных злаков во всей Европе. Он шел не только для изготовления хлеба, на корм скота, но и для приготовления пива. Лен и конопля употреблялись как сырье в ткацком производстве, семена льна шли на приготовление масла. Больших размеров по сравнению со временем Салической правды достигает садоводство и виноградарство. Сады являются обязательной принадлежностью поместий. Од-

---

[1] Агрикультура в памятниках западного средневековья, М.—Л., 1936, стр. 114.

[2] «Социальная история Средневековья», т. 1, М.—Л., 1927, стр. 132, 134.

[3] Агрикультура в памятниках западного средневековья, стр. 119—120, 122.

[4] Там же, стр. 98, 115, 107, 109

нако 70-й параграф «Капитулярия о поместьях» свидетельствует о том, что сад как участок, где произрастают фруктовые и ягодные деревья и кусты, еще не обособился, не выделился. В понятие сад включаются культуры огородные, цветочные и лекарственные[1]. Из фруктовых деревьев «Капитулярий» перечисляет несколько сортов яблонь, груши, сливы, рябину, кизильник, каштановые деревья, персиковые, айвовые, вишневые деревья и многое другое. Из лекарственных растений были известны шалфей, анис, касатик, рута, а также роза и лилия, которые были единственными видами цветов, разводимых как для украшения, так и в качестве лекарственных растений. Из огородных культур «Капитулярий» перечисляет: огурцы, дыню, тыкву, фасоль, горох, бобы, салат, петрушку, сельдерей, укроп; горчицу, свеклу, капусту, морковь, лук и редьку. Словом, 70-й параграф «Капитулярия» свидетельствует о разнообразии садовых, огородных и лекарственных культур, возделываемых в поместьях. В этом плане большой интерес представляет также «Книга об обработке огородов» Вальфрида Страбона. Для предохранения посевов от потравы во время произрастания пашни и луга ограждали заборами и глубокими канавами, а виноградники окружали насыпями.

Более разнообразными и улучшенными становятся в каролингское время сельскохозяйственные орудия. Мотыжное земледелие было пройденным этапом уже во времена Салической правды. Уже тогда был известен малый или легкий ральный плуг, который состоял из дышла и стебля с ральником. Он резал землю, образуя длинные борозды. Теперь же плуг получает всеобщее распространение. Крестьяне были обязаны выходить на полевую барщину «или с плугом или с ручной работой»[2]. Появляется и тяжелый плуг. Тяжелые плуги стояли на колесах, имели резец и лемех. Такой плуг подрезал землю горизонтально и переворачивал ее. Тяжелый плуг образовывал более широкие и глубокие борозды. Основные элементы тяжелого плуга делались из железа, железные части были соединены с плугом так,

---

[1] Агрикультура в памятниках западного средневековья, стр. 99—106.

[2] Там же, стр. 122.

что легко могли сниматься. Тяжелый плуг приводился в движение с помощью пары волов или быков, или какого-либо другого упряжного животного[1]. «Статут Адаларда» прямо говорит о плуговой запряжке с кольцом и сбруей[2]. Для разрыхления, размягчения и уравнивания поверхности земли употреблялась борона. Наиболее полный перечень сельскохозяйственных орудий приводится в «Статуте Адаларда». В нем говорится, что каждый должен иметь для обработки господского огорода, поля или других барщинных работ мотыги, заступы, топоры, плуги большой и малый, ножи для прививок, серпы, косы, садовые ножницы и другое[3]. Сведения о рабочем инвентаре содержат также «Образцы описей земель церковных и королевских».

«Образцы описей земель церковных и королевских», а также «Капитулярий о поместьях» дают богатый материал о дальнейшем развитии скотоводства в каролингскую эпоху. Особое внимание уделяет «Капитулярий» коневодству[4]. Очевидно, это было связано с военной реформой Карла Мартелла, согласно которой вассалы короля должны были являться для несения военной службы на коне и приводить с собой несколько всадников. К тому же шире стали использовать лошадей и для полевых работ. Все это резко увеличило спрос на лошадей и нашло отражение в хозяйственной жизни поместий. Документы говорят, что практикуется выведение улучшенных пород лошадей путем скрещивания низкорослых и некрасивых, но очень выносливых германских лошадей с испанскими и арабскими скакунами. Каждое поместье, как показывают «Образцы описей... «имело в своем хозяйстве коней, коров, волов, овец и прочий крупный и мелкий рогатый скот. Вот, например, опись одного из государевых поместий в Северной Франции гласит... «нашли мы скота: кобыл 51 голову, трехлеток — 5, двухлеток — 7, однолеток — 7; жеребчиков-двухлеток — 10, однолеток — 8; жеребцов — 3, волов — 16, ослов — 2, коров с телятами —

---

[1] Агрикультура в памятниках западного средневековья, стр. 98, 112, 114.
[2] Там же, стр. 75.
[3] Там же, стр. 78.
[4] Там же, стр. 114.

50, телок — 20, телят годовалых — 38, быков — 30, свиней взрослых — 260, поросят — 100, кабанов — 5, овец с ягнятами — 150, ягнят годовалых — 200, баранов — 120, коз с козлятами — 300, козлят годовалых — 300, козлов — 3»[1]. Данная выдержка из «Образцов описей земель...» дает представление о видах и размерах скотоводства в поместьях.

Дальнейшее развитие и рост скотоводства не давали возможности ограничиваться подножным кормом на выгонах и выпасах и настойчиво требовали более рациональных методов обеспечения скота кормами. Вот почему в каролингское время сильно возрастает луговое хозяйство, заготовка сена впрок. Сенокос осуществлялся в июне—июле месяце. Сено сушили, складывали в копны, нагружали на двухколесные телеги и отвозили в специальные хранилища.

В каролингском поместье мы встречаемся с довольно развитым ремеслом, о чем свидетельствуют §§ 45 и 62 «Капитулярия о поместьях», а также «Статуты Адаларда». Так, «Капитулярий... предписывает: «Чтобы каждый управляющий имел в своем ведении добрых мастеров, именно: кузнецов, серебряных и золотых дел мастеров, сапожников, токарей, плотников, оружейников...»[2]. В другом источнике, в «Статуте Адаларда», где описывается состояние хозяйства монастыря Корби, зарегистрировано наличие кожевников, суконовалов, пергаментщиков, каменщиков, литейщиков и других[3]. Но ремесленное производство выступало как дополнение к сельскому хозяйству и рассчитано было на удовлетворение потребностей феодалов, «чтобы не было у феодала надобности где-либо что-нибудь просить, занимать или покупать». Все это говорит о том, что хозяйство каролингской эпохи было натуральным, в нем силами крестьян производилось почти все необходимое для феодала, в том числе и бранные доспехи и боевые повозки, которые берут на войну. Соединение сельскохозяйственного труда с промышленным в каролингском поместье является характерным признаком натурального хозяйства.

---

[1] Агрикультура в памятниках западного средневековья, стр. 108,
[2] Там же, стр. 152.
[3] Там же, стр. 66.

Дальнейшее развитие производительных сил в сельском хозяйстве и ремесле, которое будет наблюдаться со второй половины IX и по XI столетие в условиях распада каролингской империи и становления таких государств Европы, как Франция, Германия и другие, приведет к новым качественным изменениям, к отделению ремесла от сельского хозяйства и возникновению города, как нового экономического центра, центра ремесла и торговли.

Н. В. ТРУБНИКОВА

РАСКОПКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ СЕЛА УНДОРЫ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1966 г.

С 6 по 19 июля проводила свои работы археологическая экспедиция Ульяновского педагогического института. Раскопки эти были небольшими по масштабу и являлись практическими занятиями для студентов первого курса.

Для работы был выбран район Ундор. По имеющимся в специальной литературе данным, в окрестностях Ундор имеются древние памятники в виде городищ. Их исследованию и были посвящены работы. Они были начаты с исследования городища у д. Городище в 4-х км от Ундор[1].

Это городище располагается на высоком берегу Волги. В настоящее время его восточный край сильно разрушен и размыт, а территория занята постройками современной деревни Городище и огородами. Общая площадь древнего городища составляет около 2500 кв. м.

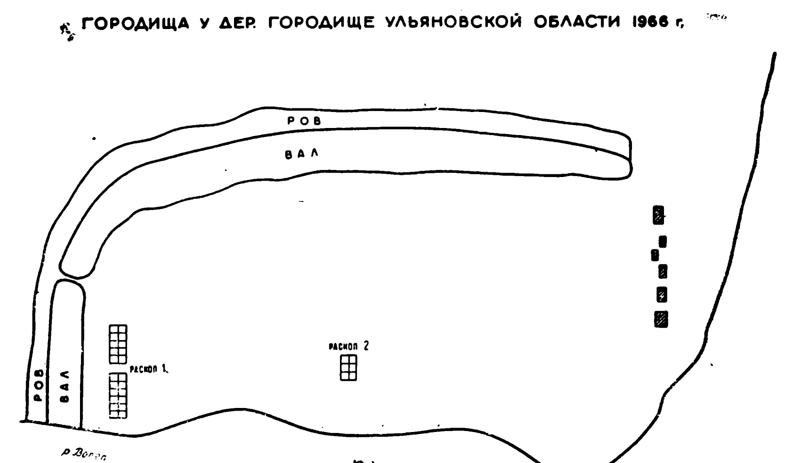
Территория древнего городища была окружена валом и рвом в виде овала или полукружия опоясывавшими его. Эти укрепления: вал и ров, в целом хорошо сохранились до наших дней. Только с северной стороны древний вал, по-видимому, доходивший до края берега, не сохранился и срыт постройками деревни. На

[1] Древние памятники в районе Ундор упоминаются в ряде работ: в работе Невоструева. — О городищах древне-волжско-болгарского и казанского царств. Труды I Археологического съезда, т. II, М., 1871, стр. 521—594; В. Н. Поливанова. Археологическая карта Симбирской губ., Симбирск, 1900.

всех остальных участках он сохранился полностью. С юго-запада сохранился проход (ворота) с земляным мостом через ров. Поскольку площадка городища занята строениями современной деревни и огородами, для раскопок были выбраны свободные участки у вала и между постройками.

СХЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН

ГОРОДИЩА У ДЕР. ГОРОДИЩЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ 1966 г.

Было заложено два раскопа: 1-й раскоп и 2-й раскоп. Общая раскопанная площадь составляет 112 кв. м. Надо сказать, что подъемного материала в виде обломков керамики по поверхности почвы разбросано много.

Раскоп 1-й был заложен на берегу Волги у южной части вала и составлял 88 кв. м. В целях фиксации он был разбит на 22 квадрата 2×2 м каждый.

Работы велись по штыкам с занесением на план и зачисткой каждых 20 см. Культурный слой имел темно-серую окраску. На участках 1—12 его верхнее напластование (до глубины 20—30 см) отличалось несколько более темной окраской, заметной только в профиле. Находками культурный слой был насыщен неравномерно. На участках 1—12 их было больше. Как увидим ниже, эти первые участки совпадали с местом жилой постройки. На участках 13—22 находок было значительно меньше. Как раз на эти участки, по-види-

мому, частично распространилась насыпь вала. Этот момент в какой-то мере может служить указанием на время постройки оборонительных сооружений городища, его вала и рва. Мне кажется, что, поскольку строения и культурные остатки на городище не перекрыты полой оборонительного вала, то, следовательно, они одновременны, т. е. древний поселок существовал под прикрытием этой оборонительной линии.

В раскопе 1-м на участках 2, 3, 5, 6 были обнаружены остатки строения плохой сохранности. Судя по глубине залегания этих остатков (0,40—0,60 м), оно было полуземлянкой, т. е. домом, несколько углубленным в землю. По характеру находок его можно считать жилищем.

На квадрате 4-м сохранилось большое очажное пятно и остатки очага из камней и обожженной глины, а также угли и зола. На нем лежали обломки посуды и кости животных. Самый очаг сильно разрушен. По типу он, по-видимому, не отличался от очагов болгарского времени в других местах.

Хорошо сохранился большой фрагмент кувшина из красной глины с поверхностью, покрытой вертикальным лощением и нарезным узором из полукружий. Здесь же было найдено много обломков керамики красного, коричневого и серого цветов.

Сохранились следы двух, по-видимому, столбовых ям, одна — на участке 2-м, другая — в профиле северной стенки участка 5.

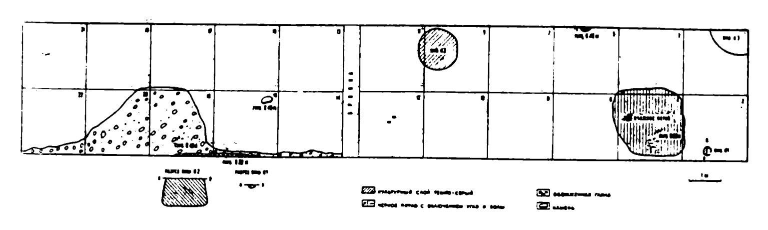
Ямы эти небольшие, их диаметр 20 и 30 см, т. е. обычные для столбовых ям жилых строений, углублены они на 40—60 см ниже уровня пола. Форма их дна — округлая.

По размеру строение было небольшим, судя по следам столбовых ям, длина его равнялась 4 метрам.

Здесь же поблизости находились две хозяйственные ямы. Одна из них, яма № 3, находилась в северо-восточном углу раскопа на квадрате 1-м. Половина ее уходила под перекопанную площадь городища, диаметр ее в исследованной части равнялся 60 см, глубина от уровня пола жилища — 50 см, форма круглая, дно — округло-упрощенное, заполнена была культурным слоем темно-серого цвета.

Другая яма, № 2, занимала участки 9 и 11, диаметр

ГОРОДИЩЕ У ДЕР. ГОРОДИЩЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ 1966 г.
РАСКОП I
СВОДНЫЙ ПЛАН

ее равнялся 1 м 20 см, форма круглая, дно плоское, общая глубина 80—85 см. Яма была прослежена до глубины 30—40 см, заполнена была темно-серым культурным слоем, как и яма № 1. Помимо этих двух ям, связанных по стратиграфии их залегания и характеру находок в них с остатками описанной выше постройки и одновременных с ней, в южной стенке квадрата 12 была прослежена еще одна небольшая яма позднего происхождения. Начиналась она прямо от современной поверхности и продолжалась до глубины 30 см, диаметр ее — 40 см.

В культурном слое были сделаны некоторые находки. Были найдены обломки керамики и различных железных предметов: ножей, шильев, пластинок и пр. В целом по раскопу 1-му находок было довольно много, но они довольно однообразны, главную массу их составляли обломки керамики, соотношение типов которой позволяет составить представление о времени существования поселка.

Подавляющая часть керамических находок приходилась на долю гончарных изделий хорошей работы, хорошо обожженных, красного, коричневого и серого цветов. Большая часть их покрыта лощением. Особенно распространенным было лощение в виде вертикальных полос, но встречаются экземпляры, покрытые полосами лощения в виде пересекающихся линий и клеток.

Большая часть фрагментов на всех глубинах принадлежала сосудам коричневого цвета. Затем по численности шли серые и красные. Фрагменты красной лощеной керамики приходились главным образом на первый штык и в очень небольшом числе попадались ниже. Коричневая и серая керамика присутствовала во всех напластованиях. Из орнаментов на керамике имел-

ся линейный на сером грубом черепке, на лощеном тоже встречался линейный нарезной узор, узор в виде косого креста, встречались фрагменты, украшенные рельефными линиями по венчику, желобками вдоль края с ребристой поверхностью. Попадались кувшины, миски, горшки. Встречались обломки больших толстостенных сосудов с небольшим валиком у края. Найдено было три обломка днищ с остатками клейм, но преобладающим типом посуды оставалась коричневая гончарная посуда с вертикальным лощением. Было найдено также несколько фрагментов с желтой поливой, наряду с ней было найдено несколько фрагментов ручной лепки серых горшков без орнамента с нарезкой в виде косых полос по венчику и защипом. Из вещей найдено довольно много глиняных пряслиц, небольших круглых и биконических, иногда выбитых из черепка. Попадались обломки железных предметов, чаще всего ножей небольших, прямых. Однажды попалась красная стеклянная бусина.

Подобные типы жилищ с очагами, сложенными из камня и обмазанными глиной, аналогичной керамическим находкам, позволяют составить представление о культурной принадлежности и времени существования поселка. Подобное сочетание типов керамики характерно для поселений болгарского домонгольского слоя. Поселения у деревни Криуши и у д. Пальциной на территории Ульяновской обл. дают аналогичный подбор находок и обычно связываются исследователями с IX—XI вв[1].

Малое количество керамики ручной лепки также характерно для этого времени. Эту дату существования поселка можно несколько удревнить, считая временем его основания VIII век. На это как будто бы указывает большое количество керамики с вертикальным лощением вообще и лощением в виде косых пересекающихся полос на темном черепке, очень напоминающем керамику Салтовского могильника[2].

---

[1] Т. А. Хлебникова. Пальцинское селище X — начала XIII в. МИА, № 61, М., 1958, стр. 203—220.
Н. В. Тухтина. Раскопки 1957 г. близ села Криуши Ульяновской области. МИА, № 80, стр. 145—154.

[2] О. С. Хованская. Гончарное дело города Болгар. МИА, № 42, стр. 340—368.

Раскоп 2 был заложен на берегу Волги приблизительно в средней части городища на месте, свободном от построек.

В соответствии с очень небольшой свободной площадью и размеры раскопа были небольшими и равнялись 24 кв. метрам (6 квадратов 2×2 м каждый).

До раскопок место это было небольшим пустырем между домами, поросшим травой. Культурный слой имел темно-серую окраску. По структуре он был близок слою в раскопе 1-м.

Находок было много, значительно больше, чем в раскопе 1-м, только характер их был несколько иной. Особенно много их было во 2-м штыке и значительно меньше в третьем.

Наряду с керамикой болгарской имелась и более поздняя русская, встречались и поздние вещи (из железа: скобы, накладки, замок, бусина и т. п.).

При работах над 3-м штыком на кв. 2 в северо-восточном углу обнаружена яма, в ее верхнем горизонте был найден обломок крестика XVII века.

Яма большая, диаметр ее ок. 1 м 50 см; частично она уходит под нераскопанные участки городища. Дно ямы плоское, углублена в грунт на 30 см.

В целом находок было много, значительно больше, чем в раскопе 1-м. Наряду с обломками керамики были найдены железные вещи, только характер их был иной. Все эти предметы: накладки, железные замки, пластины поздние. Много было найдено и поздней керамики с лощением, характерным для XVI—XVII столетий. Слой этот хорошо датируется найденным на верхней границе ямы половинкой медного крестика XVII века.

На основании этих находок: русской керамики, поздних железных предметов, крестика, наконец, вкраплений щебня и строительного мусора, мы вправе их связывать, по-видимому, с давно существующей русской деревней Городище.

Что касается напластований более ранних, болгарских, то стратиграфически они не выделяются и находки более ранние встречаются наряду с более поздними.

С болгарским временем связывается также керамика, почти исключительно коричневая и серая, гладкая и с вертикальным лощением, иногда серая с линейным

орнаментом. Обломков сосудов болгарских красного цвета почти нет. Встречено несколько фрагментов серых, в одном случае с нарезками по венчику, в другом — с ямками. Находки эти одновременны с находками в раскопе 1-м и являются остатками болгарского поселения домонгольского времени. С болгарским временем связывается также такой очень характерный предмет, как обломок глиняного светильника.

Следует сказать, что в обоих раскопах было еще найдено много костей животных. Кости определены в лаборатории Института археологии доктором биологических наук В. И. Цалкиным. Им отмечены кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади, собаки, а также кости диких животных и рыбы.

В заключение следует сказать, что городище у дер. Городище в итоге наших раскопок очень небольшого масштаба, представляется памятником домонгольского времени, аналогичным уже известным в Ульяновской области селищам этого времени у д. Криуши, д. Б. Пальцино и др. От них наш памятник отличает наличие мощной оборонительной системы в виде валов и рвов. Продолжение раскопок, конечно, могло бы дать более интересный материал и поставить это городище у дер. Городище в ряд с другими болгарскими памятниками домонгольского времени, выявив более ярко его специфику и место в истории.

Наличие русского слоя, находки XVII века, существование этого пункта рядом с русской засечной чертой также представляет интерес. Но слишком небольшие масштабы работы не дают возможности осветить эту страницу в истории данного места и русского заселения края. Мне кажется, что самое название деревни Городище свидетельствует не о преемственности населения, а о том, что русские поселенцы поселились уже на месте заброшенного более древнего населенного пункта.

Городище у дома отдыха «Серебряный источник»

В непосредственной близости от дер. Городище на территории дома отдыха «Серебряный источник», на берегу Волги, на одном из мысов располагается другое древнее городище «Городок».

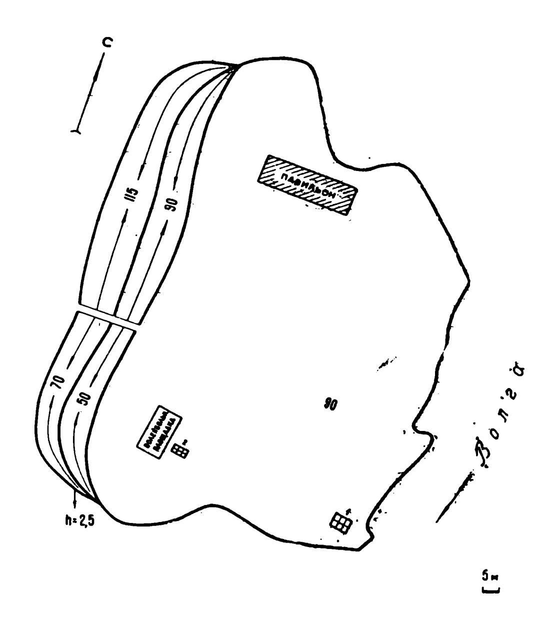
От территории дома отдыха оно отделено двумя ва-

лами и рвами с проходом в середине. Городище обращено к Волге и эта его часть сильно разрушена и осыпается. В обрезе берега виден культурный слой черного цвета. На поверхности много обломков керамики гончарной работы. Поверхность городища распахана, на валах и по краям растут деревья. На его территории сооружены домом отдыха волейбольная площадка и один из павильонов (бильярдный).

С севера и юга городищенский мыс защищен глубоким оврагом.

Нами для исследования городища были заложены два раскопа — 1-й и 2-й.

ПЛАН
ГОРОДИЩА У Д/О „СЕРЕБРЯНЫЙ ИСТОЧНИК"
УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ 1966 г.

Раскоп 1-й заложен у берега Волги, в его юго-восточной части, и состоял из 6 квадратов 2×2 м каждый (общая площадь раскопа 24 кв. м). Культурный слой черного цвета находками был насыщен слабо. Встречались обломки керамики, железные пластинки, стержни,

гвозди, кусочки железного шлака. Керамика красного, желтого, коричневого и серого цветов исключительно гончарная. Поверхность чаще всего покрыта вертикальным лощением.

Раскоп 2-й был заложен вблизи волейбольной площадки, его составили два квадрата 2×2 м, т. е. 8 кв. м. Характер культурных напластований и находок тот же, что и в раскопе 1-м. В целом по типам керамики болгарской красной с вертикальным лощением, желтой и и серой, городище у «Серебряного источника» является памятником болгарской культуры домонгольского времени.

Подводя итог, следует сказать, что Ульяновская область также богата разновременными памятниками прошлого, как и другие области нашей страны.

Их исследование может раскрыть много новых страниц нашей истории.

И. З. ДЕРГАЧЕВ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ (70-х гг. XVIII века)

Семидесятые годы XVIII века вошли в историю общественной мысли России под знаком реакции. Напуганная восстанием Пугачева, дворянская реакция спешно принимала меры к укреплению общественного строя. В 1775 г. вводится «Положение» об учреждении губерний, целью которого было укрепление местного самоуправления. Одновременно с этим принимаются дополнительные меры по усилению крепостного права, по закрепощению свободного крестьянства.

Составной частью усилий дворянской реакции явилось идеологическое наступление самодержавия. В 1777 году Екатериной II был издан «Российский апофегмат», оправдывавший существующее положение дел в стране. В 1783 году вышла книга «О должностях человека и гражданина», утверждавшая идею беспрекословного повиновения властям. Первая должность «сынов отечества», по словам авторов книги, состояла в любви к отечеству, исключавшей какое-либо недовольство правительством. Вторая должность обязывала к признанию существующего разделения людей на рабов и господ. «Общество сие господ и слуг, — говорилось на страницах книги, — богу отнюдь не противно, поелику есть заповеди божий, кои как господам, так и слугам, свободным и рабам должности их предписывают»[1].

---

[1] О должностях человека и гражданина. СПБ., 1783, стр. 123.

Совершенно естественно, что восстание Пугачева оказало влияние и на образ мыслей русской интеллигенции, либеральной и просветительской. Г. В. Плеханов писал в свое время, что просветительская интеллигенция вся в целом, в том числе и такие видные ее представители, как Н. И. Новиков, усваивала масонские учения. Просветительский фронт, таким образом, был ослаблен. Отношение к внешней среде крайне усложнилось. Находила почти всеобщее признание масонская идея, по смыслу которой человек должен был интересоваться не средой, а своим внутренним миром, весьма далеким от совершенства и являвшимся причиной добра и зла. Интеллигенцию теперь интересовали вопросы отношения человека к богу.

Органом мистики становились в это время лучшие русские журналы. Органом масонства сделался, по мнению Плеханова, в частности, первый русский философский журнал «Утренний свет», принадлежавший Новикову. На страницах этого журнала проповедовалось пренебрежительное отношение к материальным условиям жизни, примирение с установленным порядком вещей. С удивительной настойчивостью журнал убеждал читателей в том, что так как жизнь человека кратковременна, то человеку следовало искать счастья не в жизни, а в смерти.

Точка зрения Г. В. Плеханова находит известное признание и в настоящее время. В настоящее время она тем не менее как-то уточняется и предлагается в несколько ином виде. Восстание Пугачева, по мнению такого знатока общественной мысли XVIII века, как Г. П. Макогоненко, оказало отрицательное влияние на либеральную интеллигенцию. Боясь повторения событий, подобных тем, которые имели место в годы восстания Пугачева, эта интеллигенция добровольно отказывалась от оппозиционных настроений, от какой бы то ни было общественной деятельности, шла в масонство и переходила, таким образом, в лагерь реакции. «Вне зависимости от направлений, — подчеркивает Г. Макогоненко, — вся деятельность масонских лож в эпоху господства полицейского режима Потемкина носила объективно реакционный характер. Масонство, объединяя в своих рядах дворянскую интеллигенцию, отказавшуюся от какого-либо протеста против усилившегося кре-

постного гнета, тем самым способствовало укреплению режима екатерининского самодержавия»[1].

Масонская тактика, по словам исследователя, это тактика умывания рук. Масоны ничего не хотели делать для укрепления **существующего порядка** вещей и в то же время ничего не хотели делать для его уничтожения или ослабления. Если ими еще и ставились какие-то задачи, связывающие их с жизнью общества, то задачи узкие, не делающие чести. Они ограничивались большей частью проповедью нравственного самосовершенствования.

Что касается просветительской интеллигенции, которая тоже страшилась революционной борьбы народа, но которая не отрывалась в это время от народа, то восстание Пугачева оказало на нее скорее в общем положительное влияние. Восстание Пугачева способствовало прояснению классового состава просветительского движения, образованию и размежеванию двух лагерей: демократического и дворянского.

Н. И. Новиков, с точки зрения советских исследователей, действительно колебался между мистикой и просвещением, вступил в масонскую ложу, оказался одним из руководителей московского масонства и т. д. По мнению К. В. Пигарева, однако, Новикова привлекала в масонстве не мистика, а «идеалы всеобщего братства людей», идея нравственного самосовершенствования. К. В. Пигарев убежден в том, что Новиков в 70-е гг. не только «не изменил своим прежним общественно-политическим просветительским взглядам», о чем свидетельствует третье и четвертое издание «Живописца» в 1775 и 1781 гг., но стал еще более убежденным просветителем. «Крестьянская война не ослабила — усилила его уверенность в необходимости просвещения народа»[2].

Соглашаясь с тем, что Новиков не принял и не мог принять крестьянской революции 1773—1775 гг., Г. П. Макогоненко думает, что в «Утреннем свете» разрабатывалось под его руководством новое для русского читателя учение о морали, «в основе которого **лежала**

---

[1] Г. П. Макогоненко. Радищев и его время. М., Государственное издательство художественной литературы, 1956, стр. 237—238.

[2] История русской литературы в трех томах. Т. 1. Изд. АН СССР, 1958, стр. 514.

проповедь природного равенства духовных способностей всех людей вне их сословной принадлежности[1]. Проповедь этого учения не только не уводила от служения обществу, по мнению Г. Макогоненко, но являлась единственно возможным видом общественной деятельности в условиях 70-х гг. На философском языке Новиков утверждал то же самое, что составляло пафос его трудов, опубликованных в сатирической журналистике.

Семидесятые годы XVIII века — это какой-то особый исторический период, содержание которого целиком обусловливалось восстанием Пугачева. Ни предваряющие это десятилетие шестидесятые годы, ни, тем более, последующие восьмидесятые годы не имели присущей ему специфики развития. Закономерности развития общества и общественной мысли семидесятых годов были, несомненно, как-то сдвинуты в сторону «от среднего типа и среднего темпа движения».

Не следует забывать при этом, что хотя это была эпоха реакции, сдерживавшая развитие, обращавшая движение вспять на некоторое время, она в конце концов являлась внутренне противоречивой по своей социальной природе. «Эпоха потому и называется эпохой, что она обнимает сумму разнообразных явлений как типичных, так и нетипичных, как больших, так и малых, как свойственных передовым, так и свойственных отсталым странам. Отмахиваться от этих конкретных вопросов посредством общих фраз об эпохе, значит, злоупотреблять понятием эпохи»[2].

Естественно, что, изучая эпоху, мы обязаны знать не только и, может быть, не столько «уклонение от среднего типа и от среднего темпа движения», сколько главное содержание эпохи, «главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки»[3].

Усиление реакции в 70-х гг., следовательно, всего лишь одна из закономерностей развития эпохи, сосуществовавшая с другими закономерностями, в том числе и с противоположными ей. Едва ли она к тому же представляла собою главное направление развития эпохи.

---

1 М. Макогоненко. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.—Л., 1951, стр. 313.
2 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 195.
3 Там же, т. 26, стр. 141.

* * *

Восстание Пугачева показало несостоятельность крепостнического общественного строя и дворянской государственности. Восстание Пугачева обнаружило вместе с тем и некоторую слабость Просвещения и просветительских представлений о путях преобразования общества. Опыт революционной борьбы народа побуждал к пересмотру просветительских теорий, к некоторым новым решениям вопросов. В России складывалась обстановка, заставлявшая мыслить, считаться больше с фактами, развивать общественные науки, сообщать критическое направление публицистике и поэзии, больше обычного интересоваться внутренним смыслом вещей, обнаруживать связи между ними, вырабатывать привычку к обобщению фактов и т. д. В 70-х гг. в связи с этим мы имеем дело не столько с художественным творчеством, сколько главным образом с теоретическими работами просветителей. До мистики ли тут было дворянским просветителям?

Просветители оставались просветителями и после восстания Пугачева. В 70-х гг. развивается просветительская журналистика. Новиков совместно с группой дворянских писателей издает «Утренний свет» и «Московское ежемесячное издание». Одновременно с этим выходят в свет «Академические известия», «Опыт трудов вольного российского собрания», «Санкт-Петербургский вестник» и т. д.

Первое, что обращает на себя внимание при чтении названных журналов, это необыкновенный интерес к духовной культуре прошлых исторических эпох. Сумароковым были написаны целых три специальных сочинения на тему о народных движениях, имевших место в истории русского народа: «Сокращенная повесть о Степане Разине», «Краткая московская летопись», «Второй стрелецкий бунт». Интересные материалы по этому вопросу печатались тогда в сборниках «Опытов трудов вольного российского собрания», в знаменитой «Древней российской Вивлиофике» Новикова, в его же «Древней российской Идрогафии». Тема древности увлекала даже Радищева, который перевел на русский язык в 1773 году книгу Мабли «Размышление о греческой истории».

Интерес к прошлому возникает обычно в переход-

ные эпохи. В эпоху буржуазных революций буржуазия обращалась к прошлому в целях возвеличения своей собственной классовой борьбы. Буржуазная революция нуждалась, по словам Маркса, «во всемирно-исторических воспоминаниях прошлого, чтобы обмануть себя насчет своего собственного содержания»[1].

У русских просветителей 70-х гг. не было повода к самообману; будучи заинтересованными в решении неотложных вопросов, страшно запутанных обстановкой, сложившейся после восстания Пугачева, но не полагаясь при этом на привычные просветительские учения, они искали ответа на вопросы в духовной культуре прошлых исторических эпох. Закономерности развития, выдержавшие испытания веков и веков, являлись, с их точки зрения, более достоверными по сравнению с закономерностями развития, заявившими о себе в XVII—XVIII столетиях.

За это ручалось многое. Во-первых, образ жизни тех далеких исторических эпох по преимуществу, когда не было еще собственности и, следовательно, не могло быть стремления к порабощению себе подобных, когда люди были равными в правах, вольными в делах; когда они больше заинтересованы в общем благе, руководствовались чувством любви к ближнему и т. д. На этом основании возникло и развивалось древнее просвещение утверждавшее гуманное отношение к человеку, ценившее не материальные блага, а нравственные качества человека.

Сопоставляя древнее просвещение с новейшим, просветители приходили к выводу, что так как последнее уклонялось от традиции первого, сосредоточивало свое внимание на исследовании внешнего мира и того, что было связано с ним, то оно не только не воспитывало, но развращало людей.

Одним из первых к этим выводам пришел Фонвизин. В письмах второго заграничного путешествия (1777—1779 гг.) он утверждал, что французская просветительская мысль XVIII века свидетельствовала не о мудрости, а о тщеславии и непорядочности французских философов. Убеждая людей в том, что религия не

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения т. 1, М., ОГИЗ, 1949, стр. 214.

могла быть основанием добродетели, они подменили ее низменными побуждениями страстей, влекущих к порокам и преступлениям. Божеством французской просветительской философии сделался интерес, подчинивший себе мораль, добродетель, веления разума, высшие соображения вообще.

Фонвизин в связи с этим перевел на русский язык «Слово похвальное Марку Аврелию» (1777 г.), сообщавшее некоторые сведения о мудрости и просвещении эпохи римских императоров, и «Та-Гио» (1779 г.) принадлежавшее перу последователей Конфунция, воплощавшее опыт древнекитайской философии. Текст «Та-Гио» сопровождался следующим примечанием переводчика: «Китай, пораженный предубеждением ли, или истиной, сияющею в сих изящных творениях, упражняется уже более двадцати веков в изучении оных и хранит древние сии предания в великой святости. Частые перемены, последовавшие со времени сих именитых мужей во вкусе, народном умствовании и самом правлении, не нарушили поныне общие их похвалы, не лишили превосходного их слога и не уничтожили изящества полезного в них учения»[1].

Апология древнего просвещения продолжалась у Фонвизина сравнительно недолго. «Недоросль» и «Рассуждение о непременных государственных законах», над которыми он работал в конце 70-х гг., позволяют говорить о нем, как об одном из представителей современного просвещения. Знаменитая фонвизинская комедия подтверждала в сущности учение французского просвещения XVIII века о влиянии внешней среды на быт и нравы помещичьего сословия и о необходимости ее совершенствования в интересах человечества. В основе «Рассуждения о непременных государственных законах» лежала чисто просветительская мысль о вольности и собственности, как о благе и праве государств и народов.

Подлинным и едва ли не единственным в своей убежденности последователем древнего просвещения оказался в 70-х гг. Н. И. Новиков, настойчиво пропагандировавший его идеи, как нечто такое, что могло быть принято в XVIII веке на вооружение в борьбе за

---

[1] «Академические известия», ч. 2, 1779, стр. 83.

прогресс. Начиналось это с искреннего восхваления древнерусского просвещения, противопоставлявшегося современному французскому просвещению. Едва ли не впервые об этом говорилось в предисловии к «Древней российской Вивлиофике». Здесь утверждалось следующее: «Не все у нас еще, слава богу, заражены Францией, но есть много и таких, которые с великим любопытством читать будут описания некоторых обрядов, в сожитии предков наших употреблявшихся; с неменьшим удовольствием увидят некое начертание нравов их и обычаев и с восхищением познают великость духа их, украшенного простотою»[1].

Имелось в виду, таким образом, ознакомление читателя с культурой русского народа исключительно, которая свидетельствовала бы не об отсталости его, а о даровитости, нравственной чистоте и других достоинствах национального характера, заслуживающих уважения.

Ниже Новиков говорил о том, что ознакомление с историческим прошлым русского народа предупредит то низкопоклонство перед Францией, которое имело место у многих легкомысленных соотечественников и которое создавало неправильное в конечном счете представление о нашей современной культуре.

Все бы это могло быть понято, как патриотическое движение души человека, осознавшего необходимость внимательнейшего изучения национальных традиций, если не превосходивших традиции соседей, то и не уступавших им ни в чем. Вскоре после этого, однако, в предисловии к «Кошельку» вопрос этот оборачивается уже по-другому. Здесь прямолинейно утверждается, что культура наших предков истиннее культуры современной Франции, ложной в своем основании.

Напоминая здесь еще раз о подражаниях французам, Новиков пишет в названном предисловии: «Да сие и не удивительно, ибо мы уже давно бросили истинные драгоценные жемчуги, предками нашими любимые, яко недостойные и во Франции неупотребляемые, а принялись жадно покупать ложные, но я смело скажу: если бы Франция имела столько жемчугов, сколько имела

---

[1] Н. И. Новиков и его современники. Издательство АН СССР, М., 1961, стр. 325—326.

Россия, то никогда бы не стала выдумывать бусов. Нужда и бедность — мать вымыслов. А ныне развращение во нравах учителей наших столь велико, что они и изъяснение некоторых добродетелей совсем потеряли и столь далеко умствованиями своими заходят, что во аде рай свой найти уповают»[1].

В первом разговоре «между россиянином и французом» эта мысль повторяется Россиянин подчеркивает, что одним из коренных свойств русского национального характера является стремление делать добро людям. «Делать добро не по принуждению, по склонности сердца». Далее следует такое умозаключение: «Предки наши во сто раз были добродетельнее нас, и земля наша не носила на себе исчадий, не имеющих склонности к добродеянию и не любящих своего отечества»[2].

В одном из последующих разговоров, темой которых является все то же сопоставление Франции и России, утверждается, наконец, что добродетельность русского человека может быть объяснена некоторым пренебрежением к наукам. Оценивая по-своему политику правительства прошлого, Новиков говорит, что «мудрые древние российские государи якобы предчувствовали, что введением в Россию наук и художеств наидрагоценное российское сокровище, — нравы — погубятся безвозвратно и потому хотели лучше подданных своих видеть в некоторых частях наук незнающими, но с добрыми нравами, людьми добродетельными, верными богу, государю и отечеству»[3].

Так впервые была высказана Новиковым мысль о нравственности, как высшем явлении духа; о естественном образе жизни на лоне природы, как ее почве; о современном просвещении, как ее противоположности. Это отступничество от просветительства XVIII века в его отношении к наукам являлось не чем иным, как теоретическим выражением смены вех, произошедшей под влиянием восстания Пугачева в конечном счете.

Вскрыв, таким образом, сущность и непреходящее значение древнего русского просвещения, Новиков пе-

---

[1] Н. И. Новиков и его современники. М., изд. АН СССР, 1961, стр. 159.
[2] Там же, стр. 162.
[3] Там же, стр. 169.

реходит затем к утверждению древней философии народов других стран. В связи с выходом в свет в 1776 году книги «Китайский мудрец» он пишет: «Должно признаться, что древние философы далеко превосходили нынешних в описаниях своих: первые украшали сочинения свои чистейшим правоучением, истинным богопочитанием и труднейшею из всех наукою самопознания; из новейших большая часть печется только о красоте и важности слога, об остроте слов и о разрушении»[1].

Новейшее просвещение надо было опровергать. Надо было говорить о его несостоятельности и бессмысленности. Следовало указать, во-первых, на ложное направление новейшего просвещения, которое, отстранившись от человека и общества, от законов сердца и духа, погрузилось в исследование внешнего мира. Необходимо было дать отпор ученым, доказывавшим, что человек есть продукт среды, и тем самым унижавшим природу человека, созданного богом и превознесенного над всем животным миром.

Следовало, наконец, повести решительную борьбу с вольномыслием новейшего просвещения. В этом состояла едва ли не главная задача «Утреннего света». В послесловии к девятой части журнала говорилось следующее по этому поводу: «Ласкалися мы изданием такового журнала, каков наш, искоренить и опровергнуть вкравшиеся правила вольномыслия, которого следствия как для самых зараженных оным, так и для общества весьма пагубны»[2].

Это было сравнительно легко сделать, как ему казалось. Он был убежден в том, что «обольщенные некоторых иностранных писателей сочинениями, подобными блеску сусального золота, скоро могут придти в себя, если мечтательные оных красоты, подобно в нашем воздухе зимою блещущим снежными частицами увидят растаивающими и в ничто обращающимися при восхождении солнца правды»[3].

---

[1] Санкт-Петербургские ученые ведомости, 1777, стр. 170.
[2] Н. И. Новиков. Избранные сочинения. М., Гослитиздат, 1954, стр. 400.
[3] Там же, стр. 382.

Все это могло быть сделано при помощи древней философии. Новейшему просвещению поэтому надо было противопоставить просвещение древней эпохи. К исследованию этого древнего просвещения призывал и Новиков своих сотрудников. «Древность, — писал он, — оставила многие прекрасные и преизящные сочинения о таковых важных материалах. Время и обстоятельства большую часть оных погребли под их развалинами, исторгнем оные оттуда, друзья мои; предадим их нашим согражданам на их собственном языке. Таким образом, часть древности спасем для пользы нашего отечества; и притом будем иметь случай читателей наших препровождать ко дверям доброго вкуса и разумного познания»[1].

Предпочтительное отношение к древнему просвещению сохранилось и в годы издания журнала «Московское ежемесячное издание». Допуская, что по логике вещей следовало бы думать о превосходстве новейшего просвещения, развивавшего достижения древних, Новиков писал: «Однако, взирая беспристрастными глазами на себя и на всю древность, как на источник, из которого все науки произошли, должны признаться, что мы не только их не превосходим, но едва ли и сравниться можем; ибо мы по сие время не только в науках ничего нового не изобрели и не прибавили, но и едва ли и разумеем все, что от них получили»[2].

* * *

Идея превосходства древнего просвещения над современным производит странное впечатление. Но только на первый взгляд. На самом деле она вполне естественна. Она выдержана в духе просвещения XVIII века, известным образом обоснована и оправдана.

Дело в том, что просветители XVIII века, по словам Энгельса, это почти сплошь метафизики по типу мышления. Представляя себе вещи неподвижными, они в то же время говорили о движении мира, но о таком движении, в процессе которого вещи оставались в ко-

---

[1] Н. И. Новиков. Избранные сочинения. М., Гослолитиздат, стр. 385—386.
[2] Там же, стр. 411.

нечном счете неизменными. Движение происходило, по их мнению, «в одном и том же круге и таким образом оставалось собственно на том же месте»[1].

Эта идея и пропагандировалась Новиковым на страницах «Утреннего света». Утверждая, что все в мире «рождается, умножается, колеблется и распадается, чтобы снова начатые и оконченные уничтожать и возобновлять беспрерывно в неизмеримом пространстве вечности», он писал, что смысл развития не в поступательном движении, а в повторении пройденного, в возвращении к тому, что прежде считалось несовершенным. «Мир никогда не останавливается, беспрестанно в движении находится, и в сих бесконечных его переменах время пожирает и паки **возвращает** (подчеркнуто нами.—**И. Д.**) великие зрелища, кои принадлежат до круга периодических происшествий»[2].

Тот же самый круг движения в области просвещения. Сначала мы имеем век невежества. На смену ему приходит век просвещения. В силу тех или иных причин общество снова «впадает в невежество и варварство». Невежество и варварство обычно «немедленно следует за просвещенными временами»[3].

Мудрено ли было после этого не придти к заключению, что подлинное просвещение, несправедливо забытое в настоящее время, это древнее просвещение. Тем более, что оно, как представлялось Новикову, отвечало духу времени, располагало арсеналом средств для воспитания людей в духе добродетели, вещи поважнее всякой политики.

Метафизический способ мышления господствовал в 70-х гг. XVIII века в философии, в естественных науках, в эстетике и т. д. В некоторых случаях тем не менее в общественных науках тогда же возрождались традиции античной диалектики. В «Развитии социализма от утопии к науке» Энгельс утверждал во всяком случае, что, если не в философии, то «вне пределов философии в собственном смысле слова» французские просветители оставили нам «высокие образцы диалекти-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. 2, ОГИЗ, 1949, стр. 454.
[2] «Утренний свет», ч. 9, М., 1781, стр. 173, 167.
[3] Там же, стр. 168.

ки». Примером тому, по его мнению, могли служить «Племянник Рамо» Дидро и «О происхождении неравенства между людьми» Руссо.

Никто не решится утверждать, что диалектика отвоевывала себе место в русской просветительской философии или в русской журналистике, литературе и т. д. Идея развития тем не менее, понимаемого скорее как эволюция, нежели как движение по кругу, проникала постепенно и в русскую науку. Это происходило, конечно, медленно и трудно.

В работах, принадлежавших А. М. Кутузову, встречаются такие формулировки: «Никто еще два раза в едином ручье не купался; никто два раза в сей единой жизни не пробуждался. Мы именуем ручей сей единым, а жизнь свою почитаем все той же, не взирая, что стремящееся течение оного чинится беспрестанно быстрее»[1].

Движение и развитие так характерно для мира, по мнению Кутузова, что не знаешь как сказать, глядя на вещи, существуют ли они как нечто вполне определенное и неизменное, или они только рождаются затем, чтобы умереть; есть ли в мире что-либо твердое, продолжительное во времени, можно ли уловить мгновение неподвижности т. д.

Совершенно естественно, что пройденные этапы истории казались некоторым мыслителям несовершенными, что просвещение прошлых эпох, в частности, рассматривалось иногда как неудовлетворительное во многих отношениях. Об этом было ясно заявлено на рубеже 70-х гг. некоторыми представителями русской университетской науки. В «Слове о происшествии и учреждении университетов в Европе» (1768 г.) И. А. Третьяков утверждал, что прославленная философия древних являлась в значительной мере схоластической. Философы тогда, по мнению И. А. Третьякова, были в своем большинстве «несносные схоластики, поднимали обо всем споры не в пользу ни себе, ни отечеству».

Греческое законодательство было примитивным. «Юриспруденции у греков почти никакой не было. Сей народ больше застарелыми нравами, нежели предписы-

---

[1] «Утренний свет», ч. 6, М., 1780, стр. 237—238.

ваемыми законами управляем был. Солон и Ликург, их столь славные законодавцы, в ученом свете больше неосновательного шуму, нежели законов наделали»[1].

Римское просвещение и того слабее. Рим был увлечен завоеваниями. Науки не привлекали его внимания. Заимствуя все от греков, «Римляне к греческим наукам никакого прибавления не сделали». Римская философия была представлена всего двумя мыслителями: Лукрецием и Цицероном.

Обращалось внимание также и на явно неудовлетворительную методологию древнего просвещения, на его отрыв от практики, подмену исследования вымыслами и т. д. Решая те или иные вопросы, древние ученые обсуждали сначала вопрос о том, что полезно для общества вообще, почему полезно, достаточно ли справедливо полезное, не противоречит ли оно честности и т. д. При рассмотрении вопросов права, имущественного, государственного и т. д., нравоучителя рассуждали о том, «что в человеке сходствует с совершенством его внутренним и внешним и что согласно в нем с волею божьей и что не согласно... В таком лабиринте они ищут общего всем натуральным правам начала»[2].

В 70-х гг. эта точка зрения развивалась дворянскими просветителями по преимуществу. С Новиковым последние спорили, древнему просвещению противопоставляли новейшее. Начало этому спору положено, кажется, президентом Академии наук С. Г. Домашневым. Во вводной статье к первому номеру «Академических известий» он писал: «Многие укоряют наш век тем, что он не присовокупил ничего» к тому, что было сделано древними. Эти многие говорят: «но что там угадать, где уже все угадано и что совершено, к тому добавлять нечего; какой бы разум ни оживлял человека, если бы и мог быть еще сильнее, нежели Невтонов, то и таковому осталось бы только почувствовать и изумиться открытиями последнего»[3].

Отдавая должное древнему просвещению, Домашнев предпочитает ему новейшее просвещение. «Сколь

---

1 Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Госполитиздат, т. 1, стр. 344.

2 Там же, стр. 201.

3 Академические известия, ч. 1, 1779, стр. 17.

открытия сии (древнего просвещения.—**И. Д.**) ни превосходны пред всем, что любомудрие древних нам оставило, но мы можем присовокупить к ним еще новейшие, столь век наш отличающие». Сообщив далее о том, что именно было сделано науками современными в Европе и в Америке, он заключает: «Свет учения ни в какой век столько не распространился, как в последнее столетие, науки как в великих открытиях, так и в приложениях их в разных подробных случаях более успели в последние сто лет, нежели во всю древность»[1].

Что именно происходило в недрах «Утреннего света» в этом отношении мы не знаем. Можно утверждать тем не менее, что сотрудники Новикова — Кутузов, Тургенев, Херасков и другие — требовали публикации сочинений современных зарубежных просветителей, предпочитаемых сочинениям древних авторов. Известно, что Новиков не соглашался с ними. На одном из первых редакционных совещаний он говорил: «Друзья, уверены ли Вы, что наши сограждане будут охотно читать лучшие, по вашему мнению, вновь избранные сочинения? Разве перья ваши очищены по новейшей французской моде? Разве снабдили вас Англия и Немецкая земля материей к писанию?»[2].

* * *

При обсуждении вопроса о культурных традициях наметилось со всей очевидностью, таким образом, две точки зрения и, следовательно, две группы мыслителей: одна из них была представлена Новиковым; вторая — дворянскими просветителями, тем небольшим коллективом авторов, главным образом, который сотрудничал с ним в «Утреннем свете» и в «Московском ежемесячном издании».

В понимании общих задач просветительской деятельности у них не было расхождений. И те и другие писатели были убеждены в том, что просвещение является если не единственным, то во всяком случае, важнейшим средством прогресса. И. П. Тургенев доказывал, что «основательное изучение свободных наук имеет ве-

---

[1] Академические известия, ч. 1, 1779, стр. 17, 27.

[2] Избранные произведения Н. И. Новикова. **Гослитиздат,** 1951, М., стр. 381.

ликое действие над сердцами и нравами нашими в общей жизни» и что поэтому дух учения должен рассматриваться как «верный наш спутник», который сопровождает нас во всяком «состоянии жизни нашей — в упражнениях домашних, в отправлении дел государственных и в подвигах воинских»[1].

Литературный редактор названных журналов А. М. Кутузов рекомендовал учение, как единственно приемлемый способ подготовки к отправлению гражданских обязанностей, совершенствованию природных способностей, «дабы способствовать через то собственному нашему счастью и благу общественному»[2].

Непременная обязанность интеллигенции, следовательно, заключалась в том, чтобы нести знания в массы. К этой работе должны были привлекаться не только журналисты и поэты, наиболее чуткая в этом отношении прослойка образованного поколения, но также и ученые. Кабинетные ученые поэтому, работавшие «для показания своей учености», равнодушно взиравшие на невежество, решительно осуждались просветителями, как анахронизм старых времен, ничем не оправданный в XVIII веке.

Совершенно естественно, что просветители были заинтересованы в создании условий для просветительской деятельности. Они настаивали на своем праве «вольно мыслить», обмениваться мнениями, обсуждать вопросы и т. д. С удивительным упорством они доказывали, что просветительство должно быть независимо от церкви, от догматов священного писания. Последнее ни в коем случае не должно быть вмешиваемо в «философские прения», потому, что философия и священное писание «между собою разного рода и никакого сходства не имеют». Предмет священного писания — вера; предмет науки — опытное знание. «Здесь только должно испытать то, что мы сами собою знать можем»[3].

Не следует, во-вторых, вмешивать в дела науки авторитет правителей. Хорошо мыслит тот, кто «вольно мыслит». А вольно мыслить можно лишь там, где не

---

[1] Московское ежемесячное издание, М., 1781, ч. 2, стр. 297, 502.

[2] Московское ежемесячное издание. М., 1780, ч. 2, стр. 262.

[3] Опыт трудов вольного российского собрания, М., 1780, ч. 2, стр. 195.

владычествует суеверие, служители не присматривают «шпионскими глазами» за учеными, где монарх «не подвержен тайным заговорам», направленным против просвещения[1].

Расхождения между названными выше группами просветительской интеллигенции начинались тогда, когда определялись конкретные задачи просветительской деятельности, имевшие в виду конкретную историческую обстановку, сложившуюся в России после восстания Пугачева.

Предпочитая древнее просвещение современному, Новиков имел в виду философию древнего Египта, Китая, Греции, Рима и отцов церкви, которым удалось, как он думал, «составить полную систему высокого нравоучения». Персоналия признанной им древней философии представлена в его статьях именами Моисея, Сократа, Платона, Эпикура, Зенона. В XVII веке его интересовали по преимуществу Вольф и Паскаль. Более всего Паскаль, которого, по его мнению, «особенно мы благодарить обязаны».

Статьи названных авторов и близких им в каком-либо отношении или материалы об их жизни и деятельности печатались с первого до последнего номера журнала. Им посвящаются иногда целые номера от первой до последней страницы, как, например, январский, февральский, апрельский и майский 1778 года.

Стержнем всех статей древних и о древних являлась мысль о том, что нравы, быт, культура общества, помыслы и поступки одного лица зависят в конечном счете от неизменной и независимой от внешних обстоятельств природы человека, которая была создана в свое время богом и которая была испорчена впоследствии в какой-то степени по вине самих людей.

Задача, поэтому, заключалась не в переделке мира, не имевшей смысла, потому что благополучие человека не зависело от внешних обстоятельств, а в совершенствовании природы самого человека. Об этом шла речь в «Житии и свойствах «Сократовых», где говорилось, что «премудрость ищет в конечном подражать бесконечному

---

[1] Опыт трудов вольного российского собрания, 1777, ч. 2, стр. 239.

и душу человеческую приблизить к первоначальной красоте и совершенству»[1]. В «Рассуждении Сенеки о счастливой жизни», где обращалось внимание на необходимость следовать законам правильно понятой природы, и во многих других статьях подобного рода.

В оригинальных статьях[2] позиции Новикова сложнее, богаче, но менее последовательны; иногда даже противоречивы. В одном случае он рассуждает в духе древних мыслителей, в другом — противоречит им и приходит к таким заключениям, которые дают нам право говорить о нем, как о последователе французских просветителей. Подобная двойственность обнаруживается почти в каждой статье.

Новиков разрабатывает основы новой нравственности, позволяющей утвердить человека в его активной роли носителя и хранителя божества, которым он был осенен свыше с момента возникновения человеческого рода. В отличие от авторов, пренебрегающих человеком, унижающих его природу, он хочет убедить читателя в том, что человек — «средоточие всей сотворенной земли и всех вещей!», созданных для него всевышним.

Человек, с другой стороны, поскольку его природа проистекает от бога, является носителем вечной и неизменной в своей сущности истины. Напоминая об этом неоднократно, Новиков приходит к заключению, что важнейшей задачей современности является задача самопознания. Решение вопросов ставится в зависимость от познания своей собственной природы.

Предметом публицистики становится, таким образом, по словам Новикова, душа и сердце человека; орудием и средством ее — нравоучение. Не соглашаясь с теми, кто принимал нравоучение за устаревшее орудие, Новиков собирался утверждать добродетель и разоблачать порок. Задача нравоучительных статей заключалась в том, чтобы «весьма униженную в свете добро-

---

[1] «Утренний свет», ч. 1, 1777, стр. 2.

[2] По словам Г. П. Макогоненко, выяснившего вопрос об авторстве статей, опубликованных в «Утреннем свете», Новикову принадлежат следующие статьи: «О высоком человеческом достоянии», «О достоинстве человека в отношениях к богу и миру», «Рассуждения на новый год», «Истины», «О добродетели», «Нравоучение как практическое наставление».

детель возвести паки на ее величественный престол, а порок, яко гнусное и человеческой природе противуречащее вещество, представить свету во всей его наготе»[1].

Задачами нравоучения должны были проникнуться также науки и искусства. «Все пространнее поле наук и художеств превратилось бы в пустое, бесплодное и сведения недостойное мечтание, если бы оные не стремились к исправлению сердца человеческого, ко споспешествованию человеческому благополучию и к расширению души и сил ее»[2].

Божественная природа человека обязывала, по мнению Новикова, не только к пренебрежению вопросами общественной жизни, поскольку последняя не зависела от первой, но и к признанию неизменности существующего образа жизни человека, т. е. к отрицанию целесообразности борьбы за его совершенствование. Новиков прямо писал, что «начертание всей нашей жизни даже до будущия вечности» предписано свыше и что наша деятельность должна быть направлена к тому, чтобы «сие начертание во всех его частях совершенно точно выполнено было»[3].

Говоря о божественном происхождении природы человека, навеки неизменной в своей сущности, Новиков отделял человека от мира, представлял его существом, независимым от среды. В этом смысле он и писал о человеке, как о средоточии мира.

В статье «О достоинстве человека в отношении к богу и миру», опубликованной в той же первой части, человек уже рассматривается как звено большой цепи явлений природы и что это именно обстоятельство главным образом и способствует ракрытию его божественных качеств. «Между тем, — пишет Новиков, — человек со всеми дарованиями, находящимися в нем, тогда только является в полном сиянии, когда взираем мы на него яко на часть бесконечные цепи действительно существующего вещества»[4].

---

[1] Н. И. Новиков. Избранные сочинения, Гослитиздат, М., 1951, стр. 385.
[2] Там же, стр. 383.
[3] Там же, стр. 389.
[4] Там же, стр. 388.

Рассматривая далее конкретные связи человека с внешним миром, Новиков кратко и больше с деланным восторгом, чем с желанием разобраться в существе дела, говорит, во-первых, о характере связей человека с богом. Именно в этих связях человек и представляется ему СРЕДОТОЧИЕМ мира и конечной целью мироздания.

Больше его интересуют, однако, связи другого рода. «Если мы восхотим, — пишет он, уточняя свое понимание связей человека с мирозданием, — рассматривать человека в отношении его ко всем вещам, вне его существующим, тогда долженствует обозреть не только то, в каком отношении находится он к богу, но и сие, тесно связан он со всемирным зданием»[1].

Связи человека «со всемирным зданием» — это прежде всего связи с обществом. Это главным образом активное воздействие на общественную жизнь с целью ее совершенствования. Люди, уяснившие это, «подобны достопочтенным монархам, которые себя отцами отечества своим сочеловеком оказывают и которые то думают, что чем важнее и достойнее почтения сан в общежитии, тем более особа, облеченная в оный, долженствует отечеству служить и быть полезною»[2].

Человек в этом случае становится уже не средоточием, а СРЕДСТВОМ общества. Унижает ли это его? Нисколько. «Если бы люди были токмо единою целью всех вещей сего мира, притом не были б средством оных, то были бы они подобны шмелям, которые у трудолюбивых пчел поедают мед, а сами оного не делают»[3].

Люди, воздействующие на общество, с другой стороны, вправе думать о себе, как о представителях человечества, которому они нужны и полезны. Сознание целесообразности своей деятельности не унижает, а возвышает человека.

* * *

Поиски решения вопросов на путях нравственного совершенствования божественной природы человека возможны были лишь при условии недоверия к поли-

---

[1] Н. И. Новиков. Избранные сочинения, 1951, стр. 388.
[2] Там же, стр. 392.
[3] Там же, стр. 391—392.

тической деятельности и понимания того, что как бы ни устойчивы были основы существующие общественной жизни, они все-таки изменялись под влиянием политики, что участие в политической жизни страны не развращало, а воспитывало человека, оказывало положительное влияние на его природу.

Немаловажную роль в этом отношении сыграл, конечно, и страх, вызванный революционной борьбой крестьянства в годы восстания Пугачева. В «Слове о разных причинах, немалое препятствие причиняющих в продолжении познания человеческого», произнесенного в разгар этой революционной борьбы, Д. С. Аничков утверждал, что «так называемые народные ненависти и народные брани» объяснялись испорченностью людей и что предрасположение к брани наблюдается главным образом у простых людей, испорченных до такой степени, когда они становятся не восприимчивыми к слову Просвещения.

Совершенно иное понимание этих вопросов имело место у сотрудничавших с Новиковым дворянских просветителей. Они прекрасно разбирались в том, что пока просвещение еще не справляется с возложенными на него задачами. Оно смягчало нравы людей, что заметно сказывалось и на законодательстве, и на юриспруденции, что было заметно «и в самом жару браней». Нравы современной эпохи сделались столь мягкими, что они не идут ни в какое сравнение «со нравами, с законами времен непросвещенных, в кои не власть, но сила всем действовала и располагала»[1].

Состояние государства во многом уже зависело от Просвещения. «Сияние наук везде было соразмерно со славою государств. В Египте, в Персии, в Греции, в Риме лучи славы смешивались с лучами мудрости»[2].

Пренебрежительное отношение властей к наукам, тем более препятствия, чинимые наукам с их стороны — все это является непосредственной причиной падения государств. Варвары овладели Римом тогда, «когда красноречие не возбуждало, поэзия не награждала, философия не подкрепляла граждан, умствование

[1] «Академические известия», ч. 1, 1779, стр. 21.
[2] Там же, стр. 5.

народное не было заражено спасительным мнение чести; достоинства и славы своего отечества»[1]. Законы Просвещения тем не менее еще не стали нормой государственной жизни.

Возглавляя надежды на Просвещение, просветители впервые в истории просветительского движения в России временами сомневались в его результативности. Убеждаясь в том, что союз просвещения и самодержавия становится невозможным на деле, они постепенно приходили к выводу, что просветительская деятельность не исключает протеста против несправедливости, отпора властям, борьбы с насильниками.

Первые заявления на этот счет были сделаны еще в 60-х гг. Депутат Комиссии Уложения В. Золотницкий писал в 1764 году: «Когда все одного притесняют, то имеет он право их принудить к отвращению сия обиды или совсем оставить общество. Напротив того, когда один наносит вред целому обществу, то все имеют право его или отвратить от сего или совсем исключить из общества»[2].

Путь насилия в 70-х гг. оправдывается в иных случаях идеологами самых различных социальных прослоек. Н. И. Панин, как это ни странно, допускал возможность пассивного сопротивления государству со стороны крепостного крестьянства. Высказываясь по поводу тайного перехода на нашу территорию польских крестьян, а на территорию Польши русских крестьян, причиной которого в том и в другом случае был произвол помещиков, он писал, что крестьяне вправе были «искать» в другом месте спокойного пребывания», раз они «в своем обществе оного лишены»[3].

А. Нартовым допускалась борьба во имя свободы, с одной стороны, ужасной по своим последствиям, с другой, — благоприятствующей успехам разума. «Тот пункт, — писал он, — где рабство и вольность друг другу противоборствовали, в истории человеческого разума примечания достоин. Видели в нем почти во все

---

[1] «Академические известия», ч. 1, 1779, стр. 55.

[2] Сокращение естественного права, выбранное из разных авторов для пользы российского общества Владимиром Золотницким. 1764, стр. 47.

[3] Русский архив, 1887, № 12, стр. 443.

времена возвышающихся людей с дарованием, кои времена свои прославили и кои потомство еще и поныне удивляют». Борьба партий способствовала, по его мнению, росту литературных дарований. «Посреди браней Гвельфов и Гебелинов, — писал Данте, — начертание людей и их страстей пылко и важно»[1].

Энергичные меры воздействия на среду допускались в некоторых случаях Фонвизиным. Пропагандируя вообще идею постепенного и мирного развития общества, в «Рассуждении о непременных государственных законах» он писал, о праве человека на неповиновение властям, даже о праве на мщение.

Любопытна в этом отношении позиция Кутузова, зарекомендовавшего себя убежденным сторонником мирного развития общества. Не сомневаясь в целесообразности и эффективности просветительского воздействия на среду, Кутузов приходит в конце концов к выводу, что если среда так несовершенна, что не обеспечивает справедливости, порабощает личность, ущемляет ее интересы и т. д.; то человек вправе встать на путь борьбы. Не следует забывать при этом, что на страницах «Утреннего света» подобные идеи не могли быть высказаны с такой определенностью, как в «Рассуждении о непременных государственных законах», не предназначавшемся к печати.

В первой части «Утреннего света» был напечатан «Федон» Мендельсона в переводе Кутузова. В «Федоне» говорилось, в частности, о том, что человек не имеет права противопоставлять себя обществу даже в том случае, если общество найдет нужным лишить его жизни, как-то было с Сократом, который не сопротивлялся несправедливому решению властей о предании смертной казни. Подвергнув сомнению эту мысль, Кутузов комментирует ее таким образом. Человек «обязан стараться о сохранении себя, о здравии, совершенстве своем, имеет право употреблять позволенные к тому средства, почему и может он удержать других, чтобы они в невинном исполнении права сего (права собственности. — **И. Д.**) ему не препятствовали. Следственно имеет он совершенное право требовать от каждого, чтобы его не обижали».

---

[1] Опыт трудов вольного российского собрания, ч. 6, 1783, стр. 116, 117.

Если же все-таки с этим не посчитаются и станут обижать человека, то человек вправе будет пользоваться правом наказания или мщения. «Тягость наказания измеряется по обиде, а особенно по вероятности, что оное достаточно будет защитить от будущей обиды. Почему и смертные наказания бывают справедливы, ежели легчайшие к тому недостаточны. Ежели кто-нибудь в естественном состоянии разорит мою хижину, возмутит воду или бросит в меня камень, того имею я право наказать»[1].

Рассуждая о праве человека на «отвращение обиды», просветители имели в виду, конечно, конкретных обидчиков и едва ли не русскую императрицу прежде всего. Из текста «Рассуждения о непременных государственных законах» явствует, что обидчики — это большей частью люди, облеченные властью, действовавшие по так называемому праву сильного, самовольно присвоенному, потому что сила не может быть правом, с точки зрения юридической. «Право деспота, — писал Фонвизин, — есть право сильного». Какое же это право? И разбойник себе то же право присвояет. И кто не видит, что изречение право сильного выдумано в посмеяние. В здравом уме сии два слова никогда вместе не встречаются. Сила принуждает, а право обязывает. Какое же то право, которому повинуются не по должности, а по нужде, и которое в тот момент у силы исчезает, когда большая сила сгоняет ее с места»[2].

Несколькими годами раньше этого право силы оспаривалось Кутузовым. Удивительно, что полемическая фразеология Кутузова примерно та же самая, что у Фонвизина. Вот что он писал во втором примечании на «Федона»: «Право сильнейшего... не может разрешить никакого дела. Сила и право сутью естеством их так различны, что как сила право, так и право силу произвести не может», потому что «на одной стороне право без обязанности, на другой должно решено быть силой, но сие есть бесмысленно»[3].

Не следует, конечно, преувеличивать значения этих

---

[1] «Утренний свет», ч. 1, 1777, стр. 174.

[2] Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений в двух томах, М.—Л., Госизд. Художествен. литература. 1959, т. 2, стр. 262—263.

[3] «Утренний свет», ч. 1, СПБ, 1777, стр. 75.

настроений. Говоря о праве на протест и в некотором роде на борьбу, просветители на деле избегали выступлений против правительства. Характерно в этом отношении поведение таких представителей т. н. аристократической ветви дворянского просветительства, как П. И. Панин, А. Б. Куракин, Е. Р. Дашкова.

В конце 1773 и в начале 1774 гг., когда восстание Пугачева являлось уже вполне очевидным фактом, граф П. И. Панин открыто заявлял о своем недовольстве императрицей. Комендант Москвы князь М. Волконский доносил императрице о том, что Панин публично порицал государственную политику, а московские дворяне соглашались с ним и «перебалтывали» его слова. Дело зашло так далеко с этой критикой, что Екатерина, поддержка Паниных для которой в это время была нужна, как никогда раньше, вынуждена была дать указание об установлении негласного надзора над П. И. Паниным, приказала поручить «надежному человеку» выслушивать незаметно «его дерзкие болтания» и сообщать ей без промедления[1].

Не желая иметь дело с Екатериной, Панин удалился в деревню. Князь А. Б. Куракин, считавший уединение бесплодным в практическом отношении, одобрил поступок Панина. «Не могу совсем, — писал он во второй половине декабря 1773 года, — опровергнуть вашего отдаления; неоспоримо много бы вещей увидели, которые в вас сущее негодование возбудили бы без малейшей вероподобности оные уничтожить их или, по крайней мере, переменить. В таких случаях мужу с духом бодрым и беспристрастным лучше и спокойнее быть в отдалении»[2].

Во многом не соглашалась с Екатериной, по всей вероятности, княгиня Е. Р. Дашкова. В мае 1774 года она писала князю А. Б. Куракину, что так как государственные дела Екатерины и лиц, окружавших ее, препятствуют осуществлению намерений лучшей части общества, то приходится отдаляться от двора. «Вы остаетесь в том положении, — писала она Куракину, находившемуся при дворе, — что друзьям вашим (следует) жалеть о вас, что вы при дворе»[3].

---

[1] Осьмнадцатый век. М., 1867, книга 3, стр. 130.
[2] Архив князя Ф. А. Куракина, кн. 7, 1898, стр. 257.
[3] Там же, стр. 304.

Вполне естественно, что дворянские просветители интересовались не только науками, но также и политической жизнью своей эпохи. А. Кутузов и И. Тургенев обсуждали, во всяком случае, вопросы внутренней политики правительства, позволяли себе осуждать деятельность монархов, положение крепостного крестьянства. Весьма убедительные материалы в этом отношении дают хотя бы такие переводы и оригинальные сочинения А. Кутузова, как «Путешествие добродетели», «О государях», «О льстецах и о всех людях вообще», «Почему нехорошо предузнавать судьбу свою» и т. д.

Интерес к политике существовал, конечно, и у других писателей, примыкавших так или иначе к Кутузову. На страницах «Собрания новостей», принадлежавших И. Богдановичу, печатались материалы о политической жизни Франции, выражалось положительное отношение к государственным реформам, осуществлявшимся Тюрго. Комментируя один из эдиктов французского короля, освобождавших ремесла от цеховой регламентации, И. Богданович писал, что в этом документе говорилось, кроме всего прочего, о далеко идущих, но вполне обоснованных замыслах преобразования общественной жизни Франции. При этом отмечалось, что в названном государственном законе не было ничего такого, что бы свидетельствовало о жестокосердии, которое свойственно «законам, какие составляются для угнетения людей и для возложения на них бремени рабства; таким законам, которых законодатель, прикрывая пустыми и вымышленными предлогами страшный вид производимого им тиранства, думает, что довольно того, что скажет: да будет исполнена моя воля, таково мое удовольствие»[1].

Отсюда не прекращавшийся интерес к французскому просвещению вообще. Русские почитатели французского просвещения искали в нем решения вопросов познания, искусства, но прежде всего, пожалуй, проблем чисто политических. На этот счет есть прямые указания современников. Французские просветители, по словам некоего автора, «открывали глаза подобных им человеков на слова и дела правительства»[1].

---

[1] «Собрание новостей», 1776, апрель, стр. 38.
[2] «Русская старина», 1871, том 3, стр. 604.

Известный мемуарист Г. С. Винский писал, что «сочинения французских просветителей открыли большей части народа глаза, «дабы смотреть и видеть должностных особ, их деяние, их домогательства в настоящем виде, следовательно, совсем не в том, в котором казало их правительство»[1].

* * *

Вся эта сложная и огромная работа по выявлению закономерностей общественного развития имела один смысл: разобраться в мыслительном аппарате материала прошлых эпох и решить вопрос о целесообразности восстановления наиболее предпочтительного в данный момент культурного наследства. Было при этом совершенно очевидно, что древней культуре восточных стран, ориентировавшей на примирение с обстоятельствами, существовавшими в России 1770 гг., предпочиталось современное просвещение побуждавшее к совершенствованию общественной жизни, а в некоторых случаях даже к политической деятельности, предполагавшей сопротивление властям.

Вполне естественно, что люди, определявшие так или иначе направление литературного процесса, должны были, если только они думали о развитии литературы, принять точку зрения современного просвещения, должны были принять, а затем и развивать именно те традиции, которые бы могли способствовать дальнейшему формированию просветительского реализма. Это тем более было возможно, что люди, принимавшие участие в обсуждении вопроса о значении духовной культуры прошлых эпох, либо сами были писателями, либо были связаны с ними общими интересами и оказывали на них влияние.

Авторитетнейшим искусством считалось в XVIII веке искусство античной Греции и Рима. А так как восприемницей этого искусства в новейшую эпоху являлась, по общему мнению, литература французского классицизма XVII века, то образцы совершеннейшего искусства находили в творчестве Буало, Корнеля, Расина.

Критическое отношение к античности возникло впервые на Западе еще в конце XVII века, когда против подражания древним высказывались сначала

---

[1] «Русский архив», 1887, № 1, стр. 99.

Декарт, а спустя некоторое время братья Перро, Фонтенель и некоторые другие французские писатели. Античностью, несмотря на это, вдохновлялись еще и многие писатели XVIII века. Сочинения древних приводили в восторг французских энциклопедистов, Дидро, таких виднейших представителей немецкой литературы, как Гете и Шиллер, немецких демократов Шуберта и Форстера.

Простое повторение античных традиций тем не менее не считалось целесообразным в XVIII веке. Во Франции, в Германии и Англии создавалась в XVIII веке принципиально новая литература просветительского реализма, превосходившая литературу античной древности и в смысле подхода к решению вопросов, и в отношении художественности, как таковой.

Античность пользовалась признанием и в России. Ломоносов гордился знанием греческой и римской литературы. К Гомеру и Виргилию он относился как к образцовым писателям, творчество которых не утратило своего значения и для современной поэзии. Но еще в 40-х гг. XVIII века он утверждал, что лучшие образцы славянской литературы, вольные славянские переводы Иоанна Дамаскина, Андрея Крицкого, в частности, ни в чем не уступали сочинениям древних. Признаваясь в том, что он хочет идти «вослед Виргилию, Гомеру», он говорил в то же время, что не находит в них «довольного примеру».

Будучи убежденным в том, что «поэзия как подражание естеству и как истинное подобие, есть одна и та же по свойству своему во всех веках и во всех местах у человеческого рода»[1], Тредьяковский склонялся перед авторитетом античной поэзии и французского классицизма. Его интересовала между тем, главным образом, русская поэзия, стихотворство, основанное на свойствах русского языка. Имея в виду множество критических замечаний, сделанных им по поводу творчества Гомера, Виргилия, Буало, Расина, Г. Гуковский справедливо заметил, что Тредьяковский готов был «отдать любого француза, даже самого авторитетного и прославленного, хоть бы и самого учителя классицизма Буало, за русско-

---

[1] В. К. Тредьяковский. Избранные произведения. Советский писатель, М.—Л., 1963, стр. 425.

славянскую традицию, прежде всего необходимую русскому поэту»[1].

Характерно, что Ломоносов и Тредьяковский расходились с древними и французскими классицистами, главным образом, в понимании роли поэтического вымысла в литературном произведении. Комментируя упоминавшиеся уже выше замечания Ломоносова о невозможности подражания Гомеру и Виргилию, А. Болотов, верно уловивший смысл этого замечания, писал: «Слова сии... сказаны не из высокомерия, но в разуме таком, что Виргилий и Омир, описывая дела, удаленные от памяти, могли примешивать к ним бытия и обстоятельства по своей воле и рассуждению, что было им великим пособием... Они во все дела своих героев вплетали своих богов, коим и приписывали деяния, приключения, рассуждения, страсти, могущество... Ломоносов всех сих пособий будучи лишен, не мог взять себе в образец ни Виргилия, ни Омира, а должен был искать иных средств, других способов к обогащению и укращению своего стихотворения. Он сказывает, почему именно не находит в них довольного примера, понеже не вымышленных, говорит, петь намерен я богов, но истинные дела, не терпящие никаких басен и небылиц»[2].

Почитателем Расина, а затем и Вольтера был, как известно, Сумароков. Расину он подражал как автор трагедий, написанных в 40-х гг. Сумароков тем не менее нашел нужным решительно отмежеваться от Расина. «Я будто сквозь дремучий лес, сокрывавший от очей моих жилище муз, без проводника проходил, — писал он, — и хотя я много должен Расину, но я его увидел уже тогда, когда вышел из сего леса и когда уже Парнасская гора предъявилась моему взору»[3].

Русские писатели 70-х гг. переиздавали на русском языке сочинения Вольтера, Руссо, некоторых английских и немецких авторов, но по-настоящему ценили традиции русского национального искусства, русской живописи,

---

[1] Г. А. Гуковский. Тредьяковский как теоретик литературы. В книге «Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. Издательство «Наука», М.—Л., 1964, стр. 53.

[2] Примечания на историю древней и нынешней России г. Леклерка, том 2, стр. 98—99.

[3] Полное собрание сочинений Сумарокова, изд. 2, ч. 4, стр. 226.

направляемой Академией художеств; зодчества, обращавшего на себя внимание своей оригинальностью, смелым решением вопросов и т. д. Многие тогда не сомневались в том, что Россия не только что овладела наследством древних, но успела превзойти их во многих отношениях. Имея в виду воздвигнутый в 1773 году памятник Петру Первому, С. Г. Домашнев писал, сопоставляя современный Петербург с древним Римом: «Многим из наших соотечественников известен сей в развалинах своих беспримерный город; но ни один там воздвигнутый обелиск не может столько поразить путешествователя, сколько сия громада»[1].

Вполне естественно, что эстетический принцип подражания образцам в 70-х гг. уже не пользовался у нас абсолютным признанием. Умственная деятельность вообще тогда рассматривалась как свободная деятельность. А. Нартов писал, что там, «где владычествует вольность в мыслях, тамо и дух гораздо свободнее; не находят там столь много рабских подражателей». В атмосфере вольномыслия приходит больше «подлинников», т. е. самостоятельно мыслящих людей. Доказательство тому Англия, где «подлинниками», а не подражателями являются даже простые люди в своем большинстве. Между подлым народом Англия имеет представить гораздо более «подлинников», нежели всякое другое государство: понеже вольность в мыслях столь у них неограниченна, как не в едином государстве. И кто имеет вольно мыслить, тот мыслит благо. Какие великие люди не произошли в греческих республиках и в Риме; когда вольность еще императорами была не обуздана»[2].

Одновременно с этим осуждалось подражание, как принцип литературного творчества. Подражанию предпочиталось оригинальное творчество, обязывающее писателя иметь дело не с готовыми образцами, хотя бы и гениальнейшими по исполнению, а с фактами действительности самими по себе. Творческий процесс протекал бы в этом случае не как угадывание чужих достижений, а как самодеятельность творческой личности, которая располагает свой труд по напряженному действию сво-

---

[1] «Академические известия», ч. 1, 1779, стр. 41.

[2] Опыт трудов вольного российского собрания, ч. 6, 1783, стр. 127.

его разума и по воспламенившемуся в ней воображению». Труд художника был бы направлен при этом на изыскание собственных «средств к приданию рукоделию своему такой же силы и живности, какую натура или воображение художника в образец впечатлели», вследствие чего работа художника представляла бы собою не что иное, как «слияние беспрерывных изобретений»[1].

Стремление к оригинальности творчества приобретает постепенно права гражданства. Вскоре после этого высказываются в этом же духе Муравьев и Веревкин. Последний писал, что хотя подражание литературным образцам и приносит известную пользу, более смысла в подражании самой природе. «Для чего, — писал он, — оставляя первоначальный источник всякого знания, почерпаем оное в мутных потоках, толико от него отдаленных. Бесчисленное множество разнообразных творений, книга, написанная рукою всемудрого существа не предлежит ли разогбенна пред очию каждого разумного создания? От нас зависит единых прочитывать тамо совершение божественных его начертаний»[2].

Вполне понятно, что в 70-х гг. подвергались сомнению лучшие традиции отечественной поэзии, в частности — традиции Ломоносова. От Ломоносова отрекались в это время не только чуждые, но и родственные ему по духу творчества поэты. В 1777 году от него отжемевался М. Муравьев. Ровно через два года — Г. Державин. Характеризуя свои собственные литературные позиции, Державин писал, говоря о себе в третьем лице: «Он хотел подражать г. Ломоносову, но как талант сего автора не был с ним внушаем одинаковым гением, то, хотев парить, не мог выдерживать постоянно красивым набором слов собственного свойственного российскому Пиндару велелепия и пышности. А для того с 1779 года избрал он свой особый путь, будучи предводим наставлениями г. Батте и советами друзей своих — П. А. Львова, В. В. Капниста, И. И. Хемницера, подражая наиболее Горацию»[3].

Едва ли не впервые в России утверждается, что жизнь искусства происходит как творческое углубление

---

[1] «Академические известия». Ч. 2, 1779, стр. 261—262.

[2] Опыт трудов вольного российского собрания, ч. 6. 1783, М., стр. 29—30.

[3] Сочинения Державина. СПБ, 1871, т. 6, стр. 443.

лучших его образцов, как их развитие и совершенствование. Н. И. Новикову литературный процесс представлялся следующим образом: «должно представить себе все опыты своих предшественников, приложить к ним новые изобретения и привесть к концу то, что лишь только было начато; собрать все нужное для строения, прежде сего разбросанное и оставленное первыми художниками, и сделать из сих остатков, до половины уже разрушенных, совершенное строение»[1].

Декларациями о новаторстве дело не ограничивалось, конечно, современники пытались конкретно говорить о путях и сущности новой поэзии. Не всегда это получалось, но то, что говорилось по этому поводу, означало большей частью желание повернуть русскую литературу на путь реализма.

Познакомившись с французской драматургией, Фонвизин с удовлетворением отмечал, что высшая степень совершенства, достигнутая французской современной комедией, позволяет говорить о стремлении французской литературы к правдоподобию. При виде комедии в сценическом исполнении, во всяком случае, нельзя было «не забываться до того, чтобы не почесть ее истинной историей, в тот момент происходящей».

По достоинству оценено им также и проникновение французской литературы в глубины сердечной жизни человека. Высказываясь по поводу «Исповеди» Руссо, он утверждал, что литература, изображающая душевные переживания в их связи с поступками, не уводит от жизни, а способствует ее познанию, указывает пути к ее совершенствованию. Показывая, как переживания «завлекали его в сильнейшие злодеяния», возвращали в добродетели и т. д., Руссо, по мнению Фонвизина, «хотел сделать услугу человечеству, показав ему в самой слабости, каково суть сердце человеческое»[2].

Новаторские устремления французской литературы были раскрыты, во-вторых, по мнению русских просветителей 70-х гг., в пьесах Вольтера так называемого английского цикла, по преимуществу в «Заире», «Меропе»,

---

[1] Н. И. Новиков. Избранные сочинения. Госполитиздат, М., 1951 г., стр. 415.

[2] Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений. Госуд. изд. художественной литературы. М.—Л., т. 2, 1959, стр. 477, 478.

«Магомете». Это были чувствительные пьесы, на первый взгляд, знакомившие читателя с любовными страстями, утверждавшими право на личную жизнь, чрезвычайно далекими от каких бы то ни было проблем общественной жизни. Но вот Сумароков писал, перекликаясь с Фонвизиным, выражая свое отношение к «Заире»: «Видно, что, сочиняя сию драму, автор о том имел попечение, дабы христианский закон утвердити в наших сердцах и отвлечь беззаконников, сиих заблудших людей, от естественного благополучия (от язычества.—**И. Д.**), которые не приемлят священного писания»[1].

Новаторская русская поэзия была представлена тогда, по общему мнению, по крайней мере, тремя поэтами: Сумароковым, Майковым, Херасковым. Первый прославил себя, как основоположник русского театра, российской драматургии. Второй — способностью писать во всех «тонах». Третий — как автор «Россиады», главным образом, которая не только поднималась, как тогда думали до уровня лучших образцов мировой литературы, но во многом и превосходила их. «Поэма сия есть картина, которая кажется выше сил одного живописца; ибо в ней находятся все роды живописания. Страшное, приятное, свирепое, нежное попеременно улавливают внимание: изображение страстей, их противоборствия, отличающие каждую рассуждения и изъяснения»[2].

С большой определенностью характер новаторства нашей литературы выявляется в журнальных публикациях, в материалах «Утреннего света» по преимуществу. Проливая свет на те искания в области эстетики, которые имели место фактически в 70-х гг., но не нашли надлежащего отражения в творческой практике, эти материалы окончательно должны убедить нас в том, что, преодолевая влияние традиции, новейшая литература действительно устремлялась к реализму. Больше того, опережая творческую практику, журналистика разрабатывала впервые стройную концепцию просветительского реализма, не только не уступавшую соответствующей концепции, создавшейся тогда на Западе, но и превосходившую ее отчасти.

---

[1] Полное собрание сочинений Сумарокова. Изд. 2, М., 1781, ч. 4, стр. 353.

[2] «Академические известия», ч. 1, 1779, стр. 44.

СОДЕРЖАНИЕ

И. С. Ромашин. Крестьянская реформа 1861 года в Симбирской губернии 3
Р. А. Таубин. Революционер-разночинец Матвей Яковлевич Свириденко (1854—1864 гг.) 26
П. Д. Верещагин. Из истории борьбы бывших удельных крестьян Симбирской губернии против земских начальников 83
М. А. Богданов. Страница борьбы за упрочение Советской власти на Алтае 102
Е. И. Лягушев. Мероприятия Симбирской партийной организации по борьбе с голодом (1921—1922 гг.) . . . 114
М. Г. Иванова. Политика Франции в Германии после Тридцатилетней войны. Образование Рейнской лиги 1658 г. 137
М. Г. Иванова. Установление феодального строя в Западной и Центральной Европе. (Материалы в помощь учителю) 177
Н. В. Трубникова. Раскопки в окрестностях села Ундоры Ульяновской области в 1966 г. 215
И. З. Дергачев. Из истории русской общественной мысли (70-х гг. XVIII века) 224

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ, ТОМ XXI, ВЫП. 5,
серия историческая

Отв. редактор Павел Дмитриевич Верещагин.
Тех. редактор Ю. В. Лаврентьева.
Корректоры Т. И. Егорова, З. В. Никитина.

Сдано в набор 29/VII 1969 г. Подписано к печати 12/XI 1969 г.
Формат бум. 60×90 1/16. Объем 16 1/4 п. л.
ЗМ00319. Заказ 5326.
Тираж 1000 экз. Цена 96 коп.
г. Ульяновск, типография облуправления по печати.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ им. И. Н. УЛЬЯНОВА

ИМЕЕТ В ПРОДАЖЕ КНИГИ:

1. Р. А. ТАУБИН. В. И. Ленин об идеологии и идеологах предшественников революционной социал-демократии в России. Ульяновск, 1968. 124 с. Цена 61 коп.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Введение

В. И. Ленин о классовой природе, составе, политических взглядах и историческом месте предшественников социал-демократии в освободительном движении России.

Социалистические воззрения предшественников революционной социал-демократии. Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов — лучшие социалисты домарксова периода.

Философские взгляды предшественников российской социал-демократии и их оценка В. И. Лениным.

Экономические воззрения предшественников российской социал-демократии.

Творческий характер и партийность в разработке и пропаганде предшественниками российской социал-демократии передовой теории домарксового периода.

Развитие революционного разночинского движения в России 1870-х — начала 1880-х гг. В. И. Ленин о соотношении взглядов «представителей наследства», революционных народников и русских марксистов.

В. И. Ленин об историческом значении практической деятельности предшественников социал-демократии.

2. **УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**, т. 22, в. 1, 1966. 324 с. Цена 1 руб. 08 коп.

СОДЕРЖАНИЕ:

Т. Н. Торбяк. Соотношение убеждения и принуждения в деятельности Советского государства в переходный период от капитализма к социализму.

В. А. Князев. Коммунистическая партия — руководитель строительства первых коллективных хозяйств в деревне (ноябрь 1917 — июнь 1918 гг.).

К. М. Красильникова. Особенности осуществления продовольственной политики партии в Симбирской губернии в 1919 г.

Е. Б. Скобелкина. Симбирские большевики в борьбе с кулацким мятежом весной 1919 года.

М. А. Богданов. Из истории борьбы против мелкобуржуазной контрреволюции на Алтае в 1920 году.

В. В. Кострюкова. Ульяновский комсомол в период подготовки коллективизации сельского хозяйства.

А. А. Григорьева. Последовательное совершенствование работы школ — важнейший участок деятельности партийных организаций.

М. Х. Валкин. Новые материалы о революционере-народнике А. С. Бутурлине.

А. И. Рыбаков. Образование Левого фронта освобождения в Уругвае.

Л. А. Зимулина. Борьба британских доминионов за расширение политических прав на имперской конференции 1926 года.

3. **УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**, т. 22, в. 2, 1966. 136 с. Цена 44 коп.

СОДЕРЖАНИЕ:

Э. М. Серлин. Роль субъективного фактора в развитии экономического союза рабочего класса и крестьянства.

М. Л. Капитанов. Основные производственные фонды — основа роста производительности труда.

И. Д. Змушко. Рабочий день, его возникновение и развитие.

И. Д. Змушко. Рабочий день, производительность и интенсивность труда.

В. В. Казюхин. Из истории создания органов управления промышленностью Среднего Поволжья в 1918 году.

В. В. Кострюкова. Ульяновский комсомол — боевой помощник партии в создании колхозного строя (1929—1932).

4. **УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**, т. 19, в. 3, 1964. 152 с. Цена 29 коп.

СОДЕРЖАНИЕ:

Э. М. Серлин. Некоторые вопросы сочетания интересов рабочего класса и колхозного крестьянства.

С. Л. Пикулин. Об экономической природе и структуре фонда социалистического накопления.

С. Л. Пикулин. Сокращение потерь рабочего времени — важное средство экономии живого труда.

Л. Н. Казанцева. Принцип материальной заинтересованности в повышении качества товарной продукции колхозов.

В. А. Князев. Ленинский декрет о земле и его роль в борьбе Коммунистической партии за крестьянские массы.

Г. Г. Матюшин. Марксистско-ленинская этика о категории совести.

Заказы присылать по адресу: г. Ульяновск, Ульянова, 2, научная часть.

96 коп.